

Они верны своим учителям

ОНИ ВЕРНЫ
СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

ОНИ ВЕРНЫ СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

К СТОЛЕТИЮ ХУДОЖНИКА
СЕМЕНА АРОНОВИЧА РОТНИЦКОГО

Санкт-Петербург
2015 г.

О-58 Книга «Они верны своим учителям» посвящена памяти Семена Ароновича Ротницкого (1915–2004), известного художника города на Неве, педагога, Заслуженного деятеля искусств Татарской АССР, ветерана Великой Отечественной войны. В ней рассказано о творчестве мастера, убежденного художника-реалиста, продолжавшего лучшие традиции русской реалистической школы. В книгу вошли воспоминания о С. М. Ротницком его коллег-художников и искусствоведов, его учеников и близких друзей, а также публикации о творчестве современных петербургских художников-реалистов. Книга приурочена к столетию со дня рождения мастера, которое отмечается в Петербургском Союзе художников в декабре 2015 года.

Авторы:

Гришутин М. М., Мшагский К. С., Нешатаева Н. Б., Никифоров Е. С.

Издание осуществлено при поддержке:
помощника полномочного представителя президента РФ по СЗФО
Сергея Михайловича Зимина

фракции КПРФ Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
Руководитель фракции — Владимир Яковлевич Дмитриев

Администрации СПб:

Комитета по культуре — председатель Константин Эдуардович Суханко;

Комитета по энергетике и инженерному обеспечению — председатель Андрей Сергеевич Бондарчук;

Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации — председатель Сергей Григорьевич Сергеев.

Организации, оказавшие спонсорскую помощь:

АНО «Стратегическое партнерство по экономическому и социальному развитию Северо-Западного федерального округа» — советник по привлечению инвестиций Евгений Семенович Никифоров;

ООО «ГИРОДИН» — генеральный директор Павла Геннадьевича Костоховича;

ООО «А+Проекты» — генеральный директор Михаила Валерьевича Агапова, технический директор Иван Александрович Коралев

ООО «Завод фасонных изделий» — генеральный директор Султанов Александр Константинович

ООО «ИЗОАА» — генеральный директор Дмитрий Святославович Ботарев

Благодарим за помощь в работе над книгой:

*Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Государственный музей истории Санкт-Петербурга;
 Кисловодский мемориальный музей-усадьбу Н. А. Ярошенко*

*Кафедру общей живописи Санкт-Петербургской Государственной художественно-промышленной Академии им. барона А. А. Штиглица;
 Выставочный зал ЦВС Московского района Санкт-Петербурга*

**Авторский коллектив выражает благодарность
 искусствоведам и художникам, принявшим участие в работе над книгой:**

*Р. А. Адамову, И. М. Варичеву, Ф. Ф. Гадеевой, Е. М. Жаворонкову, Ф. А. Иванову, А. К. Крылову, Б. П. Николаеву,
 А. Ю. Новоселову, М. А. Прадед, Т. Н. Черновой, С. Б. Эштитейну, Г. Д. Ястребенецкому*

М. М. Гришутину

советнику Комитета по энергетике и инженерному обеспечению Санкт-Петербурга

А. В. Сайкову

*заместителю Председателя Правления Санкт-Петербургского Союза художников,
 директору Выставочного центра Санкт-Петербургского Союза художников*

С. А. Прятыкину

заместителю Председателя Правления Санкт-Петербургского Союза художников

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Чаркин А. С. <i>Председатель Правления Санкт-Петербургского Союза художников</i>	4
Гришутин М. М., <i>советник Комитета по энергетике и инженерному обеспечению Санкт-Петербурга</i>	5
Нешатаева Н. Б. <i>Вместо предисловия (от составителя)</i>	12

О творчестве и судьбе

Шалагин А. С. « <i>Искусство Семена Ротницкого</i> ».....	16
Нешатаева Н. Б. « <i>Он любил красоту</i> ».....	34

Воспоминания

Ветераны Великой Отечественной войны

Ястребенецкий Г. Д. « <i>Зарубки памяти</i> ».....	114
Варичев И. М. « <i>Помню его фронтовые рисунки</i> ».....	124
Николаев Б. П. « <i>Мне очень нравились его работы</i> ».....	132
Эштитей С. Б. « <i>Соблазнам жить дальше</i> ».....	140
Бучкин Д. П. « <i>Я знала его до войны</i> ».....	148
Гришутин М. М. « <i>Художник Семен Ротницкий</i> ».....	154

Искусствоведы

Ушакова В. А. « <i>Разговоры об искусстве</i> ».....	170
Адамова Н. А. « <i>Штрихи к портрету</i> ».....	174
Клочкова В. Ф. « <i>Последняя выставка</i> ».....	176

Ученики

Чернова Татьяна « <i>Я всегда помню моего учителя</i> ».....	182
Адамов Рашид « <i>Он был учителем, художником, другом</i> ».....	188
Есмурзиев Зелюмхан « <i>На одном из первых занятий</i> ».....	194
Жаворонков Евгений « <i>О старшем друге</i> ».....	200

Молодые художники о Великой Отечественной войне

Нешатаева Н. Б. « <i>Нельзя не верить в юные силы</i> ».....	208
Ершова Светлана « <i>Образы памяти (обзор выставки)</i> ».....	210
Новоселов Александр « <i>Война и Победа</i> » (<i>размышления о творчестве</i>).....	218
Иванов Фрол « <i>Слово о картине</i> ».....	226
Камаева Тамара « <i>Безмолвные следы войны</i> ».....	232
Прадел Марина « <i>Я — убежденный художник-реалист</i> ».....	238

Художники-реалисты наших дней

Гадеева Фаёра <i>Творческое объединение «На самечной стороне»</i>	246
Нешатаева Н. Б. « <i>Верность традиции</i> » (<i>выставка в Русском музее</i>).....	258
Ямполь А. В. <i>Воплотить «мимолетное мгновение»</i>	276

Реализм и духовное искусство

Степаненко Анна « <i>Интерес к этическим проблемам личности</i> » (<i>Аспект творчества Анатолия Шумкина</i>).....	284
Медведев А. В., Крылов А. К. « <i>Традиции сохраняющие красоту</i> » (<i>композицию составила Нешатаева Н. Б.</i>).....	292

Нешатаева Н. Б. <i>Послесловие</i>	300
--	-----

Семен Аронович Ротницкий — действительно народный художник. Весь свой талант он посвятил служению своему современнику, пережившему эпоху мировой войны — одно из самых жестоких испытаний народа в борьбе с фашизмом.

Будучи замечательным рисовальщиком и мастером построения композиционного портрета, картины, в своем творчестве живописец всегда стремился передать правдивое и точнее самое главное качество, живущее в характере его героев. Работа «Псковичи» стала главной картиной его жизни о войне, как плоть от плоти, в которой он воспел великий подвиг своего народа.

А. С. Чаркин

*Председатель Правления Санкт-Петербургского Союза художников
Народный художник Российской Федерации
Действительный член Российской Академии Художеств*

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

В преддверии юбилея С. А. Ротницкого — известного советского и российского художника, педагога, ветерана Великой Отечественной войны, Заслуженного деятеля искусств Татарской АССР, лауреата Премии правительства Санкт-Петербурга — мною была разработана и поддержана руководством Санкт-Петербургского Союза художников концепция юбилейных мероприятий. Она включала в себя три последовательных этапа, реализуемых при поддержке Администрации и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга:

1. Проведение выставки С. А. Ротницкого — убежденного художника-реалиста, его коллег — художников-фронтовиков, его учеников и молодых художников-реалистов.
2. Издание книги, посвященной реалистическому искусству С. А. Ротницкого, его учеников и современных молодых художников-реалистов.
3. Создание видеофильма, рассказывающего о творчестве и судьбе С. А. Ротницкого.

Одно из предлагаемых мероприятий мы уже провели: с 6 по 22 ноября в залах Санкт-Петербургского Союза художников на Большой Морской, 38 проходила выставка произведений С. А. Ротницкого, его коллег — ветеранов Великой Отечественной войны, его учеников и современных молодых художников-реалистов. К выставке был подготовлен хорошо иллюстрированный буклет с обзором творчества С. А. Ротницкого и именами художников, работы которых были представлены в экспозиции.

На открытии выставки присутствовали художники разных поколений, петербургские любители живописи, было много молодежи и среди них — курсанты Военной инженерно-космической академии им. А. Ф. Можайского.

Открыл выставку председатель правления Санкт-Петербургского Союза художников, Народный художник России А. С. Чаркин.

Среди выступающих были участники выставки — художники-фронтовики: Б. П. Николаев и С. Б. Эпштейн, с теплыми словами о творчестве Мастера выступили художники К. Иванов, Т. Чернова, искусствоведы Ф. Гадеева и Н. Нешатаева.

От приглашенных почетных гостей с приветственным словом выступил депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, член фракции КПРФ, председатель Постоянной комиссии по промышленности, экономике и собственности, доктор технических наук, профессор Гатчин Ю. А. Он отметил, что «открывшаяся выставка является знаменательным событием в культурной жизни нашего города, представленные на ней работы С. А. Ротницкого, включая его „окопную графику“, полотна других художников-фронтовиков, а также их молодых последователей, — подчеркнула Ю. А. Гатчин, — убедительно демонстрируют жизненную силу, значимость для России советской и российской реалистической живописи. Особую ценность реалистическая живопись приобретает в настоящее время, способствуя единению российского народа, воспитанию в нем чувства патриотизма и любви к своему отечеству».

По поводу открытия выставки Ю. А. Гатчин вручил А. С. Чаркину поздравительный адрес от фракции КПРФ Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

М. М. Гришутин,

*советник Комитета по энергетике
и инженерному обеспечению Санкт-Петербурга,
полковник в отставке, кандидат технических наук,
старший научный сотрудник
19.12.2015*

Открытие выставки.

Слева направо: советник по привлечению инвестиций АНО «Стратегическое партнерство „Северо-Запад“» Е. С. Никифоров; депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, член фракции КПРФ, председатель постоянной Комиссии по промышленности, экономике и собственности, доктор технических наук, профессор Ю. А. Гатчин; советник Комитета по энергетике и инженерному обеспечению Санкт-Петербурга М. М. Гришутин; директор выставочного центра Союза Художников А. В. Сайков; художник-фронтвик С. Б. Эштейн; председатель правления Союза Художников Петербурга А. С. Чаркин; художник К. К. Иванов; художник-фронтвик Б. П. Николаев

Художники и гости, приглашенные на открытие выставки

У микрофона А. С. Чаркин

*Выступает начальник 4-го факультета ВИКА им. А. Ф. Можайского
В. И. Гера*

Выступает Ю. А. Гатчин

Ю. А. Гатчин вручает поздравительный адрес А. С. Чаркину

ОНИ ВЕРНЫ СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА
СЕМЕНА АРОНОВИЧА РОТНИЦКОГО

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Семен Аронович Ротницкий — известный ленинградский художник-живописец, ветеран Великой Отечественной войны — вспоминается мне сегодня не только как автор замечательных портретов наших современников, многих из которых я хорошо знала и любила их творчество, но и как человек, написавший книгу, названную им «Сила красоты» (Записки художника). Я хорошо знаю содержание этой книги, потому что помогла Семену Ароновичу в работе над ней и каждую главу ее читала и редактировала в авторской рукописи. Работа была долгая, кропотливая, интересная. Интересная, потому что буквально каждый абзац принесенной мне рукописи комментировался автором, обрастая устными подробностями, воспоминаниями, ассоциациями. Особенно интересны были его рассказы о войне, о трагических буднях ее, о тех, кто был рядом с ним, кого он помнил всю жизнь... Война — укрепила в нем веру в искусство, война высветила человеческие судьбы, характеры, души, открыв главное содержание его искусства — искусство портрета.

Книга, оставленная нам художником, вместила всю его жизнь, начиная с первых детских ощущений красоты, первых школьных уроков, первых соприкосновений с творчеством, наконец, первых шагов в искусстве, первых открытий его глубины и духовной мощи... И все это «первое» превратила война... Зато каким великим счастьем стала для него, вчерашнего фронтовика, мирная жизнь, жизнь, которая возвратила его к творчеству!

Творчество стало жизнью его, его картинами, его учительством. Открытое им в жизни, в искусстве, — он передавал молодежи. Учителем потому, что был твердо убежден в необходимости этой миссии... Десятилетия творческой работы накапливали опыт, знания, оттачивали мастерство, делали открытия в живописи, а главное — определяли его творческую позицию в искусстве, давшую ему право говорить — «я приверженец реалистического искусства, искусства высокого мастерства, традиции, школы...»

Семен Аронович — сын своего времени, художник своего поколения, поколения, которое в искусстве своем «показало своих соотечественников

в радости и беде, в труде и отдыхе. И создатели этих произведений любили искусство, а не себя в искусстве. И, творя, они не думали о званиях и наградах, о деньгах и почестях. Они были истинными профессионалами, мастерами своего дела...» — Так писать и говорить об искусстве мог лишь человек, познавший всю горечь и боль искалеченной войной человеческой жизни; человек, всем нутром своим поверивший в красоту и силу искусства. Он и книгу свою назвал «Сила красоты». Сила красоты мирной жизни, мирного труда, мирного творчества, о котором мечтал все годы войны в солдатских окопах, в солдатских землянках, не зная — доживет ли до Победы!

Человек — темпераментный, искренний, преданный искусству, говоря о нем, он всегда волновался, спорил, отстаивал свою позицию, даже если не было рядом оппонента, а только — редактор с его рукописью!.. Его мысли об искусстве раскрывают лабораторию и суть его творчества, его гражданские убеждения (хотя это словосочетание ныне ушло из нашей жизни!), раскрывают масштаб его личности. И именно поэтому сегодня нам, особенно творческой молодежи, полезно обратиться к творчеству художника, к перипетиям его большой и нелегкой жизни... Помнится, Достоевский, прочитав рукопись начинающего прозаика, возвращая ее, только и сказал автору: «Пострадать надо, пострадать...» А потому жизнь художника Ротницкого, жизнь людей его поколения — высокий пример нынешним, нам. И, переживая драму перестройки, болезненно воспринимая очернение прошлого, пережитого его поколением, Семен Аронович с горечью говорил и писал: «С тем, что было, мы жили, жили с верой и честно...»

И сегодня, снова и снова, просматривая книгу Семена Ароновича, я вспоминаю «сидение» с ним над рукописями ее, горькие разговоры о перестройке и о главной выставке его, проходившей в 1991 году в залах Союза художников, выставке, лучшие произведения которой — навсегда ушли из России! Но об этом я расскажу позже — в статье, касающейся

творчества мастера... А сейчас хочется вернуться к словам и мыслям об искусстве, оставленным нам в его книге «Сила красоты». Тем более, что проблемы искусства, о которых говорил и писал художник тогда, — актуальны и сегодня, четверть века спустя!

Пусть же снова заговорит об этом мастер — высокий профессионал своего дела, художник-реалист, защитник традиций русской реалистической школы: «...Сегодня, упиваясь словами «перестройка», «демократия», «свобода», многие музейные работники, устроители выставок, критики рьяно ратуют за «свободу» в искусстве, предлагая зрителю бесконечное количество произведений «новаторов» всех мастей и так называемых «возвращенцев», получивших «искусственные прививки» своему искусству в Америке и Европе. Творчество многих таких «новаторов» поразило меня отсутствием элементарной художественной грамотности, неумением рисовать и писать, перепадами пройденного еще в начале нашего века. Меня поразило и отношение музейщиков к «продукции» творцов такого «свободного искусства». Их работы закупали, о них писали, их превозносили...»

С тех пор прошло почти четверть века, но проблемы, о которых писал художник тогда, актуальны и сегодня. Поэтому наша книга «Они верны своим учителям» продолжает разговор о современном искусстве, где реалистические традиции русской художественной школы по-прежнему подвергаются разрушительному «натиску» новаторов всех мастей, отвергающих профессиональную грамотность, мастерство, духовность, верность исконным традициям отечественной художественной школы.

Сегодня — противостоять этому «натиску» на страницах нашей книги снова поможет Семен Аронович Ротницкий, поможет своими высказываниями об искусстве, своим творчеством, своей судьбой (А. С. Шальгин «Творчество Семена Ротницкого», Н. Б. Нешатаева «Он любил красоту»). Поддержат своего собрата по искусству ровесники и единомышленники — ветераны Великой Отечественной войны — известные художники нашего города: живописцы — Д. П. Бучкин, И. М. Варичев, Б. П. Николаев, С. Б. Эпштейн, скульптор Г. Д. Ястребенский.

В книгу вошли воспоминания об Учителе его учеников — живописцев, воспитанников Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухоминой: Татьяны Черновой, Рашида Адамова, Землихана Эсмурзиева, Евгения Жаворонкова... Делятся своими впечатлениями о встречах с Семеном Ароновичем и его произведениями искусствоведы В. А. Ушакова, Н. А. Адамова, специалист по музейно-выставочной работе В. Ф. Клаочкова, М. М. Гришутин — друг семьи С. А. Ротницкого, ветеран Вооруженных сил России, полковник в отставке.

Особую главу в книге представляют размышления искусствоведов о современном реалистическом искусстве, о современной художественной

школе, не утраченной и сегодня (в отличие от многих европейских школ) классическую реалистическую основу художественного образования. Здесь речь пойдет о творческом содружестве художников, объединенных общностью задач в искусстве. (Флёра Гадева — «На солнечной стороне»; Надежда Нешатаева — «Верность традиции».)

Убедленный художник-реалист, Семен Аронович высоко ценил пройденную им академическую школу, часто вспоминая своих учителей — «прекрасных педагогов-художников — таких, как А. Д. Зайцев, В. А. Оболенский, В. П. Белкин, П. И. Смукович, А. Е. Карёв, М. Д. Бернштейн, И. П. Степашкин, С. В. Приселков, А. Ф. Овсянников, П. Д. Бучкин, С. М. Михайлов, Е. М. Чепцов, Б. В. Иогансон. Все они передавали нам знания своих учителей, великих художников И. Е. Репина и В. Е. Маковского, К. А. Коровина и В. А. Серова, Н. И. Фешина и В. В. Матэ, Д. Н. Кардовского и В. Е. Савинского». — Эта цитата с обширным перечислением имен известных мастеров русского реалистического искусства взята из книги воспоминаний Семена Ароновича «Сила красоты». В ней не только благодарная память ученика об учителях, но намеренно подчеркнута автором мысль о преемственности и сохранении высоких традиций в искусстве. О них художник Ротницкий неустanno повторял своим ученикам: «Быть традиционалистом — для меня важно принципиально: без почвы и корней я не представляю большого искусства...»

О сопричастности современной реалистической живописи традициям русского духовного искусства идет речь в статье искусствоведки Анны Степаненко «Интерес к этическим проблемам». В этом же разделе книги вы познакомитесь с трудами художника, педагога А. К. Крылова — выдающегося исследователя древнерусской живописи, посвященными взаимосвязи традиций древней и современной церковной живописи. («Традиции, сохраняющие Красоту» — фрагменты статьи писателя А. В. Медведева «Творчество, исследование, опыт» о книге А. К. Крылова «Коалористический символизм древнерусской стенописи».)

Наше обращение к творчеству и судьбе художника Семена Ароновича Ротницкого — яркого представителя поколения, прошедшего Великую войну, даст возможность не только почтить Память его в связи со столетием со дня рождения, но поможет раскрыть масштаб личности художника, чья жизнь была верным служением Искусству и Родине.

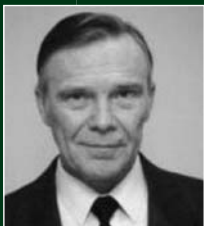
(Статья о жизни и судьбе художника С. А. Ротницкого — «Он любил красоту»)

Н. Нешатаева,

искусствовед, член Союза художников, действительный член Петровской Академии наук и искусств

О ТВОРЧЕСТВЕ
И СУДЬБЕ

Шальгин
Аркадий Сергеевич,
председатель художественного совета
Санкт-Петербургского отделения
Международной Академии наук
высшей школы, академик

ИСКУССТВО СЕМЕНА РОТНИЦКОГО

Живописец Семен Ротницкий является выдающимся представителем реалистического направления в современном искусстве. Его творчество может быть названо русским академическим импрессионизмом. Этот термин принят американскими искусствоведами и характеризует направление в искусстве, в котором в единое целое объединены классическая школа реалистической живописи и открытия французских импрессионистов. Говорят, что характер человека определяет судьбу его. Еще в большей степени это относится к искусству: личностные качества художника влияют на его творчество и проявляются в его произведениях. Поэтому, чтобы лучше понять искусство художника, необходимо хотя бы кратко остановиться на его жизненном пути.

Семен Аронович Ротницкий родился 28 декабря 1915 года в Минске. Свой трудовой путь начал слесарем-лекальщиком на Тульском оружейном заводе. Движимый своим призванием, приехал в 1934 году в Ленинград поступать в Академию художеств, был принят на подготовительные курсы,

а в 1937 — в Академию. На третьем курсе учился в мастерской Заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Е. М. Чепцова (1874–1950), ученика В. Е. Савинского (1859–1937) и В. Е. Маковского (1846–1920).

Революционные перемены в стране в сильнейшей степени сказались на Академии художеств. В двадцатые годы теории авангарда в своих манифестах утверждали курс на новое искусство. Классическое искусство не только отрицалось, но и уничтожалось: картины классиков разрезались на куски и раздавались как холст для этюдов; учебные гипсы разбивались студентами и использовались для мощения двора Академии. В 1934 году Академию художеств возглавил И. И. Бродский (1883–1939), который вернул учебный процесс к реалистическим традициям.

После революционной бури страна встала на путь возрождения великой державы и индустриального строительства. Мастерство везде ценилось, поощрялось; в стране трудящихся к трудящимся применялись высокие, а порою и жесткие требования. О требовательности к отбору

талантов и обучению в Академии говорят цифры: в 1934 году из 500 поступающих принято на подготовительные курсы 60, из них только 11 стали студентами.

Сразу после начала войны в 1941 году С. А. Ротницкий с пятого курса добровольцем ушел в Первую дивизию Народного ополчения. Дивизия формировалась на базе Горного института, Академии художеств и Университета. По законам всех войн, как и на Куликовом поле, ополченцев бросали на самые опасные участки обороны. «Потери были страшные».

Семен Ротницкий прошел всю войну «от звонка до звонка»: разведчик разведроты, оружейный номер у пушки гаубицы, артиллерийский разведчик, старший вычислитель разведбатареи полка. Он участник обороны и снятия блокады Ленинграда, боев за освобождение городов Остров, Гдов, Псков, Нарва, Вильнюс, Каунас, Рига и других. Солдат А. С. Ротницкий награжден орденами: «Отечественной войны второй степени», «Красной Звезды», «За отвагу»; медалями: «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией» и еще 11 медалями. А тогда награждали только за подвиги. В 1943 году был вызван в штаб Артиллерии фронта для создания художественно-исторического документа для Ставки Верховного Главнокомандования. Несколько месяцев работы в штабе, затем Ораниенбаумский плацдарм. Опять на передовой. И снова сол-

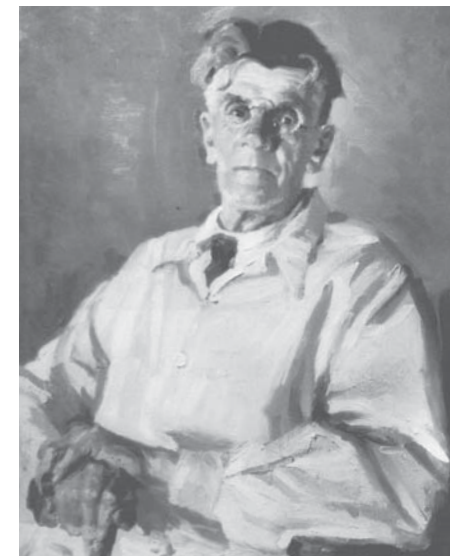

С. А. Ротницкий. 1946 г. Фото.

датские пот, кровь, ранения, боль. Демобилизован в звании старшины. После войны еще шесть операций. В его воспоминаниях о войне нет ни показного героизма, ни надрыва. Воспоминания человека чести и мужества, стойкости и верности долгу. На войне, как на войне, «все было». А это лучшие годы жизни: 25–30 лет.

С 1946 по 1948 год С. Ротницкий продолжает учебу в Академии художеств в мастерской Народного художника СССР профессора Б. В. Иогансона (1893–1973), — ученика К. А. Коровина (1861–1939). В творчестве С. Ротницкого проявилась преемственность поколений, и у художника определился тот стиль письма, который совместил русский классический реализм с импрессионизмом.

После окончания Академии С. Ротницкий работает директором Казанского художественного училища, преподает рисунок, композицию, живопись и является участником областных, республиканских и всесоюзных

Портрет учителя П. П. Перимова.
1950 г. Холст, масло. 75×60,
Зеленоградская художественная школа. Зеленоградск.

Бабка Степанида
1984 г. Холст, масло.
110x110
Музей изобразительных
искусств г. Канзас-Сити,
США

выставок. За педагогическую и творческую деятельность в 1957 году ему присваивается звание Заслуженного деятеля искусств Татарской АССР.

Еще раньше, в 1950 году становится членом Союза художников СССР. В 1960 году возвращается в Ленинград, продолжает творческую и педагогическую деятельность доцентом в АВХПУ им. В. И. Мухоминой. В этот период начинает работу над монументальным полотном «Псковичи». Для завершения работы в 1982 году увольняется из «Мухи». Просили остаться, предлагали профессора. Отказался. Проявился закаленный жизнью характер: никогда ни у кого ничего не просить, идти своим путем

и всего добиваться талантом и трудом. Непростое решение поддержала жена, которая также считает, что духовные ценности и творчество выше материальных успехов и званий. У С. А. Ротницкого нет громких титулов, но зато есть имя «Ротницкий» и известность во многих странах мира. Его работы в 50 музеях и частных собраниях России, а также в ряде музеев и частных собраний Америки, Англии, Франции, Германии, Финляндии, Эфиопии, Китая и других стран.

Диапазон творчества С. Ротницкого широк: жанровая и историческая живопись, пейзаж, графика, но любимый жанр — портрет. Им написано

Портрет художника-анатома Р. П. Куриляка
1986 г. Холст, масло. 103x78

огромное количество портретов. Здесь и выдающиеся, и обычные люди. Портреты композитора В. П. Соловьева-Седого (1962); академика А. А. Лебедева (1964); учителя П. П. Перимова (1950); Народного артиста СССР Н. И. Якушенко (1957); историка Ю. Д. Ломана (1975); архитектора В. С. Васильковского (1980); летчика А. А. Кукина (1985); художника В. А. Баженова (1983); искусствоведа И. Н. Вьюновой (1994) и многие другие... Это портреты-биографии. В них передан жизненный путь человека, его психологические особенности. С не меньшей чуткостью и вниманием художник пишет портреты рабочих, крестьян, ветеранов войны и студенческой молодежи. Все портреты, написанные С. Ротницким, индивидуальны, но в каждом из них художник достигает определенного уровня обобщения. В них переданы мысли и переживания людей, сохранен дух времени, отражены, в буквальном смысле, страницы нашей истории. Галерею портретов, созданных С. Ротницким, по праву можно назвать «портретописью» нашего трагического XX века.

Самым значительным произведением, итогом почти шестидесятилетней творческой деятельности С. Ротницкого является монументальное полотно «Псковичи» (1990). Картина писалась в течение двадцати лет, а создавалась начиная с военных лет. На ней изображен — партизанский отряд, зима, люди выходят из леса на освобожденную нашей армией землю. Они вооружены, одеты не в форму, но достаточно хорошо для ведения войны в суровых зимних условиях. Мужественные лица, познавшие, что такое жизнь и смерть. В центре — мужчина в распахнутом полушубке, наверное, командир. На него обращаешь внимание. Он выделяется силой и умом, как первый среди равных. Стоят молодые парни. Видишь прекрасное лицо девушки. В глубине картины — всадники. Каждый человек — индивидуален. В каждое лицо хочется всмотреться. Лица людей не сливаются, но все объединены в единый образ. В целом это Русский народ. Русский характер. Картина излучает силу и мужество. Показывает стойкость и выносливость народа, который смог самоорганизоваться в тылу врага, выстоять и победить.

В картине звучит, как отмечает искусствовед И. Н. Вьюнова, героическая симфония, мелодия грозной силы, силы людей, прошедших жесточайшую партизанскую войну, войну на уничтожение; силы людей, сохранивших, вопреки лютости ненависти к врагу, веру в добро. Смотришь и чувствуешь, что смысл жизни в добре и мужестве.

Думаешь и постигаешь, что в ненависти — зло. Всматриваешься в картину и, зная военное прошлое художника, хочешь найти его лицо. Он, разведчик, мог встретиться с партизанами на этой поляне. Всматриваешься в лица на полотне и... не находишь. Необычайная скромность не позволила художнику запечатлеть портрет молодого солдата — Семена Ротницкого. А жаль! В картине талант художника реализовался полностью. Произведение дышит

С. А. Ротницкий.
Фото. 1992 г.

←
Портрет искусствоведа И. Н. Вьюновой.
1993 г. Холст, масло. 90×80, Фрагмент.

Партизан Псковичи
1970 г. Холст, масло. 66x54
Музей изобразительного искусства
г. Миннеаполис, США

искренностью и суровой правдой военных будней. Его мог создать только художник, прошедший всю войну в солдатском звании.

Картина экспонировалась на персональной выставке в Союзе художников. Но не была востребована нашими музеями. На встрече с партизанами С. А. Ротницкий спросил: «Продавать в Штаты?» Прошедшие войну солдаты сказали: «Продавай, пусть знают американцы, кто победил фашизм». Сейчас картина в постоянной экспозиции в Музее изобразительных искусств города Спрингвилла (Штат Юта, США). Картина работает: показывает народ, который освободился от монголо-татарского ига, победил Наполеона и Гитлера.

По значимости воздействия картину можно сравнить с мощью дивизии. В мирное время сила армии проявляется потенциально в форме сдерживания или через политические решения, основанные на военной мощи. Картина «Псковичи» в экспозиции музея США воздействует постоянно, убеждает: Россию не сломить и воевать с ней нельзя.

В русском искусстве есть картина, в которой также запечатлен образ народа — картина И. Репина «Запорожцы». Темы картин «Псковичи» и «Запорожцы» совершенно разные, не найти общего и в композиции, и в цвете. Но среди любителей живописи есть понятие «сильная» картина. Рядом с «сильной» картиной слабая теряется, ее просто

Эскиз картины «Псковичи» («Годы сороковые (огневые)»).
1977 г. Картон, масло. 100x217
(Картину «Псковичи» см. стр.92-93)

не видишь. Две же «сильные» картины, даже разные по стилю и письму, не затмевают друг друга, но усиливают, показывают значимость каждой из них. Для меня по «силе» воздействия «Псковичи» С. Ротницкого сопоставимы с «Запорожцами» И. Репина. В «Псковичах» С. Ротницкий нашел единственно верное композиционное решение. В картине все естественно, все объединено. Рисунок, тон и цвет работают только на содержание. Мастерство кисти доведено до совершенства, о нем не думаешь, его не замечаешь. И только потом постигаешь, что это шедевр мирового уровня. Конечно жаль, что с картиной можно познакомиться только по репродукциям и эскизам. Но и там, в США, она работает на Россию.

Полотно «Серёга» (1962) можно отнести к жанру портрет-картина. Крестьянин с лошадыю. Мороз, обветренное лицо, дыхание коня. Красота неопишная. Здесь с наибольшей полнотой воплощено органическое сочетание академической живописи и импрессионизма. Директор музея Донна Файшер (США) отметила: «Я выбрала эту картину, потому что она отражает Душу России».

Захватывает картина «Портрет жены» (1954). Портрет написан с искренним чувством обожания. Перед нами бесконечно близкий художнику, родной человек и любимая красивая женщина.

В 1985-1993 годах С. Ротницкий задумал и написал портретную серию «Великие сыны России»: А. С. Пушкин (1985); Н. И. Лобачевский (1986); Л. Н. Толстой (1990); И. Е. Репин (1992); Ф. И. Шальпин (1993); А. М. Горький (1993). Картины заставляют задуматься. Это не только исторические портреты, это философская живопись.

Всмагриваешься в портрет Л. Н. Толстого. Перед нами не привычный образ человека в холщовой рубашке с босыми ногами. Художник срывает с этого образа покров упрощенной псевдонародности. Перед нами истинный Лев Толстой — человек своего, дворянского сословия; гениальный писатель, в котором величие духа сочетается со столь же великим эгоизмом его философских идей. Видишь феноменальную личность, реформатора, создавшего свою религию, посягнувшую в понятие церкви на «Святого Духа»: «И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому не простится» (Евангелие от Луки; 12: 10). За эту хулу Толстой был предан анафеме и отлучен от церкви. Художник создал образ человека, в котором, «как в зеркале», отразились все внутренние противоречия правящего класса, переплелись понятия добра и зла, восторжествовал эгоизм духа.

Напршивается сравнение с сегодняшним временем. Сейчас в обществе тоже царит эгоизм, но эгоизм личный, торжествует безразличие и нет великих духовных целей. Как и тогда, в массе своей сами не знаем, что творим.

Пушкин.
1985 г.

←
Серёга. 1962 г. Холст, масло. 87×102
Файшер-музей, Финикс, США

Лобачевский и Магитский.
1993 г. Холст, масло, 70х60

Портрет А. М. Горького.
1993 г. Холст, масло, 50х70

Совсем по-другому воспринимается портрет И. Е. Репина. Художник — в мастерской в Пенатах, за работой. В вытянутой руке — кисть, касающаяся холста. Все залито светом. С. Ротницкий сумел передать в аляущемся солнечном свете ощущение творчества и вдохновенный порыв живописца.

Все портреты серии смотрятся с неослабным вниманием, поражают красотой и мощью кисти. Это — подлинные шедевры. Подобно тому, как Левитан является певцом русской природы, так и Ротницкого можно назвать певцом человеческих душ.

Интересно мнение художника о современном искусстве. Оно основано на требованиях профессионализма, необходимости изучать законы живописи, постигать важнейшие понятия: тепло-холодность, контраст, тон, взаимоотношение цветов, драматургия светотеневого и цветового

построения. После посещения выставок художников, добившихся некоторого успеха на волне современной моды, С. Ротницкий отмечает: живопись поверхностная, неглубокая; пишут, не понимая основных законов; делают «черные» работы; картины одинаковы в цвете, в тоне, в них — заученная палитра; художники не постигают полутонов, взаимоотношения цветов, «глаз не ставят». Вспоминает совет К. Коровина: если по природе художник не чувствует цвета, пусть идет в графику, а не в живописи.

С. Ротницкий отмечает: на Западе уделяют большое внимание сохранению классической школы живописи. Мы же сейчас «стареемся отставать».

Художник считает, что искусство должно развиваться по своим внутренним законам, основанным на традициях. Есть «школа», в которой

Портрет И. Е. Репина.
1993 г. Холст, масло. 61×45

следует развиваться и искать свой путь. Но есть художники, такие как Ван Гог, Врубель, которые в силу особенностей своей личности стоят особняком. Им нельзя следовать, подражание их стилю ведет к фальши. «Искусство не терпит суеты» — вот кредо, которым должны руководствоваться живописцы. Сам С. Ротницкий уделяет большое внимание рисунку, им выполнено множество графических работ. Он следует заповедям: «Художник — рисуй!», «Рисуешь — пиши, пишешь — рисуй!».

С. Ротницкий отмечает: «Если художник-живописец хорошо владеет рисунком и знаниями законов живописи, работы всегда будут высоко профессиональны. Поэтому в своей практике я всю жизнь рисовал, стремясь к единству живописно-пластических задач».

Для всего творчества С. Ротницкого характерна особая духовность. Он умеет выражать мысли и даже философские идеи через продуманную форму и хорошо организованную технику. Однако главное в его работах — не высочайшая техника профессионала, а талант живописца. Его картины поражают жизнерадостностью и страстностью, красотой и сверканием красок. Картины С. Ротницкого легко узнаются по какой-то ему одному присущей оригинальности. Они излучают добро, они светлы и лучезарны. Характер его творчества сочетает реализм и поэтическую одухотворенность. К его таланту полностью подходит определение Эжена Фромантена: «Искусство живописи есть, в сущности, искусство выражать невидимое посредством видимого».

Личные качества С. А. Ротницкого можно передать словами китайского философа IV–III веков до нашей эры Лао-цзы: «Многое вызывает заблуждение. Поэтому мудрый человек сохраняет единство и становится примером для всех. Он не выставляет себя на свет, поэтому блестит; он не говорит о себе, поэтому он славен; он не прославляет себя, поэтому он заслужен; он не возвышает себя, поэтому он является старшим среди других».

Художник говорит о себе: «Если я чего-то добился, то самоотверженным трудом. Не поддавался различным видам политиканства, которое коснулось и искусства. Пережил период воспевания культа, пережил период лакировки действительности. Не поддавался подхалимажу перед всевышними боссами в искусстве. Шел честно избранным путем, веря в правду жизни, в любовь к природе, истории, человеку. Путь этот трудный. Мне чужд путь чернухи, конъюнктуры и вседозволенности в искусстве. Я не поддавался различным модным течениям, формотворчеству. Искал важное в искусстве. Счастлив, что жил в согласии со своей совестью».

В картинах с течением времени краски не стареют, они набирают силу и звучат ярче. То же самое можно сказать и о таланте Семена Ротницкого.

**Портрет кандидата искусствоведения
П. Е. Корнилова**
1971 г. Холст, масло. 100×80.
Чистое собрание. США

Дарья.
1995 г.
Холст, масло. 70x50

→
Портрет врача
С. А. Ословина
1993 г.
Холст, масло. 90x70

Портрет
капитана I-го ранга
Р. С. Крупнова
1986 г. Холст, масло.
103x80
Музей изобразительных
искусств ТАССР. Казань

Портрет художника
М. Г. Козельма
1985 г. Холст, масло.
110x80
Дирекция выставок.
Ленинградское отделение
художественного фонда

*Нешатаева
Надежда Борисовна,
искусствовед,
член Союза художников,
действительный член
Петровской Академии наук и искусств*

*«Красота — дело вкуса,
для меня она вся в правде...»
И.Е. Репин*

ОН ЛЮБИЛ КРАСОТУ...

Свою книгу, вышедшую из печати в 2000 году, Семен Аронович Ротницкий назвал «Сила красоты» (записки художника). И название это, по сути своей оптимистическое — возникло в совсем «неоптимистические» дни его жизни. Ибо так называемая «перестройка» ломала жизнь поколения, которое в кровавой борьбе не только защитило страну от фашизма, но в короткий срок, ценой невероятных усилий, сумело поднять ее из руин и внушить людям веру в лучшие мирные дни, о которых так жадно мечталось перед лицом смерти на фронте.

Особенно тяжело переживал Семен Аронович «перестройку» в искусстве, когда новоявленные «новаторы всех мастей», рьяно ратуя за «свободу творчества» и «свободу самовыражения» — ломали критерии оценок, отвергали школу, профессионализм в искусстве и, выступая против «изжившего себя реалистического искусства», опомчались против великого поборника его — самого Репина!.. Все повторялось! Так было в двадцатые годы, когда «революционные новаторы» громили «старое искусство»

и во имя новой — «пролетарской культуры» «сбрасывали Пушкина с корабля современности!»

«... Не могу молчать, — писал Семен Аронович в дни перестройки, — видя, как мелькает, утрачивает почву и школу наше искусство — искусство художников нескольких поколений, прошедших нелегкую жизнь и великую войну. Это и побудило меня взяться за перо... Я хочу рассказать молодым о своих сверстниках, которые не думали ни о славе, ни о деньгах, а помнили о чести, совести и ответственности перед современниками и потомками...»

Педагог и художник, Ротницкий, более шести десятилетий служивший искусству, воспитавший не одно поколение талантливых живописцев, не мог равнодушно воспринимать безграмотную пустоту «творений» «самовыражающихся» «новаторов». Ведь школа в искусстве — основа творчества! И, как нельзя научиться писать слова, не зная букв, — так нельзя стать художником, не одолев массу специальных знаний! А для этого нужны годы, годы самозабвенного труда, сначала в высшей школе,

потом — всю жизнь в мастерской! Настоящий художник всю жизнь учится: учится у своих учителей, у коллег-художников, у своих учеников. И конечно — у жизни, конечно — у природы! А потому настоящая картина рождается не за два часа, а «вызревает» и пишется годы! И эта вечная «цепочка» передачи знаний от учителя к ученику и рождает преемственность поколений, традицию профессионализма, традицию школы... И именно за эту традицию русской реалистической школы всегда ратовал Семен Аронович Ротницкий — убежденный реалист, воспитанник петербургской Академии художеств (Института имени И.Е. Репина)...

Но дорога в Академию, в искусство была для него нелегкой и долгой. Она, несмотря на драматические переипетии жизни, была для него, постоянным «постижением красоты», «красоты», о которой на краю жизни он напишет книгу, символически назвав ее — «Сила красоты». И постижение этой «красоты» связано для него с четырьмя городами, которые обозначили четыре временных этапа его жизни, его биографии. И каждый из них — восхождение к главному в его жизни — к творчеству.

И первый из четырех городов — Минск

Здесь он родился в скромной рабочей семье, здесь прошло его детство, согретое добротой и заботой родителей. Трем сыновьям своим открыли они светлый мир окружающей жизни, в нем — пеали, веселились с друзьями, а домашние обыденные вещи — были любимые, загадочно-интересные... И наверно, потому с детских лет все три сына неосознанно тянулись к красоте: два из них хотели стать музыкантами, а третий — Семен — художником... И «хотение» это — сбывается, но много-много лет спустя... А раннее детство их совпало с событиями революции. В девятнадцатом — двадцатом годах Минск то и дело с боями переходил то к «белым», то к «красным»... И яркое воспоминание тех лет, в подражание взрослым, — азарт малышейских игр в войну... Чуть позже к Семену пришло увлечение цирком — захватывающими представлениями минского Шапито... Остались в памяти и помпезные праздники минских пожарников, когда по узким улицам города — с оркестром, торжественно шествовали виновники торжества, а следом — вереницы лошадиных упряжек, везущих лестницы и бочки с водой... Запомнились и мелодии песен тех лет, звучавшие с летней эстрады Парка культуры и отдыха.

В Минске начиналось для Семена Ротницкого и увлечение рисованием, особенно проявившееся и поддержанное учителями рисования — в школьные годы. Тогда и укрепилась в нем мысль — буду художником... Буду учиться в Академии художеств... Но, чтобы поступить в те годы в институт, надо было обязательно иметь «рабочий стаж»...

*Здание вокзала в г. Минск
1930–1935 гг. Фото.*

*Будущий художник с родителями и братьями.
1921 г. Фото.*

Современный вид г. Тула

Второй из четырех городов — Тула

Переезд в этот город связан для Семена с «рабочим стажем»... Здесь прошли его счастливые отроческие и юные годы. Здесь довелось ему учиться в ФЗУ (фабрично-заводском училище) при Тульском оружейном заводе, а умение рисовать сделало его «главным художником» училища... Группа способных ребят, во главе с Ротницким, к каждому празднику оформляла фасад училища и прилегающую к нему территорию завода... Семену в училище было все интересно — и занятия в заводских цехах, и уроки черчения, и развивающий глазомер — стрелковый кружок, и любимый кружок ИЗО в заводском Доме культуры... Два с половиной года учебы и — диплом слесаря-лекальщика 6-го разряда. А вслед за ним — приглашение в заводской комитет комсомола и вручение ему — Семену Ротницкому от Тульского оружейного завода направления в Ленинград, в Академию художеств...

На всю жизнь запомнил Семен Аронович этот день — мечта стать художником начинала сбываться!.. Покидая Тулу, он увозил с собой теплые воспоминания о наставниках-оружейниках, о товарищах по учебе, о самом Тульском оружейном заводе, построенном здесь при Петре Великом; запомнил он и прекрасный заводской музей с коллекцией русского оружия... И конечно, на всю жизнь запомнил он город, древний и славный, где так суrowы и величавы, с зубцами и башнями по углам — могучие стены Кремля...

А еще, в восемнадцати километрах от Тулы — Ясная Поляна — имение Л. Н. Толстого, из которого тогда — всего лишь два десятилетия назад — тайком ушел навсегда российский мудрец-писатель... И одно из самых ярких впечатлений тульской жизни юноши Ротницкого — пешие походы с друзьями в Ясную Поляну, где все в осиротевшем доме сохраняло еще нетронутыми — следы жизни его хозяина: книги, стол, где работал писатель; старые, любимые им портреты, и среди них — знаменитый портрет «Толстого в кресле», написанный Репиным...

Ленинград. Академия художеств

Репина вспоминал Семен Ротницкий и в Ленинграде, когда, ошеломленный встречей с городом на Неве, ехал в трамвае на Васильевский остров. Позади уже остались: привокзальная площадь с памятником царю Александру III, еще стоявшем на своем месте; Невский проспект с воронихинским Казанским собором; громада Исаакия... А когда трамвай взбирался на мост лейтенанта Шмидта — увидел он широкую панораму Невы, а за гранитным причалом со сфинксами — здание Академии художеств!.. Тут вот и вспомнился юный Репин, так же вот, с этого же моста, семь десятилетий назад, впервые увидевший Alma mater русских художников!.. — «Сердце забилось... Неужели я не во сне?..» — Так, с памятного 1934 года начался для Семена Ротницкого Ленинград — город,

Ясная поляна. Усадьба Л. Н. Толстого

Академия художеств.
Современный вид с Английской набережной

с которым связана будет его дальнейшая жизнь: дорога в искусство, трагедия войны и блокады и, наконец, выстраданное счастье — стать и быть художником. Ленинградским художником.

А тогда, в тридцать четвертом году, дорога в искусство только начиналась. И он, Семен Ротницкий, как многие до него и после него, сдав вступительные экзамены, сидел на гранитных ступенях, вверху у сфинксов и, «дрожа, как сусак, ждал своей участи»... Учитель решил положительно: в списке принятых, под номером пять стояла фамилия — «Ротницкий»...

...В академических коридорах, как всегда, пахло красками, лаком. Как всегда, дуло из окон. В старых изразцовых печах — за чугунными дверцами, уютно потрескивали поленья... А глядя на вышербленные временем ступени старых винтовых лестниц, невольно думалось: здесь ступала нога Брюллова, здесь ходили Чистяков, Суриков, Репин... А в классах, как столетия назад — рисовали античные гипсы, корпели над ученическими натюрмортами, писали красивые постановки и живую натуру!.. «Из шестидесяти принятых в 1934 году — к тридцати седьмому, — пишет Семен Аронович, — в институт (после подготовительных курсов) попало всего одиннадцать человек...»

В своей книге он подробно перечисляет имена не только академических педагогов, но и их учителей, тем самым подчеркивая преемственность поколений и живую традицию русской реалистической школы: «Я занимался рисунку у таких опытных педагогов, как С. В. Приселков, М. Д. Бернштейн, И. Г. Михайлов, А. Ф. Овсянников. Живопись вели А. Е. Карев, П. С. Наумов, Д. П. Бучкин, И. П. Степаншин, А. Д. Зайцев, Е. М. Чепцов и Б. В. Иогансон...» Любимым учителем Семена Ароновича был Ефим Михайлович Чепцов — ученик В. Е. Маковского, В. Е. Савинского, И. Е. Репина. Прекрасный

художник и доброй души человек, по-отцовски любивший своих учеников, он искренне радовался их успехам, и лучшей похвалой для них были его восторженные слова: «Хорошо, хорошо! По-репински, по-серовски!..»

Многие годы спустя, став художником, начав свою педагогическую работу, Семен Аронович с нежностью вспоминал Ефима Михайловича, его уроки, его задумчивые беседы с учениками, когда зимними вечерами, после занятий приходили они к нему домой или в мастерскую...

А каким великим учителем стал для Семена Ротницкого сам город — город Пушкина, Гоголя, Достоевского!.. Его невские набережные, его каналы, мосты... Его дворцы, старинные особняки и, помоловившиеся ему навсегда, древние безмолвные сфинксы, заставшие на границе у Alma mater!.. Город учил гармонии, красоте, благородству души... А как поражаля дух эрмитажный Веласкес, как ненасытно было желание снова и снова видеть репинских «Бурлаков» в Русском музее, разглядывать его этюды к «Государственному Совету», любоваться живописью портретов Валентина Серова!.. Но в жизнь, наполненную искусством, внезапно ворвалась война...

Студент Академии художеств.
1930-е годы.

На Невском проспекте 22 июня 1941 г.

Война. Блокада. Ленинградский фронт

Из уличных репродукторов неслись слова захватывающей дух песни «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»... В коридорах Академии появились люди в военной форме... Девушки-студентки заклеивали стекла окон перекрестьями газетных полос... В рафаэлевском зале появились лестницы и какие-то люди снимали со стен ватиканские копии фресок Рафаэля... Из академической библиотеки выносили коробки с книгами... А в деканате живописного факультета составлялись списки студентов, отправляющихся не на летнюю учебную практику, а на фронт — добровольцами в действующую армию или в Народное ополчение — Первое ленинградское народное ополчение, формировавшееся на Васильевском острове... Семен Ротницкий, вернувшийся с Карельского перешейка, где группа студентов и преподавателей Академии с первых дней войны рыла противотанковые рвы, подал заявление о зачислении его в ряды Народного ополчения...

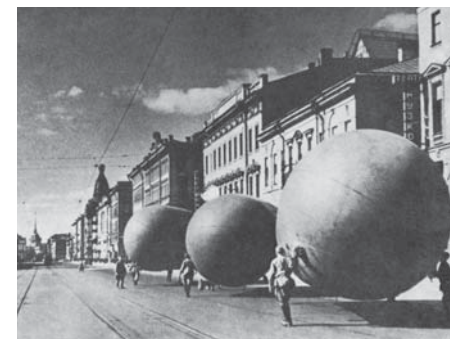
И четырнадцатого июля сорок первого года ополченцев уже отправляли на фронт! Колонна выстроилась на Университетской набережной, вокруг — толпы провожающих: матери, жены, дети — слезы, последние объятия. Последние слова прощания... Ротницкого провожала жена — Маша Лазурина. Малышку — дочь Аду она оставила дома, со своими родителями... Последние слова ее: «Семен, я тоже уйду на фронт в санитарные части...» Он запомнил ее лицо, залитое слезами... Маша была медик. Работала в госпитале...

А дальше — была война... Красное Село... Кингисеппское направление... Первое задание ополченцам. Плохо обученным, плохо вооруженным — укрепить боевые позиции переднего края... Преодолевая усталость и страх ежеминутно ожидаемой смерти; постоянно находясь под пулями и снарядами, — они дено и ношно строили укрепления, вгрызались в землю, роя окопы, противотанковые рвы... А когда пробил час первого боя, ополченцы приняли его достойно, не уронив солдатскую честь... «На нас двинулись немецкие танки, расчищая путь пехоте. За ними — во весь рост — автоматчики, поливая нас огнем. Все они были одеты в черную форму с эмблемами, с эмблемами дивизии «мертвая голова», — вспоминает Семен Аронович. — Этот неравный и жестокий бой длился с одиннадцати утра до пяти вечера... Своим отчаянным сопротивлением ополченцы сдерживали натиск фашистов... Их массовая гибель стала кровавым заслоном в обороне города!...

В те дни ополченцу Ротницкому выпала доля стать разведчиком... Разведчики уходили на задание ночью. Уходили и в дождь, и в холод, и под обстрелами... В тыл врага пробрались через минные поля, минуя вражеские боевые посты, окопы... Слушая тишину, боясь малейшим звуком обнаружить себя, они громадным усилием воли, побеждая естественный ужас

С. А. Ротницкий с женой Машей Лазуркиной и дочерью Адой
Лето 1941 г. Фото

Азарты на Невском проспекте

Отряд Ленинградского народного ополчения.
1941 г.

и страх, заставляя себя выполнять свой солдатский долг... «Разведка — дело сложное и страшное», — говорил Семен Аронович, вспоминая те грозные дни.

Выполняя свой воинский долг, ополченцы сознательно шли на смерть. Их стойкость и мужество в борьбе с врагом — подобны стойкости и мужеству русских солдат, оборонявших Москву в восемьсот двенадцатом, когда легендарными стали слова Кутузова: «Отступать некуда, за нами — Москва...» В сорок первом — ополченцы у стен Ленинграда, сражаясь с фашистами, знали: «Отступать некуда — позади — Ленинград!..» Вспоминая те тяжелые годы, Семен Аронович писал: «Ополченцы своей стойкостью, преданностью Родине сыграли огромную роль в судьбе Ленинграда, сорвав планы гитлеровцев взять город сходу. Задержав наступление врага на целый месяц, в кровопролитнейших боях, ценой огромных жертв, ополченцы дали возможность регулярным частям Ленинградского фронта укрепить оборону города...»

Уцелевшие в тех неравных боях ополченцы после переформирования влились в разные воинские части... Семен Ротницкий был определен, как пишет он, «в 453-й гаубичный полк 168-й стрелковой дивизии. Так я стал артиллеристом... Дивизия, прибыв на Ленинградский фронт, вошла в 7-ю бригаду морской пехоты...» В октябре — декабре сорок первого она участвовала в жесточайших боях за Пуглово, Ям-Ижору, Колпино. В эти дни, в сражениях с обеих сторон, в сутки погибали по две тысячи солдат!.. Мучили сорокаградусные морозы, голод. Суточный паек солдата — котелок хряпы, 125 граммов хлеба и 100 граммов спирта... Под бомбами и снарядами на глазах живых то и дело погибали товарищи... Семен Аронович рассказывал, что в те жуткие дни они — солдаты, свыклись с мыслью, что в любую минуту могут погибнуть... Этим дней не забыть никогда... Никогда Семен Аронович не смог забыть тяжелейшие бои под Ленинградом. Названия населенных пунктов, за которые погели тысячи наших солдат — позывные солдатской памяти: Синяино, Ям-Ижора, Парголово, Пулково, Воронья гора в Дудергофе под Красным Селом... Сколько жизней оборвалось здесь, чтоб отстоять захваченную врагом землю!.. Чего стоило отбить у противников одну только Воронью гору, на высоте которой фашисты разместили батарею дальнобойных орудий, прицельно бивших по Ленинграду, лежащему перед ними, как на ладони!..

А как можно забыть «Ораниенбаумский пятючок», когда в сорок четвертом с него началось генеральное наступление, предопределившее освобождение Ленинграда от блокады!.. «Основной удар наносился с Ораниенбаумского плацдарма, — вспоминал Семен Аронович. — Утопая по колено, мы, без преувеличения, передвигались по окровавленному красному снегу...»

Кузьма
Кононович
Карасс
1941 г.

Боец Ресурецкий
1941 г.

Наводчик
батареи
1941 г.

«Красный снег» Памяти пройдет через всю жизнь Ротницкого-солдата, Ротницкого-художника... Воюя в артиллерийских частях, он, как художник, обладающий острым взглядом, умеющий запечатлеть увиденное, всю войну имел дело с «перископом-разведчиком», прибором, позволяющим точно фиксировать расположение укреплений и огневых точек врага. Разведчик-корректировщик, он, ползая с перископом по переднему краю обороны (по «красному» или черному от гари и копоти снегу, по размокшей и склизкой земле), зарисовывал боевые позиции противника и, составляя корректировки огня для наших батарей, вычислял их координаты на местности. Более точными «зарисовки» эти были, когда корректировщик делал их с высокой точки — с дерева, с уцелевшей колокольни, водонапорной башни, а то и с заводской трубы, как это было на Ижорском заводе... Работа эта — кропотливая, ответственная, требующая точности, была особо опасной: корректировщика всюду подстерегали немецкие снайперы... Много раз разведчик Ротницкий был на краю гибели, не раз был контужен, ранен, но — смерть миновала его...

С. А. Ротницкий. Под Коркино.
1943 г. Фото.

Страницы книги Ротницкого, посвященные памяти о войне, написаны на едином дыхании — в них столько боли, гнева, любви! В них столько событий, фамилий, имен, столько трагических фронтовых эпизодов! Так написать об этом мог человек с потрясенным сердцем... Война отняла у него все, поставив на край гибели, но она же дала ему главное для художника: в грязи, в крови, в безысходности — постичь душу солдатскую: ее верность воинскому долгу, ее жажду жизни, ее любовь к родной земле...

Художник, где бы он ни был, — всегда художник. И боец Ротницкий всегда, с первых дней войны, носил в кармане гимнастерки маленький блокнотик и, когда выдавалась минута затишья, — делал зарисовки... Бойцы, узнав, что он художник, часто просили его нарисовать портрет, чтобы вместо фотографии (не до них было!) отослать родным... От многих однопомочан только и остались эти рисунки Ротницкого — карандашные, на пожелтевших мистках бумаги... Наверное, у кого-то рисунки эти хранятся и ныне...

А зимой сорок первого — сорок второго, в самые трудные дни обороны Ленинграда, чтобы поддержать дух солдат, в стрелковой дивизии начал выходить «окопный журнал». Назвали его «Залп», и оформлял его — Семен Ротницкий. В журнале печатались его военные зарисовки и портреты бойцов, отличившихся в борьбе с врагом...

Огромным событием для Семена Ароновича, фронтовика-художника, были импровизированные портретные выставки. Они устраивались в лесу, рядом с землянками и окопами. На самодельные щиты, прикрепленные к стволам деревьев, вывешивались портреты отличившихся в боях пехотинцев, разведчиков, артиллеристов, танкистов. Под каждым портретом — перечень боевых заслуг изображенного... Эти выставки имели колоссальный успех — народ валом валал со всех воинских частей! А после торжественного митинга он, художник, раздавал рисунки бойцам... «Не считать, сколько тогда мне пришлось сделать таких портретов! Как никогда, я почувствовал, что искусство мое бьет в цель и что оно нужно людям... Никогда позже у меня не было такого душевного подъема...» — так, десятилетия спустя, об этих выставках писал в своей книге ветеран Великой Отечественной, признанный и известный художник С. А. Ротницкий...

Было и еще одно «художническое» событие в воинской биографии Семена Ароновича: высокое воинское начальство поручило ему (вместе с фотографом и шрифтовиком) оформить альбом, в котором командование Ленинградского фронта должно было представить в Ставку Верховного Главнокомандования отчет о деятельности артиллерии Ленинградского фронта за два прошедших года войны... Среди отчетов, полученных Ставкой от действующих армий, отчет, представленный в альбоме, оформленном Ротницким, — заслужил похвалу Верховного главнокомандующего.

Наверное, этот отчет и, чуть позже составленная Ротницким, огромная сводная карта разведанных по Ленинградскому фронту теперь уже, как исторические документы, хранятся в военном архиве Ленинградского фронта... А тогда, в далеком ныне военном сорок четвертом боце Ротницкий (в звании «старшины» за Альбом) после «Ораниенбаумского пятачка», Вороньей горы и снятия блокады Ленинграда — вместе со своим полком участвовал в боях за освобождение городов Ленинградской области: Волосова, Гдова, Острова, Порхова, а дальше — Нарвы, Пушкинских Гор, Пскова... И здесь, на Псковской земле, впервые встретил он партизан. Они выходили из леса, где все эти годы таились от оккупантов, воюя с ними у них в тылу... Мужчины и женщины, стар и млад — они шли бесконечным потоком, по заснеженной, разоренной, но уже освобожденной родной земле... И это

бесконечное движение людского потока поразило Ротницкого-художника — единством воли, мудрым спокойствием, драматизмом переживаемого... Он запомнил их лица, усталые, напряженные, с неизжитым чувством общей беды...

Из «партизанского края» фронтовые дороги вели Ротницкого и его полк в Прибалтику. В ожесточенных боях освобождали Эстонию, Латвию, Литву... В дыму пожарищ оставались отвоєванные у фашистов — Тарту и Талин, Вильнюс, Рига и Каунас... И здесь, на рижской земле, Семен Ротницкий встретил Победу!.. После очередного боя и длительного перехода, он и солдаты его подразделения, падая от усталости, забрели в какую-то сараюшку и уснули мертвецким сном... Их разбудила стрельба, крики... Это, узнав об окончании войны, ликовали советские солдаты: стреляли в воздух из всего, что стреляет!.. Кричали «ура!», плакали, целовались...

... Война — закончилась. Для Семена Ротницкого позади остался огромный пласт его жизни, не по времени, нет! — по затратам сил души, по огромному напряжению всех человеческих сил! Война резко обострила восприятие жизни и главное, для него как художника, открыла в ней силу красоты. Кажется, какая уж «красота» на войне?! Но она открылась ему не внешней, видимой стороной, а глубинной сутью своей: в солдатский окоп, в землянку она врывается жгучей тоской, мгновением памяти, являя то светлое личико маленькой дочки, то залитое слезами лицо жены, а то вдруг улочку в Минске с родительским домом или — Тулу с любимым лекальным цехом... А то вдруг — ромашки у пыльной дороги, ведущей в усадьбу Толстого... Но чаще виделся ему гранитные финксы над невской водой, фасада Академии, тяжелая дверь в вестибюль, его могучие своды, не раз рисованные к зачету... Вернусь ли я сюда? — думалось тогда.

А как притягательно-интересны были для него лица бойцов, увиденные в минуты затишья, в солдатской землянке, при дрожащем свете копилки! И в беглых карандашных рисунках, записанных в карманный блокнот, пытался передать Ротницкий-художник не внешнее сходство, а ту внутреннюю пружину духа, что заставляла человека идти в бой, являя мужество и верность долгу на краю гибели! И эта незримая духовная сила человека, духовная красота его — станет главной темой в творчестве Ротницкого-художника. Она же определит и его любимый жанр в искусстве — портрет. Но это произойдет через несколько лет после окончания войны.

А тогда, в сорок пятом, в теплушках, на перекадных добирался он сначала в Москву — к братьям, затем — в Тулу, к матери, а потом — в Ленинград, в Академию... В деканате встретил его Елена Сократовна — секретарь,

В дипломной мастерской Академии художеств.
1948 г. Фото

Автопортрет.
1947 г. Холст, масло. 50x40

А. М. Горький и В. В. Маяковский у И. Е. Репина в «Пенатах».
1948 г. Холст, масло. 170x200.
Чистовский краеведческий музей, г. Чистово

любимица факультета. Увидев его, заплакала: «Сенечка, милый, ты же числился у нас в списках убитых!!!» Семен Ротницкий выжил. Вернулся с фронта, живой, а все родные и близкие, оставшиеся в тылу, попавшие в оккупацию — погибли... «Война унесла моего отца, — напишет он в своей книге. — Погибли в Минске все родственники до единого — как со стороны отца, так и по линии матери. Их было много. Дед и бабушка. Мамины сестры и братья. Их семьи с детьми и женами. Дяди и тети. Погибли в Ленинграде родители жены и вся ее родня. Вот чего стоила война только одной нашей семье!..»

Горько и радостно было возвращение Семена Ротницкого в Ленинград. Горько было узнавать о гибели близких, родных, друзей... Горько переживался и распад семьи... А радостно — было возвращение в Академию... И все в этой мирной жизни надо было начинать сначала!.. Начавшиеся занятия в Академии, казалось, шли как всегда — в мастерских старшекурсники писали постановки, в классах — рисовали, в аудиториях — слушали лекции... Только среди академической молодежи — были люди в военных гимнастерках. Их отличала серьезность и буквально — жажда знаний. Прошедшие войну, выжившие в ней, они почитали за великое счастье возможность учиться в славнейшем российском вузе!.. Среди академистов в военных гимнастерках — был и Семен Ротницкий.

Время летело быстро — калейдоскоп занятий, обходы преподавателей, зачеты, экзамены, а там — и диплом... Приступая к работе над дипломом, Ротницкий пишет свой первый автопортрет... С холста на нас внимательно смотрит молодой человек... Тонкое, серьезное, сосредоточенное лицо; пристальный, словно изучающий взгляд — взгляд художника; взгляд человека, много пережившего, знающего цену жизни.

В работе над дипломом надо было сосредоточить все знания, обретенные заново. Утраченные за годы войны, они трудно возвращались в два оставшихся года учебы!.. Руководитель диплома — Б. В. Иогансон, оппонент — И. А. Серебряный. Тема — «А. М. Горький и В. В. Маяковский у И. Е. Репина в «Пенатах»... Дипломная картина писалась трудно. Подвело здоровье, подорванное на фронте. Серьезное лечение надо было совмещать с работой у мольберта. Но вчерашний солдат одолел и это. Защита состоялась в сорок восьмом году. В Академии это был третий послевоенный выпуск. В эти годы защищали свои дипломы В. Загонек, Ю. Тулин, Ю. Подьяский, А. Левитин, Н. Веселова — молодое послевоенное поколение ленинградских талантливых живописцев... Все они, в том числе и Семен Ротницкий, были приняты кандидатами в Ленинградский Союз художников.

Но Ротницкий не остался работать в Ленинграде.

Казань.
Набережная Волги.
1959 г.
Картон, масло.
13x17

Казань. Казанское художественное училище

По совету близких друзей — «на периферии скорее вырастешь, как художник и педагог» — в том же сорок восьмом году он уезжает «на творческую и педагогическую работу» в Казанское художественное училище. Едет не один. В этом же сорок восьмом — он вторично женился. Жена — Надежда Степановна Федорова, ленинградка-блокадница.

Казань. Четвертый город — четвертый временной этап биографии Семена Ротницкого. Здесь, в столице Татарской республики, старинном университетском городе — прошли двенадцать нелегких лет его жизни... Училище, некогда Казанская художественная школа, основанная в 1895 году и опекаемая Академией художеств, в послевоенные годы, когда начал работать здесь Семен Ротницкий, была не в лучшем состоянии. Прекрасное здание школы, где когда-то учился и преподавал, а даже жил

в одном из классов, художник Н. И. Фешин — в советское время было передано Авиационному институту, а нынешнее — значительно меньше, давно не отремонтированное, с устаревшим и пришедшим в негодность оборудованием классов — представляло плачевное зрелище... Не лучшее обстояло дело и с учебным процессом: при наличии хорошего педагогического состава — успехи учеников не радовали... И особенно огорчала дисциплина в училище... Вот в такое учебное заведение приехал преподавать рисунок, композицию и живопись художник Ротницкий.

Не было надлежащих условий и для жизни нового педагога. Очистили от ненужного хлама кладовку с земляным полом около общественного туалета и поселили туда молодую чету из Ленинграда!.. Но и здесь бывший солдат Семен Ротницкий выстоял, не пал духом. Своими руками обустроил жилье и стал, вспоминая своих учителей, вести занятия в училище...

Поначалу, как всегда бывает, было трудно, многие отнеслись к новичку с недоверием, но воля его, характер, желание работать — и здесь победили! Под руководством нового педагога ученики своими руками приводили в порядок помещения училища, даже сами сколачивали мольберты и табуреты для классов... И с дисциплиной постепенно наладилось. И занятия пошли успешнее... Ученические работы, показанные на училищных выставках, тщательно отбирались и бурно обсуждались. А когда Ротницкий выписал из Ленинграда, из Мухоморова училища — гипсовые слепки с античных скульптур — классы преобразились. В них появилась атмосфера искусства...

Не прошло и года, как Ротницкого-педагога сделали директором училища. Энергии хватало у него на всё — и учить молодежь, и обустроить училище, и заниматься личным творчеством. Здесь, в Казани, осуществлялась его фронтовая мечта: выживу — стану художником, стану учить молодых!.. Как-то в училище обратились с просьбой три молодых инвалида, изувеченные на фронте, не способные передвигаться. Они хотели учиться живописи! И Ротницкий — удовлетворил их просьбу: в их комнате появились мольберты, преподаватели, шефы-учащиеся... Юноши-инвалиды — стали художниками!..

При Ротницком-директоре появилось в училище и скульптурное отделение, которого никогда раньше здесь не было!.. Трудно было найти для него даже отдельный класс, но перевели библиотеку в меньшее помещение, и новый класс — заработал... А глину для лепки раздобыли в местных карьерах и сами привезли в училище... В это же время в классах Училища по выходным дням начала работать Студия, где смогли совершенствовать свое мастерство живописцы — члены Казанского Союза художников... Но огромная культурно-просветительная работа, налаживаемая в городе директором Училища, не помешала городским властям, когда в 53-м году возникло в Москве «дело врачей», — «освободить Ротницкого от директорства» «в виду сложности совмещения административной и педагогической работы»... Обидно было! Но стало больше времени для главного — для творческой работы.

Художник Ротницкий, человек образованный, активный, открытый людям — обрел в Казани много единомышленников и друзей, особенно среди творческой интеллигенции. К тому же здесь удивительно повторились и по-новому раскрылись для него многие деятели русской культуры, интересовавшие его до приезда в Казань. В Ленинграде он писал Горького в своей дипломной картине, а здесь — был музей Горького, расположенный в бывшей булочной, где в юности Алексей Пешков работал подручным пекаря. В сорок девятом году в Казани проходила конференция, посвященная А. М. Горькому. И приехали на конференцию И. Ф. Шаяпина — дочь

На занятиях по рисунку в Казанском художественном училище.
1952 г.

«
Портрет Н. С. Ротницкий в шапочке.
1967 г. Холст, масло. 60x50

Портрет
И. Ф. Шалапиной
1949 г. Холст, масло.
67×58

великого певца и А. С. Деренков — бывший хозяин булочной. Семен Аронович встретился с ними и написал их портреты.

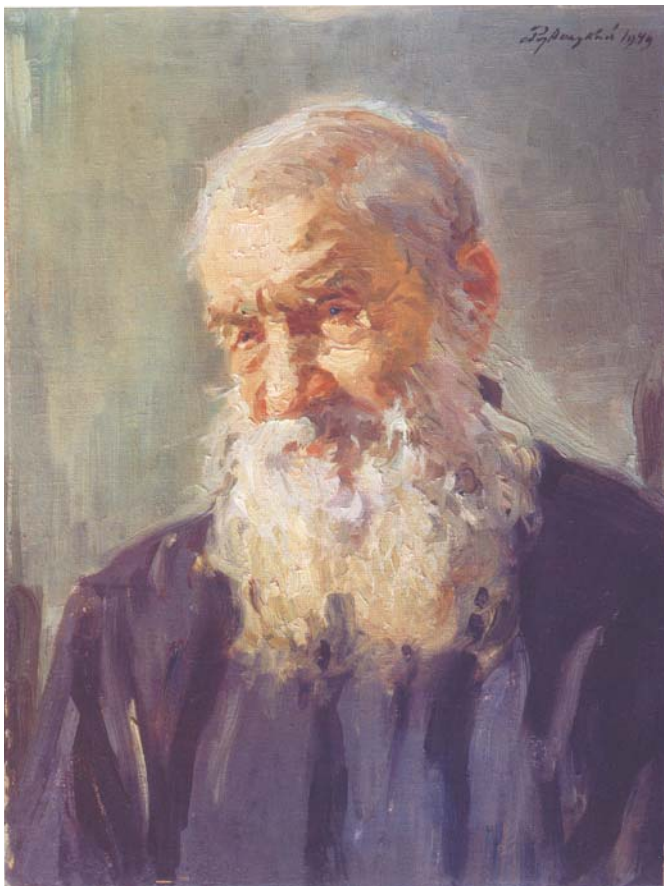
Ирина Федоровна Шалапина — любимая старшая дочь Шалапина, драматическая актриса. После эмиграции отца в 1922 году — она не покинула Россию. Жила в Москве. Готовила к изданию литературное наследие Федора Ивановича, его переписку с деятелями культуры. Во время войны принимала участие в концертах фронтовых бригад. Много сделала Ирина Федоровна для популяризации творчества великого певца. Составив композицию «Рассказ об отце», ездила с ней по стране, сопровождая свое выступление записями голоса Ф. И. Шалапина.

Приехав в Казань в 1953 году на конференцию, она разыскала людей, помнивших детство отца, и вместе с ними нашла дом, где он родился. В эти важные для нее дни — Ирина Федоровна и позировала Семену Ароновичу для портрета. Конечно, говорили о Шалапине, о его творениях на русской оперной сцене, о его любви к русской народной песне... И Ирина Федоровна рассказала, как волжские грузчики, случайно увидев в ее каюте портрет отца, вспомнили его юность, его песни, его «голосище»!.. На портрете Ротницкого дочь великого певца изображена в момент беседы с художником, погруженная в грустные воспоминания о дорогом человеке. Немолодая, красивая, элегантно одетая, она изображена на нейтральном зеленовато-сером фоне, красиво сочетающимся с серебристой сединой скромной прически, с темно-синим — с крупными белыми цветами — платьем... И главное в этом портрете — печаль глаз, словно затаившая слезы... Ирина Федоровна нежно и преданно любила отца и всю жизнь хранила его трогательные письма к ней из разных стран и городов, посылаемые ей — «славному дружочку Иринкен» от «Папули Федя»... Художник Ротницкий уловил в лице Ирины Федоровны, говорившей с ним об отце — ее не слаженную годами боль и печаль... Грустный и красивый портрет!...

Тогда же, в сорок девятом, позировал Семену Ароновичу и А. С. Деренков — бывший хозяин булочной, где подручным работал Алексей Пешков. Деренкову в пятьдесят третьем году было далеко за девяносто, но он сохранил ясную память и с удовольствием беседовал, вспоминая далекие времена конца XIX века, когда в его булочной, в одной из дальних комнат ее, работал марксистский кружок и хранилась нелегальная литература. Рассказал он Ротницкому, как десятилетия спустя увидел в витрине книжного магазина книгу Максима Горького (Пешкова), расспросил о нем продавца и узнал, что его подручный, таскавший мешки с мукой — знаменитый ныне писатель Максим Горький... Сеанс позирования длился три часа, и за три часа Ротницкий написал портрет Деренкова — добродушного седобородого старца, погруженного в воспоминания. Портрет написан

Музей Горького в Казани, бывшая булочная А. С. Деренкова.
Фото Сергея Тохарева

Портрет
А. С. Деренкова
1949 г.
Холст, масло. 52x40
Литературный музей
А. М. Горького Москва

Портрет Народного артиста СССР Н. И. Якушенко
1949 г. Холст, масло. 82x90
Музей изобразительных искусств ТАССР Казань

широкой кистью, энергичным мазком, почти этюдно... Но как живо передано задумчиво-грустное выражение старческого лица, потухающий взгляд в себя... И, глядя на этот портрет, вспоминаются слова П. П. Чистякова, говорившего о понравившемся ему портрете: «Глядит... Глядит ведь!..» Эти портреты — самые ранние в «Казанском периоде» творчества художника. Написанные словно на одном дыхании, они говорят о прорвавшейся, наконец, жажде творчества, сдерживаемой то войной, то учебной. И здесь, давнее тяготение Ротницкого к портрету начинает преобладать в его творчестве. В портретном жанре он пытается выразить не только внешнее сходство, но поразившее его внутреннее состояние и содержание портретируемого.

Интересны у художника актерские портреты — портреты людей, близких ему духовно и эстетически... Приехав в Казань, он, конечно, наведаясь в казанский русский Большой драматический театр, тем более что в год его

приезда — в 48-м году — театру присвоили имя В.И. Качалова. Казанский драматический театр — один из старейших русских театров. На сцене его когда-то играли великие русские актеры — Мочалов и Щепкин, Стрелетова и Савина. Здесь начинал свой творческий путь и В. И. Качалов, обожаемый казанской публикой... И конечно, Семен Аронович подружился с коллективом театра, бывал на его репетициях и спектаклях, писал портретные этюды и в разные годы создал галерею портретов актеров, работавших в театре в послевоенные годы. Среди них — изображение ведущего актера театра — Народного артиста СССР Н.И. Якушенко. Художник создал два его портрета. Первый, написанный в 1949 году, находится в Музее изобразительных искусств республики Татарстан. А второй, написанный в 1957 году, принадлежит театру. Выразительный, очень похожий портрет этот передает своеобразие личности актера: его внешнею раскованность, открытость, подчеркнутую характерным для него уютным «сидением»

в кресле... И в то же время — художник уловил его внутреннюю сосредоточенность, слегка прикрытую легкой улыбкой...

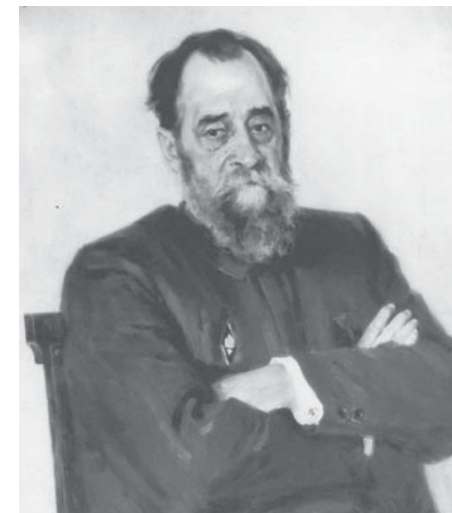
Интересен портрет Народной артистки СССР Е. Е. Жилиной (1955). Она изображена сидящей вполоборота к зрителю, положив одну руку на край столика, а другой — подперев щеку... Темное платье, украшенное кружевом, седая прядь волос надо лбом и глаза, устремленные куда-то перед собой, в пространство... Так смотрят люди, глубоко задумавшись, уйдя во что-то очень свое... Весь облик Е. Е. Жилиной, исполненный внутреннего достоинства, благородства, напоминает великих актрис Малого театра — Ермолову, Федотову... Портрет этот принадлежит театру, где не одно десятилетие актриса служила искусству.

Служить искусству — высшее назначение художника, и Ротницкий видит его в утверждении в творчестве лучших человеческих качеств своих современников. Его привлекают люди талантливые, одержимые делом своей жизни. И не важно — кто они: люди искусства или ученые, труженики полей или рабочие!.. Один из самых выразительных и живых портретов, написанных Ротницким в Казани — портрет учителя русского языка П. П. Перимова (1950). Показанный на выставке в Москве, он был отмечен в столичной прессе «за остроту индивидуальной характеристики и смелость живописного решения»...

Много светлых минут доставило художнику общение с В. А. Кондаковым — известным ученым, профессором, доктором педагогических наук. Их связывала не только присущая обоим одержимость своим делом, но и общность творческих интересов. Профессор Кондаков любил живопись и сам писал маслом, рисовал... О живописи они могли беседовать часами, вспоминая любимых художников, любимые картины, недавние выставки, проходившие в Казани... («Портрет члена-корреспондента АПН СССР, профессора В. А. Кондакова», 1953).

«Портрет В. А. Кондакова написан свободно, сочно, в красивой и строгой гамме тонов...» — Рассказывая в книге «Сила красоты» о героях своих «казанских портретов», Семен Аронович любил цитировать отзывы о них, появившиеся в печати именно в те дни, когда портрет впервые был показан зрителю...

В пятьдесят четвертом году, когда началось освоение целинных земель Алтая, Семен Аронович по направлению Союза художников СССР побывал в известном тогда всей стране степном колхозе-миллионере. Славился он стадами овец, дававших стране тонкорунную шерсть. И там встретил он удивительную женщину — Ф. В. Мейтусову. Она была председателем колхоза уже четверть века. В годы войны, когда в колхозе оставались лишь женщины, дети и старики — она и с ними умудрялась выполнять «план поставок» государству... А после войны, когда вернулись с фронта всего

Портрет члена-корреспондента АПН СССР, профессора В. А. Кондакова.

1953 г. Холст, масло. 70х60

Пермская государственная художественная галерея

←

Портрет Народной артистки СССР Е. Е. Жилиной 1955 г. Холст, масло. 75х60

БДГ имени В. И. Кичалова Казань

**Председатель
колхоза
Ф. В. Мейтусова**
1954 г.
Картон, масло.
80×70.

На заимке.
1954 г. Холст, масло. 90×110.
Франция

лишь несколько солдат-инвалидов — трудиться в колхозе и выполнять планы — легче не стало! Не сразу поверила она и в «освоение целинных земель» — не может выжженная солнцем земля давать хлеб!.. Но, когда в степи появились первые всходы пшеницы, а потом пошла и алтайский хлеб — Мейтусова с утра до вечера была в колхозных полях, как в войну — возглавляя и организуя хлеборобов... В эти дни, хоть и урывками, она находила время и для позирования художнику, сумевшему все-таки уговорить ее «посидеть для портрета!..»

И вот — портрет. Смуглое, словно исхастанное ветрами, опаленное солнцем, немолодое женское лицо. В нем — воля, сила характера, а в глазах — то ли усталость, то ли печаль, накопленная годами... Нелегка, сурова была жизнь ее, но верность делу, ответственность — заставляли побеждать!.. И на груди ее, на фоне скромного синего платья — драгоценные знаки этой победы — высокие трудовые награды... («Председатель колхоза Ф. В. Мейтусова», 1954). И портрет этот написан художником не потому,

что в то время изображения «людей труда» поощрялись на выставках. Не «поощрение», а личность, сила характера, стойкость и мужество привлекли Ротницкого в этой незаурядной женщине...

В поездке на Алтай родилась и одна из первых жанровых картин художника — «На заимке» (1954). Трудно, но весело жили молодые целинники в алтайских степях, не смущал их неустроенный быт временок — общие нары, закатные керосиновые лампы, самодельные скамейки, табуретки... Они — трудились, писали письма родным, читали, пели песни, влюблялись... Молодым — везде хорошо!

«В работе этой — рассказывал Семен Аронович, — мне хотелось правдиво показать нелегкую жизнь молодых первоцелинников, их оптимизм, трудовой порыв, их веру в нужность и важность своего дела...»

Но «правдивый показ» жизни первопроходцев — обошелся художнику боком. На Республиканской выставке в Москве ее не включили в экспозицию: «Что скажут иностранцы, увидев, как живут советские люди на селе!..»

Разговор в цеху
(Малеры Казанского компрессорного завода
Майя Фатхутдинова и Геля Пикатова).
1964 г. Холст, масло. 215×125.

Государственный художественный музей-заповедник, г. Псков

А в Татарии в это время — в Альметьевске и Бугульме на буровых скважинах трудились перводобытчики нефти. О них писали, говорили. В послевоенной стране разработка новых месторождений нефти была важным государственным делом. И, понимая это, художник Ротницкий посчитал долгом своим рассказать в живописи о нефтяниках Татарии. Он, работая на буровых, живя, как они, в жару и морозы в бытовках-вагончиках; испытывая, как они, все трудности и неудобства, — создал серию портретов нефтяников. Они были показаны на выставках Татарского искусства в Москве, получили высокую оценку, а потом были переданы автором в дар Дворцу нефтяников в Бугульме. Произведение из этой серии — портрет старшего оператора А. А. Хомутского (1956) написан художником на буровой — на непосредственном месте работы нефтяника. «Портрет Хомутского, — вспоминал Семен Аронович, — был задуман на фоне нефтяных цистерн во время обхода. Одет он был в черную спецовку, на голове у него рабочая кепка. Стояли солнечные дни, поэтому на природе работало хорошо». Оператор изображен в три четверти роста, на фоне рабочей площадки буровой. За спиной его — видны цистерны с нефтью и зеленеющий лесок за дорогой... Солнечные блики — на лице изображенного, на одежде и ровным светом — на площадке, что за спиной оператора... Живопись, как всегда, у Ротницкого — широкая, свободная, выдержанная по цвету и тону...

Для Ротницкого, прошедшего школу рабочего человека на Тульском оружейном заводе, обращение в живописи к теме труда было естественным, интересным и важным. И наверное, поэтому произведения художника на эту тему так жизненно-правдивы и достоверны... Много интересного для своей дальнейшей работы нашел Семен Аронович на Казанском компрессорном заводе. В шестидесятом году он начал писать портретную картину — «Разговор в цеху» (1964), изображающую двух девушек-малеров — Майю Фатхутдинову и Гелю Пикатову — на фоне громадных станков компрессорного цеха. Наверное, одна из них, проходя мимо подружки — остановилась и о чем-то заговорила с ней... Картина эта была последней работой, начатой художником в Казани. Заканчивал ее он уже в Ленинграде.

В шестидесятом году, отработав в Казанском училище двенадцать лет, Семен Аронович возвращается в Ленинград. Возвращается сложившимся художником, опытным педагогом. Уезжая из Казани, он вспоминал напутственные слова ленинградских друзей: «На периферии скорее вырастешь, как художник и педагог...» Это произошло.

В Казани его творчество обрело признание. Он был постоянным участником местных Республиканских и Всесоюзных выставок. Его приняли в Союз художников. Ему присвоили звание — Заслуженный деятель

С. А. Ротницкий с выпускниками Казанского художественного училища.
1951 г.

искусств Татарской АССР. «Казань оказалась именно тем городом, — писал Семен Аронович, — который помог мне стать на ноги и реализовать свои творческие мечты. За казанский период мною были созданы сотни работ в живописи и графике, воспитаны сотни учеников. Рос я, росли и люди, в которых я вложил частицу своей души...»

Среди произведений, созданных Ротницким в Казани и привезенных в Ленинград, был портрет, которым особенно дорожил художник. Это изображение молодой женщины в черном платье, сидящей в кресле у столика с книгами. Задумавшись, она вспоминает о чем-то хорошем. Лицо

ее спокойно, красиво... Свет, падая сбоку, золотит пряди пышных волос; бликами — подчеркивает мягкий овал лица; контур кисти руки, коснувшейся подбородка; нежную белизну кожи в вырезе платья... Цветовые и световые контрасты живописи сочетаются здесь с мягкими, почти акварельными «заливами» цвета. Тонкий, неброский по цвету, уютный по ощущению, портрет этот изображает спутницу жизни художника, его вторую жену, друга — Надежду Степановну Ротницкую... С портретом этим для Семена Ароновича связаны трудные, но самые счастливые дни его жизни в Казани.

**Портрет
Н. С. Ротницкой**
1954 г.
Холст, масло.
95×70

Возвращение в город на Неве

... А дальше — был Ленинград, город, воспитавший в нем художника, открывший ему чудо красоты: гармонию в творениях великих зодчих, правду — в созданиях любимых живописцев... Но — опять нелегким было начало: не было квартиры, работы, не было мастерской... Но снова — солдатская воля и выдержка — одолели невзгоды быта. Нашлась и работа, сначала в студии Ленинградского Дома моделей, а затем — в студии проектного института «Ленгипротранс»... Студийцы — люди взрослые, образованные, заинтересованные в занятиях живописью и рисунком... А в мастерской, полученной от Ленинградского Союза художников и по-своему обустроенной Ротницким, аккуратно разместились картины, привезенные из Казани...

На мольберте, лицом к окну, стоял почти законченный портрет, начатый уже здесь, в Ленинграде. Это был портрет старого доброго профессора — Петра Дмитриевича Бучкина, который до войны преподавал в Академии художеств и возил учеников на летнюю практику в Мордовию. Жили тогда под Саранском, в деревеньке на реке Сура... Писали мордочек в национальных одеждах, пейзажи... Все дни практики Петр Дмитриевич был с учениками и тоже писал этюды, особенно он любил старые сосны... В шестьдесят первом году, в Ленинграде, Семен Аронович снова встретил своего старого педагога и, глядя на его осанистую фигуру в шубе, его длинную седую бороду и усы — предложил ему попозировать... Петр Дмитриевич согласился и сам выбрал позу — стоять почти в фас... В большой меховой шапке, в шубе, с пышной седой бородой — он напоминал, как говорил Ротницкий, Мономаха... Большой, величественный, с властным выражением добродушного, типично русского лица, он действительно напоминал пусть не Мономаха, но — боярина старой Руси!.. Зимой он любил бывать в Холае — старинном селе иконописцев и, когда шел по улице, местные жители принимали его за священника и падали перед ним на колени!.. Этот внушительный, властный облик старого художника Ротницкий взял за основу портрета, но, как всегда, внимание его сосредоточено на лице модели, написанном тщательно, мастерски. Свет и тень лепят форму его, легкие мазки энергичной кисти воспроизводят живость взгляда, мягкий клин седой бороды... Наверное, художник передал момент общения с Петром Дмитриевичем, что подтверждает энергичный жест кисти его руки... Наверное, старый художник рассказывал Ротницкому о Холае, о мастерах и учениках их, о лаковой миниатюре, что в советское время заменила иконописание... («Портрет Заслуженного деятеля искусств, профессора П. Д. Бучкина», 1961). И видимо, от этого портрета, от разговоров о Холае — возник у Ротницкого интерес к селу иконописцев... И в конце зимы шестьдесят второго года он едет в Холай («Праздничный денек в Холае», 1962).

**Портрет Заслуженного деятеля искусств
профессора П. Д. Бучкина.**
1961 г. Холст, масло. 110×80
Ульяновский историко-художественный музей. Ульянов

Древний Холуй
1962 г. Картон,
масло. 70x50

Праздничный
денек в Холуе
1962 г. Картон,
масло. 70x50

Портрет мастера лаковой миниатюры М. Н. Бирева из Холуя
1962 г. Картон, масло.
70x50

Старинный уголок Владимирской земли пораил его какой-то ветхозаветной тишиной. Здесь, утопая в снегах, за утлыми деревянными заборчиками, жила Русь, Россия... Вдоль дороги, в череде приземистых деревянных домов — несколько каменных, одноэтажных, где с давних пор трудились и трудятся ныне художники. Раньше писали они иконы, а теперь — лаковую миниатюру... За домами лилоею деревья, под шапками снега белеют крыши домов, а на дороге, что вдоль села — наезженный санный след... И над домами, заборами, над деревьями и дорогой — белокаменный храм куполами в небо. И — тишина... («Древний Холуй», 1962).

В Холуе Семен Аронович с упоением писал пейзажи, жителей села и, конечно, — мастеров-художников и их учеников... Вечерами он подожду беседовал с ними, разглядывая их росписи на черном глянце лаковых шка-тулок, писал портретные этюды... Много вечеров провел художник с мастером лаковой миниатюры М. Н. Биревым. В разговорах об искусстве, о жизни села, о «холуйских лаках» — родился портрет мастера, написанный в мягких серебристо-голубоватых тонах. Выразительно, как всегда у Ротницкого, лицо Бирева, напряженно слушающего собеседника, лицо человека мудрого, спокойного, тихого... («Портрет мастера лаковой миниатюры М. Н. Бирева из Холуя», 1962). Оба эти портрета — миниатюриста М. Н. Бирева и профессора Д. П. Бучкина — произведения, с которых начинается ленинградский, можно сказать основной, период творчества С. А. Ротницкого. И знаменательно, что первые портреты этого периода художник посвятил своим учителям.

После Д. П. Бучкина он пишет портрет профессора А. Ф. Овсянникова — опытнейшего педагога, у которого учился рисунку в довоенной и послевоенной Академии. Его уроки воспитали благоговейное отношение Ротницкого к рисунку. «Художник, владеющий рисунком, — повторял он слова учителя уже своим ученикам, — может творить чудеса!» И тут же привидил притказку живописцев: «Рисуй — пиши, пишешь — рисуй!..»

Семен Аронович не написал портрета своего любимого академического педагога — Ефима Михайловича Чепцова. В те дни его уже не было. Обиженный коллегами, уйдя из Академии перед самой войной, он уехал в Москву и уже не преподавал. Жил одиноко, скромно. Много болел. Ротницкий навелтил его в сорок восьмом, отправляясь в Казань. А через два года учителя не стало... Не осталось его портрета, созданного учеником, но остались теплые воспоминания о нем в книге его «Сила красоты»... Ефим Михайлович был для Ротницкого частью той венной красоты и того великого счастья, которые дало ему искусство.

...После зимней поездки в старорусский Холуй, Семен Аронович почувствовал особое тяготение к пейзажу, и летом отправился

в Игналину — живописный уголок Литвы, где с удовольствием писал этюды. Хотелось тишины, покоя, погружения в природу... Но покоя — не получилось... В Игналине, куда летом к родителям приезжали погостить городские дети, увидел он на лавке у бревенчатого дома двух старых женщин... К ним никто не приехал... Они были одни. И ждать было некого... Две соседки — две, как узнал он потом, одинокие вдовы...

Портрет Заслуженного деятеля искусства РСФСР профессора А. Ф. Овсянникова.
1963 г. Холст, масло. 100x120
Областная картинная галерея Кемгрово

Вдовушки из Игнаины
1962 г. Холст, масло. 60×60
Музей изобразительных
искусств г. Канзас-Сити, США

Война снова напомнила о себе. И зимой, в ленинградской мастерской Ротницкого родилась картина — «Вдовушки из Игнаины»: на темном фоне бревенчатой стены дома, на лавке под самым окном — молча сидят две старые женщины... Но как красноречивы их лица! В них — боль, печаль и укор... А над ними, за оконным стеклом — красные, как капли крови, лепестки герани... Вдовы. Одиночество. И — память.

Три десятилетия спустя Семен Аронович вернется к этой теме и напишет картину «Солдатские вдовы» (1994). И, когда смотришь на эту картину, — щемит сердце: на лавке у досчатого забора, подпертого какими-то палками — сидят две старые женщины, небрежно одетые, повязанные платками...

В руках — длинные самодельные палки — опора при ходьбе; опора, чтоб встать с лавки... У ног, на заросшей травой дорожке, — три курицы... И кругом — никого! А за оконным стеклом старого дома что-то краснеет, может быть, снова герань? Тускло краснеет и выгоревшая от времени красная звездочка, прибитая к калитке и когда-то обозначавшая — «сюда не вернулся солдат с войны»... Сколько горьких дум передумать надо было художнику, сколько боли душевной вложить в краски, чтоб заговорили они о забытых вдовах, о заброшенных деревьях, о попорченной памяти!..

В семидесятые годы Ротницкий проводил лето в селе Толмачево под Ленинградом, писал на пленэре пейзажи, но, как всегда, интерес к человеку

Солдатские вдовы.
1994 г. Холст, масло. 85×105

Портрет телятницы совхоза «Коммунар»
1972 г. Холст, масло. 115×120.
Музей изобразительных искусств г. Спрингвилл, США

увел его от «чистого пейзажа» к жанровому портрету — портрету человека на природе. И здесь, в Толмачеве, написаны два красивых «сельских портрета». Один из них изображает молодую женщину в летнем загоне для телят — телятницу. Она принесла воду своим подопечным, но о чем-то задумалась, стоя у изгороди... А рядом — мирно жуют сено четвероногие-несмышленыши... За спиной женщины — поляна, огромный стог сена и тенистый лесок... Скромный сельский пейзаж залит солнцем. И женщина, стоящая у изгороди, шурится от ярких лучей его. На фоне залитого солнцем дворика красиво смотрится ее стройная фигура в скромном цветастом халатике... Художник не называет имени женщины, он обозначает лишь род занятий ее и место действия — Портрет телятницы совхоза «Коммунар» (1972). Ему интересен здесь не портрет, как таковой, а жанровая сцена, залитая солнцем...

Другой портрет, написанный художником в Толмачеве, изображает местного пастуха... За его спиной — поля, уходящие к горизонту, узкая полоска неба над ними. А в поле — стадо коров и кое-где среди них чуть различимые фигурки доярок... Пастух изображен погрудно, на переднем плане холста. Закурив папиросу, словно прилившую к уголкам губ, прищурив глаза от солнца, он напряженно вглядывается в даль — то ли ждет кого-то, то ли буренку угаядел, отбившуюся от стада... Лицо пастуха — добродушно-наивное, чуть хитроватое. Надо лбом, из-под лихо сдвинутой на бок кепки — пряди выгоревших на солнце волос, небрежно распахнуты ворот рубашки, куртки и широкого армейского плаща — такие носили в сорок пятом солдаты, вернувшиеся с войны... Может быть, человек этот тоже воевал и, судя по лихости заломленной надо лбом кепки — в морских частях... Художник не рассказывает о нем в своей книге, не называет его имени... Но известно, что это — один из его любимых жанровых портретов («Пастух из Толмачева», 1979).

Но, как бы ни старался художник Ротницкий славить в своем творчестве мирное, настоящее, лучшее — память о войне не отпустила. И не было для него достойнее человека, чем воин, защищавший Родину. Огромное впечатление произвело на него знакомство с ветераном трех войн В. Н. Груслановым. В Первой мировой он был отважным разведчиком и за храбрость пожалован был в «Полные Георгиевские кавалеры» (получил четыре Георгиевских креста); в Гражданскую — воевал в отряде Буденного и был награжден орденом Красного Знамени; а в Великую Отечественную, как пишет в книге Семен Аронович, — «стоял рядом с Жуховым, принимая парад наших войск в Берлине, у Рейхстага... всю жизнь собирал он реликвии войны, трофейное оружие, знамена, сабли, каски, обмундирование... И все это он передавал в дар Музею Суворова»... К тому же Грусланов был интересный писатель. За детские книги,

Пастух из Толмачева.
1979 г. Холст, масло. 66×57

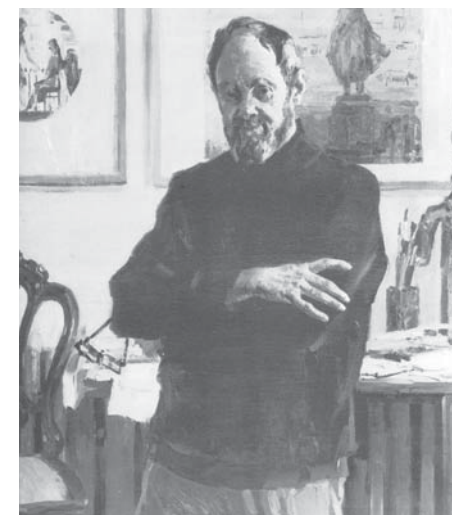

**Портрет
ветерана трех войн,
полного Георгиевского
кавалера
В. Н. Грусланова
1964 г.
Холст, масло 106×86**

среди которых была и лучшая его повесть — «Шпага Суворова», он был принят в Союз писателей... И сколько военных историй, эпизодов, комических случаев рассказал он художнику во время позирования!.. Ротницкий, бывший солдат, понимал его с полуслова... И с восторгом писал — война-героя, человека-легенду!

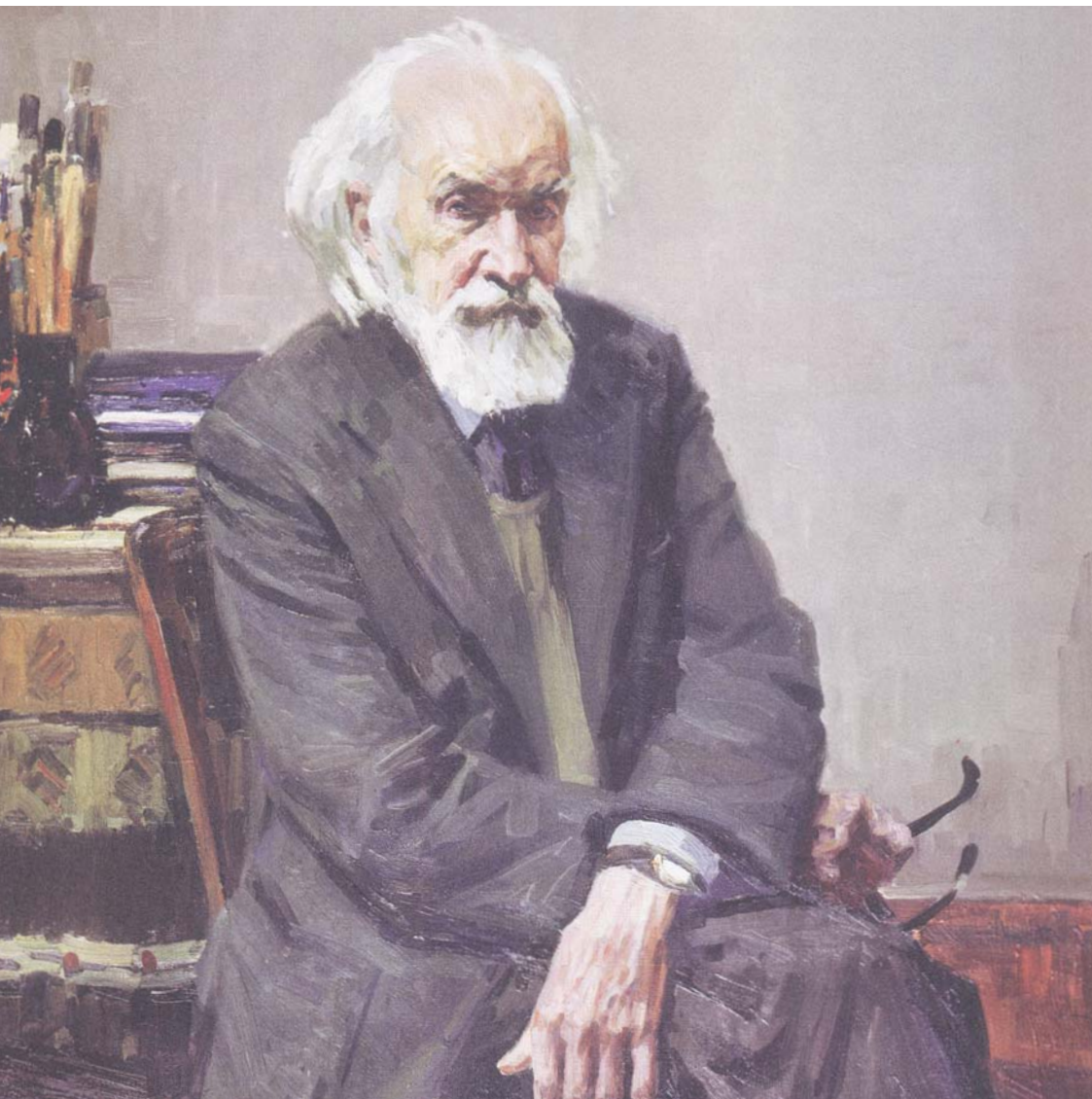
Грусланов, будучи уже в преклонном возрасте, не утратил военную выправку и, даже сидя в кресле, был статен, подтянут, держал осанку... В нем словно кипела энергия, внутренняя сила, он был по-настоящему красив!.. На военной гимнастерке — два ряда боевых наград и среди них — четыре Георгиевских креста — за храбрость и верность России!.. Лицо Грусланова — энергичное, волевое и, несмотря на седые вески — молодое, заряженное энергией духа... К тому же лицо это, по-прежнему, как в военной юности — украшают лихие буденновские усы!.. Вспоминая встречи с Груслановым, размышляя о значении портрета, Ротницкий писал: «Оставить память о таких и многих других людях, которых я, как художник писал и пишу, считаю своей главной задачей в жизни...» Портреты, созданные Семеном Ароновичем, всегда отличаются яркими, индивидуальными характеристиками. Исполненные в широкой, свободной реалистической манере, они жизненно-верно, правдиво передают неповторимость личности... На выставках портреты Ротницкого привлекают внимание зрителей. Но иногда работы его, принятые выставочкомом, упомянутые в каталогах, в экспозиции почему-то не появлялись. Сначала это удивляло, потом расстраивало, а в итоге — довело до больницы!.. Такое произошло и с портретом Грусланова. Позже, в разные годы, в экспозицию не попадали лучшие его работы — портреты ленинградских художников: старейшего из них — И. В. Лапушкина, профессора Мухинского училища В. С. Васильковского, известных живописцев В. А. Баженова и М. Г. Козелла. Причем портреты эти были дороги Ротницкому, так как изображали людей, близких ему по духу и глубоко симпатичных... С Васильковским Семен Аронович был хорошо знаком со студенческих лет, вместе учились в Академии, а позже — вместе работали в Мухинском училище. В нем привлекали искренняя доброжелательность, сердечность, доброта и поистине ленинградская интеллигентность...

Козелла Ротницкий знал тоже по Академии, всегда говорил о нем: «талантливый пейзажист, мы единомышленники и были связаны дружбой много лет...» А Баженова — автор портрета любил, как прекрасного мастера лирического пейзажа и как человека, видевшего смысл жизни в созиидании и служении красоте... Портреты эти интересны по композиции, по живописи, но главное — они тонко, мастерски передают неповторимость личности каждого из художников. Они — глубоко психологичны,

**Портрет Заслуженного художника РСФСР
профессора В. С. Васильковского
1980 г. Холст, масло. 120×105**

Видиширо-Судальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. г. Видишир

разнообразны по образному решению, по манере исполнения... «И отсутствие их в экспозиции не было случайностью, как думал я поначалу, — вспоминал Семен Аронович, — со временем я понял, что это чей-то злой умысел...» Печально, но так бывает, и так было с художником Ротницким!.. («Портрет художника В. А. Баженова», 1983; «Портрет художника М. Г. Козелла», 1984).

Яркий, интересный портретист, признанный братьями по искусству, Семен Аронович создал десятки замечательных портретов, и самые любимые им, самые выразительные — портреты людей искусства, близких ему по духу, по мироощущению, по творческому горению. Он сохранил для нас лица замечательных деятелей ленинградского искусства — художников, скульпторов, педагогов, искусствоведов... В основном, это люди военного поколения и дети военной поры. Для них слова — Родина, патриотизм, гражданственность — еще не утратили своего значения и ими определялось главное дело их жизни — их труд, их творчество, их воинский долг... С портретов Ротницкого, рассеянных ныне по музеям, галереям и частным собраниям России и зарубежья, смотрят на мир их живые лица... И вспоминаются слова старых «портретных дел мастеров» — «Портрет сохраняет настоящее и возвращает ушедшее...» Сегодня, даже только упоминания имен людей, изображенных на портретах Ротницкого, возвращают нам память о них!.. Кроме тех, кто уже упомянут выше, можно привести еще десятки имен, чьи лица сохранили портреты Семена Ароновича. Среди них: И. Н. Вьюнова — замечательный искусствовед, сердцем писавшая свои статьи о художниках; А. М. Земцова — искусствовед, спасавшая во время войны произведения искусства; организовавшая более 170 выставок произведений ленинградских художников, показанных в воинских частях, на кораблях, в госпиталях... После войны Анна Михайловна заведовала секцией живописи и театра в Ленинградском Союзе художников... П. Е. Корнилов — искусствовед, ведущий сотрудник Русского музея, преподаватель, коллекционер; А. Д. Кетов — известный ленинградский театральный художник; Р. П. Куриляка — педагог, художник-анатом; П. А. Якимович — скульптор... Можно долго перечислять имена ленинградских художников, чьи портреты оставил нам Семен Аронович Ротницкий. И все изображенные им были членами нашего Союза художников. Если бы собрать эти портреты вместе — получилась бы целая портретная галерея! Но жаль, галереи этой нет, а могла бы быть и, дополненная портретами собратьев по искусству, созданными другими ленинградскими мастерами, — сохранила бы городу память о тех, кто творил и приумножал его культуру!..

Портрет в творчестве Ротницкого преобладает. Это его любимый жанр.

Портрет искусствоведа А. М. Земцовой.
1972 г. Холст, масло. 110х100.

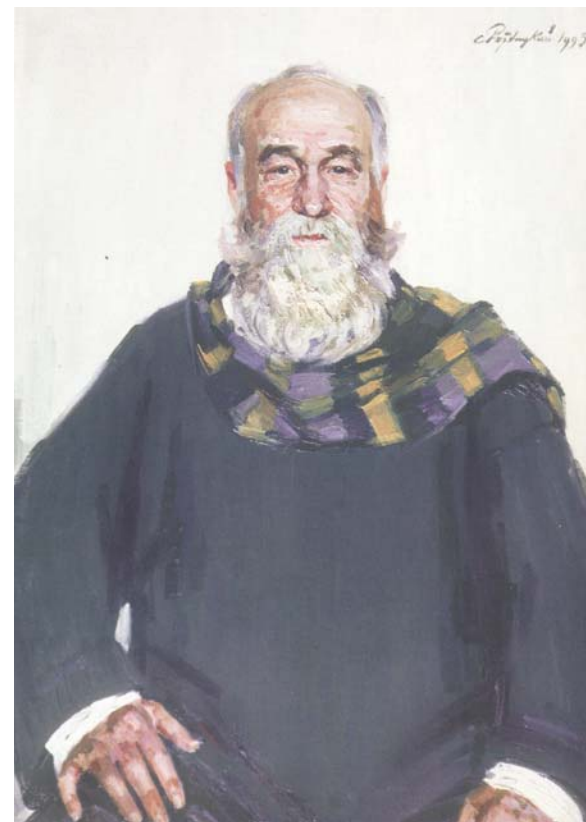
Дирекция выставок Ленинградской организации Художественного фонда

← **Портрет художника В. А. Баженова**
1983 г. Холст, масло. 110х100.

Дирекция выставок Ленинградской организации Художественного фонда

←
Портрет А.А. Кстова,
художника-декоратора
1997 г. Холст, масло. 100x80

Портрет скульптора
П.А. Якимовича
1993 г. Холст, масло.
110x80

Солнечная поляна
1982 г. Картон, масло.
52×61

**Долина Горячего
ключа. Осень**
1960 г. Картон, масло.
50×100

Но, как говорил он, — «художник не должен искусственно замыкаться в рамки одного жанра. По возможности, я работаю во всех жанрах, хотя и не считаю себя «картинщиком». — А для того, чтобы не утратить чувство цвета, ощущение колорита, — он постоянно работал на пленэре. Так было в Казани, когда он ездил на Алтай и писал алтайские степи — труд первопроходцев-целинников. Так было и в Ленинграде. Каждое лето он выезжал из города и работал то в Литве, то в Подмосковье. Нашу северную природу писал в окрестностях Ленинграда — под Лугой, в Прибытково, Толмачево, Суйде. Пейзажи эти не велики, не эпичны по содержанию, они очень конкретны и реалистично передают камерные мотивы природы, увиденные в разных ее состояниях. Названия их говорят сами за себя: «Солнечная поляна» (1982); «Сосны у Суйды» (1979); «Толмачево. Ветреный день» (1978). Краски этих пейзажей — насыщенные, звучные; живопись — то пастозная, то — тонкая, мягкая («Долина Горячего ключа. Осень», 1960). Хороши толмачевские пейзажи. В одном из них — «Стога на окраине Толмачева» (1979) выразительно, настроением передан осенний пейзаж со стогами и пасущимся рядом теленком. Осеннее неяркое солнце играет бликами на высоких стогах, на спине бурого теленка, на пожухшей траве. И на фонетемной стене елового леса — золотисто-охристые стога смотрятся особенно красиво...

В каждом пейзаже Ротницкого — своя красота...

Толмачево. Ветреный день
1978 г. Картон, масло. 60×70

Стога на окраине Толмачева
1979 г. Картон, масло. 35x50.
Частное собрание, США

Солнечный дворик в Толмачеве
1979 г. Картон, масло. 41x54.
Частное собрание, США

На бывших лужских рубежах
1979 г. Картон, масло. 60x80.
Частное собрание, США

И совсем иначе воспринимается, казалось бы, тихий летний пейзаж, написанный на Лужской земле, где в сорок четвертом художник воевал за каждую пядь ее...

Цветут травы на мирных лужских лугах, мирное небо отражается в речке, притих дальний лес за зеленым полем, и только в голубизне неба — тревожен бег облаков («На бывших лужских рубежах», 1979) ... Темперамент художника, так ярко выраженный в его портретном творчестве, дает знать о себе и в пейзаже, особенно, когда в тишину его врывается память о войне...

Память о войне — самое священное чувство для художника Ротницкого. Она с ним всюду. Всегда. И у каждого самого мирного его произведения есть незримая ниточка, связывающая мир и войну... В шестьдесят третьем году писал он портрет композитора В.П. Соловьева-Седого, человека, чьи песни знала, любила и пела вся страна. А он, артиллерист Ротницкий, слушал их в солдатских землянках на Ленинградском фронте, потом — Прибалтийском: «Вечер на рейде», «Соловьи», «Давно мы дома не были» ... Песни по-настоящему народные, дорогие каждому сердцу бойца. И была великая радость, что жизнь, почти случайно, свела

Портрет лауреата Ленинской премии, Народного артиста СССР В. Н. Соловьева-Седого
1963 г. Холст, масло.
160x100.
Государственный музей истории Ленинграда

С. А. Ротницкий — педагог в ЛВХПУ им. Мухиной
Конец 1970-х гг. Фото.

вместе композитора и художника. Это было в Комарове. Ротницкий писал здесь пейзажи на пленэре, а Василий Павлович — отдыхал на даче... Познакомились, два дня проговорили о музыке, о живописи, а на третий день — Ротницкий уже писал портрет композитора. Сеансы проходили на даче у Василия Павловича. Позировал он за стеной дома, стоя у старой березы, машинально держа в руке тонкую веточку... Поза были привычной, естественной — так Василий Павлович не раз стоял у березы во время обычной беседы... Лицо — добродушное, чуть насмешливое, с веселой искоркой в глазах. Человек он был общительный и веселого нрава, любил шутки, друзей, музыку. И часто, в перерывах между сеансами, заходили в дом. Василий Павлович садился к роялю и, аккомпанируя себе, пел

старые и новые песни... Портрет написан на большом вертикальном холсте, композитор изображен в рост, поколенно... Семен Аронович любил этот портрет. С ним связаны были светлые воспоминания о прекрасных днях, проведенных в общении с удивительным человеком и прекрасным музыкантом («Портрет лауреата Ленинской премии Народного артиста СССР В.П. Соловьева-Седого», 1963) ...

Но через тринадцать лет с портретом этим произошла беда... В семьдесят шестом году, рассказывал Семен Аронович, произошло тяжелейшее для него событие — его мастерскую ограбили, работы изуродовали, порезали, залили красками... Переломали кисти, уничтожили документы, деловые бумаги, а мастерскую после варварского налета хотели поджечь, включив электроплитку... Но плитка, к счастью, перегорела, и пожара не было!.. Подобные злодеяния совершились в тот год не только с мастерской Ротницкого. Грарили, уничтожали, измывались над произведениями искусства и жили мастерские известных ленинградских художников-реалистов: И. А. Серебряного, В. Ф. Загонца, Г. А. Савинова, В. Н. Прошкина и других...

В мастерской Ротницкого изрезали 35 полотен, многие — залили краской, а над портретом В. П. Соловьева-Седого надругались особо — искромсали ножами лицо, а всю фигуру проткнули черенками кистей!.. Случившееся потрясло художника, и понадобилось много времени, чтобы как-то прийти в себя и продолжать работать... Много времени, сил понадобилось, чтобы привести работы в порядок, отреставрировать порезы, убрать загрязнения... Помог в этом известный реставратор Русского музея, друг художника — А. Б. Бриндаров. Он вернул к жизни и портрет В. П. Соловьева-Седого...

Недоек был путь художника-ветерана и в мирные дни! Отставная творчеством свою позицию в искусстве, он продолжал работать. Убежденный художник-реалист, он не только писал картины, но вел большую педагогическую работу, теперь уже не в студиях Дома моделей и Ленгипротранса, а на кафедре общей живописи в Училище имени В. И. Мухиной. С 1965 года он вел здесь живопись на отделениях промышленного искусства, обработки дерева, керамики и стекла, тканей и промышленной графики. Занимался разработкой методических программ. Вел занятия со студентами. Он беседовал с учениками не только о профессиональной грамоте, но говорил с ними о вопросах этики, преемственности и традициях в искусстве, старался воспитать в них общую культуру. Бывшие ученики его, теперь известные художники, рассказывают, что в процессе учебы большое внимание он уделял постановкам. Они всегда были интересные, красивые и писать их было одно удовольствие!..

Семен Аронович устраивал для студентов встречи с известными деятелями культуры, науки, с ветеранами Великой Отечественной войны... Такие встречи вдохновляли не только учеников, но и самого учителя. После встречи с ветеранами «Дороги жизни» Семен Аронович создал

Портрет студентки ЛВХПУ им. В. И. Мухиной Марины Дубиной
1976 г. Холст, масло. 70x100

серию графических и живописных портретов тружеников легендарной Ладоги... К Ладоге у художника Ротницкого было особое отношение. Ведь лютый зимой сорок второго года, когда один за другим умирали от голода родственники жены, у которых оставалась в Ленинграде его четырехлетняя дочь Ада, ослабевшую от дистрофии девочку эвакуировали на Большую землю. Эвакуировали по ледовой «Дороге жизни»... Ученикам об этом Семен Аронович не рассказывал, но, чтоб знали они о ленинградской «Дороге жизни», устроил им встречу с ветеранами легендарной Ладоги...

Говорят, что «учительство» отнимает у художника время для творчества. У художника Ротницкого оно не «отнимало время», а помогало

сохранить молодость в творчестве и в ощущении времени... Вспоминая уроки любимого учителя Е. М. Чепцова, он учил молодежь не только по вузовским программам, но своим примером, своей живописью. И часто приглашал учеников к себе в мастерскую. И тут велись сокровенные беседы мастера и учеников о творчестве, о мастерстве, об искусстве...

Но иногда «портретист» побеждал Ротницкого-педагога, и он с удовольствием писал портреты своих учеников, их молодые лица, одухотворенные верой в искусство («Портрет студентки ЛВХПУ имени В. И. Мухиной Марины Дубиной», 1976; «Петербурженка. Портрет Тани Черновой, художника-дизайнера», 1999 (см. стр. 158); «Портрет студента ЛВХПУ им. В. И. Мухиной С. С. Петрова», 1971).

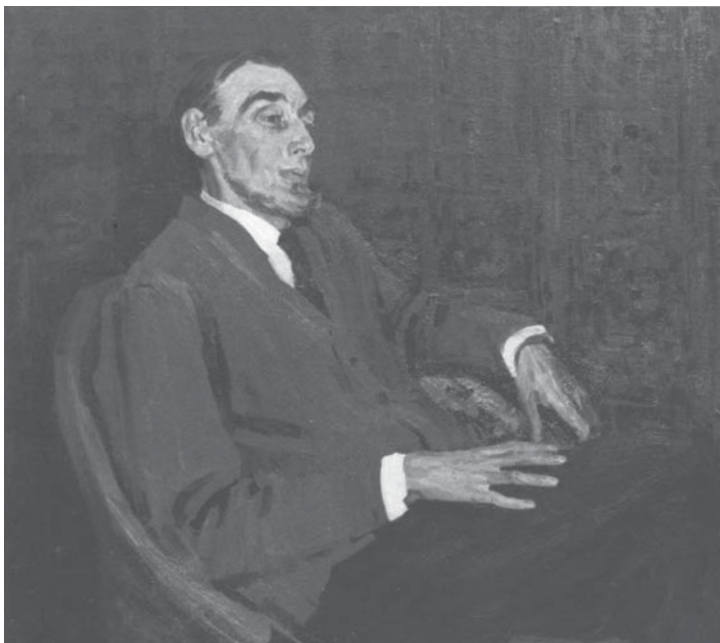
Портрет студента ЛВХПУ им. В. И. Мухиной С. С. Петрова
1971 г. Холст, пастель. 74х62.
Музей изобразительных искусств Татарской АССР, Казань

Ротничий-портретист оставил нам портреты и своих коллег-педагогов: Л. Ф. Овсянникова и П. Д. Бучкина, П. Е. Корнилова и В. С. Васильковского — об этих портретах было уже рассказано выше... Интересен портрет архитектора К. Л. Иогансена, изображенного в рост в интерьере, где полки с книгами, картины, красивая стеклянная ваза на шкафике с антикварным фарфором, рядом — старинное изящное кресло... Все говорит о тонком вкусе изображенного и его интересе к искусству. А поза его, присущая лектору, подсмотрена художником на его занятиях со студентами. Высокий, прямой, строго и элегантно одетый, он молча вглядывается во что-то перед собой, словно внимая чьим-то словам... Его правая рука еле заметным жестом словно подтверждает правоту говорящего... Тонкое, немолодое лицо — сосредоточенно, исполнено внимания... Художник создал образ человека, увлеченного искусством, творчеством («Портрет архитектора профессора К. Л. Иогансена», 1975).

Красив и изящен по композиции портрет художника С. А. Петрова, возглавлявшего кафедру рисунка в Училище. Глядя на изображенного, можно подумать, что он музыкант — так красивы тонкие кисти рук, лежащие на коленях. Красиво и погруженное в думу лицо, словно затаившее тихую грусть... «Рыцарем печального образа» — Дон Кихотом — называли его коллеги по работе. Это был человек бесконечно преданный своему делу. Рисунок для него был превыше всего в искусстве, и он тщательно разрабатывал учебные программы по рисунку. Его с утра до вечера можно было видеть на кафедре рисунка, погруженного в работу... Он был и прекрасный художник, мастерски владевший искусством пастели — техники тонкой, изящной, требующей от художника особого мастерства... Портрет этот в творчестве Семена Ароновича — по глубине постижения личности портретируемого — один из проникновеннейших...

Портрет архитектора профессора К. Л. Иогансена
1975 г. Холст, масло. 181х100.
Государственный музей истории Ленинграда — Санкт-Петербург

Портрет Заслуженного работника культуры РСФСР, доцента С. А. Петрова
1969 г. Холст, масло. 110×110.
Тверская областная картинная галерея

Мухинскому училищу, педагогической работе в нем — художник Ротницкий отдал почти четверть века. Он любил своих учеников и учил их тому, что знал и умел сам: учил словом, учил кистью, учил жизнью своей... В восемьдесят первом году, уходя с преподавательской работы и покидая училище, он устроил в стенах его замечательную выставку рисунка — последний свой урок ученикам! Преклонные годы, подорванное здоровье — брали свое. Становилось трудно совмещать работу

со студентами и в мастерской... К тому же хотелось дописать большую картину, начатую в начале семидесятых годов... И конечно, как всегда, побольше поработать над портретами...

Работа над портретами всегда доставляла Ротницкому огромное творческое удовольствие. Она давала ему особую радость общения, она раскрывала ему суть человеческой личности, суть неповторимого характера. Она обогащала его знаниями, постижением многообразия мира. «Не могу

Портрет Героя Социалистического Труда академика А. А. Лебедева
1964 г. Холст, масло. 110×110.
Государственный музей истории Ленинграда

забыть дорогие для меня творческие встречи, — рассказывал Семен Аронович, — при создании портрета выдающегося ученого-физика академика А. А. Лебедева». Один из самых значительных физиков нашей страны, лауреат Ленинской и Государственной премий, награжденный шестью орденами Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, человек воистину энциклопедических знаний, он был удивительно скромен в быту, в общении с людьми... Разговоры во время сеансов касались разных тем. Оказалось,

что Александр Алексеевич хорошо разбирается и в искусстве... («Портрет Героя Социалистического Труда академика А. А. Лебедева», 1964).

Ротницкий создал серию портретов замечательных советских ученых. Ему позировал В. И. Неганов — крупнейший в стране специалист по кораблестроению, главный конструктор атомного ледокола «Ленин», интеллектуал высочайшего уровня — знаток музыки, живописи, литературы, истории! А с известным ученым-химиком П. П. Воронковым, после

**Рабочий человек.
Сборщик турбины**
Л. М. Денисов
1969 г. Холст, масло.
145×165.
Выставочный зал
изобразительного
искусства. Сочи

написания его портрета, завязалась дружба на много лет. Их объединила любовь к живописи, интерес к русскому реалистическому искусству. Ученый, увлекаясь живописью, собрал большую коллекцию пейзажей передвижников, освоил сложнейшую реставрацию живописи...

Для Ротницкого каждый портретируемый — неповторимая личность, со своей судьбой, своим главным делом жизни. И Ленинград, с его культурными, научными, учебными учреждениями, с его заводами, фабриками давал массу материала для творчества. Тем более, что Семен Аронович не только художник, но в прошлом — рабочий человек, токарь Тульского оружейного завода, и потому его всегда интересовали люди рабочих профессий. Частым гостем он бывал в цехах Кировского завода, «Электросилы», Ленинградского металлического завода. Им создана серия портретов людей рабочих профессий, изображенных в производственной обстановке,

на рабочем месте. Один из интересных портретов создан на Металлическом заводе. Огромный цех, где собираются турбины для электростанций, художник увидел сверху, сверху увидел и героя будущего портрета. Он стоял у секции огромной турбины и, широко раскинув руки в рабочих рукавицах, держась за поручни ограждения, что-то сосредоточенно обдумывал... Свет падал сверху и фигура его в темном комбинезоне эффектно выделялась на фоне огромных агрегатов цехового оборудования... Портрет был написан прямо в цеху, а герой его — сборщик турбин Л. М. Денисов оказался и впрямь героем. Он был бывший фронтовик-десантник! («Рабочий человек. Сборщик турбин Л. М. Денисов», 1969). Война снова напоминала художнику о себе... Портрет этот писался в шестьдесят девятом году, а в семидесятых Ротницкий начинает создавать серию портретов ветеранов Великой Отечественной войны.

К 25-летию Победы задумал Семен Аронович создать жанровый портрет солдата-победителя. Но не конкретный образ, а собирательный, в котором бы выразились лучшие качества воина-победителя: мужество, воля, сила характера... Художник, работающий всегда с натурой, он долго не мог найти подходящую модель. Но однажды, на улице, он увидел человека, облик которого отвечал всем его требованиям... Он остановил его, объяснил причину и пригласил позировать... Человек этот оказался почтовым работником и к радости художника — ветераном войны. Как выяснилось позже — он принимал участие в штурме Берлина и взятии Рейхстага. К тому же у него сохранилась и его военная форма тех дней!.. Так, в 1970 году появился конкретный жанровый портрет солдата Великой Отечественной войны И. А. Самойленко. А из статьи о выставке, опубликованной в «Вечернем Ленинграде», художник узнал, что у его портрета ветерана войны И. А. Самойленко «пожилой человек, не стеснясь, прослезился. Это его, прошедшего с боями до Берлина, запечатла на фоне Рейхстага художник-фронтовик С. Ротницкий»... («Год 1945-й. Солдат Великой Отечественной войны И. А. Самойленко», 1970)

Шесть лет спустя Семен Аронович снова создает собирательный образ солдата Великой Отечественной войны. Но в нем нет уже парадности и щеголеватости счастливого победителя, а есть измученный жизнью, старый седой человек. Печален взгляд его, печально лицо его, а на старой военной гимнастерке — две дорогие боевые награды... Прошло всего лишь четверть века, но как изменилось отношение к ветеранам и как нелегка стала их мирная жизнь!.. («Портрет старого солдата», 1976).

Не рассказывает в книге своей Семен Аронович о двойном солдатском портрете, названном им «Мои однополчане». Портрет создан, наверное, по сохранившимся фронтовым рисункам и по памяти... Два солдата изображены сидящими, плечо к плечу... Одинаковые солдатские шапки со звездочками, одинаковые солдатские гимнастерки и одинаковые две медали у каждого на груди... И даже одинаковые выражения лиц, словно застывших перед камерой фотоаппарата, но один солдат — русский, другой — кавказец... И плечо — к плечу. Так было тогда, на той Великой войне... («Мои однополчане», 1972). Названные портреты Ротницкого, изображающие ветеранов войны, говорят не только об изображенных людях, но об отношении к ним общества, менявшегося со временем.

Но с каким глубоким чувством уважения, понимания, сердечности писал художник портреты ветеранов войны. Портреты людей — жизнью, кровью заплативших за Победу... Много написал Ротницкий портретов

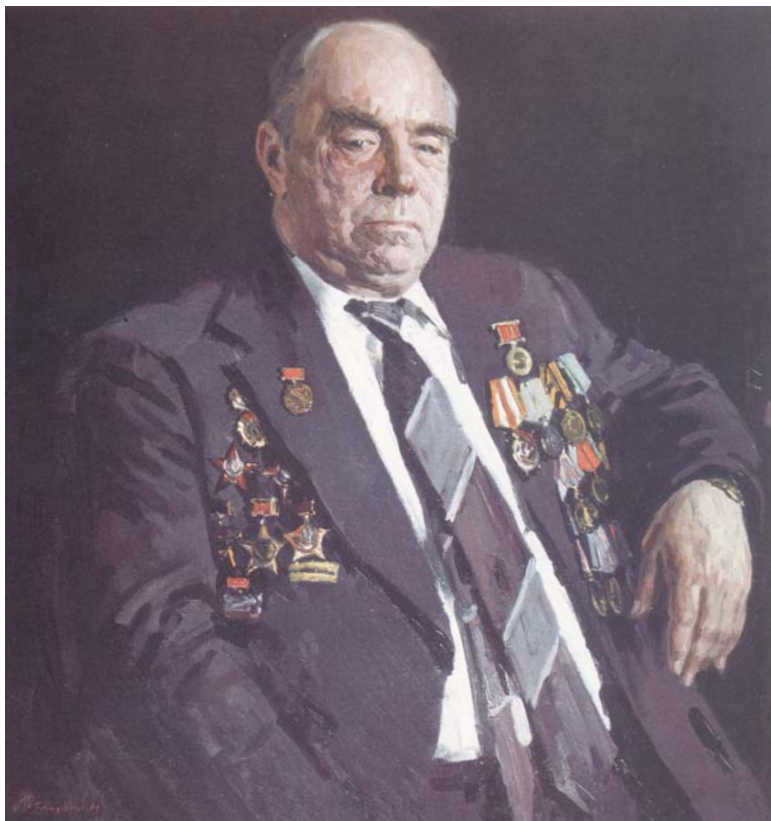

Год 1945-й. Солдат Великой Отечественной войны И. А. Самойленко
1970 г. Холст, масло. 107×85.
Музей изобразительных искусств г. Миннеаполис, США

*Мои однополчане Рыков и Беликов
1972 г. Холст, масло. 75х100.
Музей изобразительных искусств г. Канзас-Сити, США*

←
*Портрет старого солдата
1976 г. Холст, масло. 90х80.
Дирекция выставок. Ленинградское
отделение художественного фонда*

Портрет ветерана Великой Отечественной войны, летчика А. А. Кукина
1985 г. Холст, масло, 82×77.
Дирекция выставок Ленинградской организации Художественного фонда

людей, прошедших войну. Но один из них — потрясает. Это портрет летчика блокадного ленинградского неба — Алексея Алексеевича Кукина. Он защищал Ленинград... В одном из боев фашисты подбили его самолет. Самолет загорелся, летчик выпрыгнул с парашютом, но парашют не раскрылся, и он упал недалеко от Летнего сада на покосившийся дощатый забор. Доски прошили его тело, впились в лицо... Летчика спасли ленинградцы. Долго лечили его в госпиталях... Страшные раны зажили, покрылись рубцами... Портрет написан в восемьдесят пятом году, сорок с лишним лет спустя после войны... С портрета смотрит на нас немолодое уже лицо, сплошь покрытое старыми рубцами ран... Щелочки глаз обращены к нам. В них — добрый свет. И видно, что волевой, кряжистый, седоголовый человек этот — с доброй и нежной душой... Семен Аронович рассказывал, что «Алексей Алексеевич долгие годы работал в Художественном фонде Союза художников и сделал много хорошего людям. И люди помнят его по сей день...» («Портрет ветерана Великой Отечественной войны летчика А. А. Кукина», 1985).

Защищал небо блокадного Ленинграда и летчик Василий Антонович Мациевич. Войну он прошел от рядового летчика до командующего авиационным соединением. На его счету более двухсот боевых вылетов. Позируя художнику, он вспоминал Ленинградский фронт, блокадный город, музыку, звучавшую тогда по ленинградскому радио. Оказалось, что он и сам музыкант, прекрасно играющий на рояле... Он любил живопись и хорошо знал поэзию... Семен Аронович изобразил его в командирской шинели, в папахе, с крупными звездами на погонах... А в лице — волевым, умным, уловил какую-то ноту печали... Прошло немного времени и Василия Антоновича не стало... («Портрет Героя Советского Союза полковника авиации В. А. Мациевича», 1978).

Необыкновенна судьба и Ю. Д. Ломана — ветерана войны, защитника блокадного Ленинграда. Вступив в Народное ополчение, став пулеметчиком, он воевал на Ленинградском фронте. В тяжелейших боях у Пулковских высот был ранен. После госпиталя получил направление в отдельный дорожный батальон на Ладогу — «Дорогу жизни». Был парторгом батальона... После войны сорок лет работал на Ленинградском заводе химических красок... Юрий Дмитриевич всю жизнь занимался общественной работой: был членом исторических секций Дома ученых и Дома офицеров... Был членом Совета ветеранов «Дороги жизни» и собирал материалы, связанные с ней... Он тяжело переживал разногласия в исторической оценке блокадной Ладоги... И 5 августа 1980 года, выступив по наиболее теме на совещании в Музее города в Петропавловской крепости, сел на место и умер... Юрий Дмитриевич оставил удивительные автобиографические записки, связанные с его детством и отрочеством,

Портрет Героя Советского Союза полковника авиации В. А. Мациевича
1978 г. Холст, масло, 120×110.
Музей изобразительных искусств г. Колорадо-Спрингс, США

Портрет ветерана Великой Отечественной войны историка Ю. Д. Ломана
1975 г. Холст, масло. 110x100.

Дирекция выставок Ленинградской организации Художественного фонда

проведенными в Царскоевском «Федоровском городке» (Ю. Д. Ломан. «Воспоминания крестника Императрицы») ...

На портрете, созданном художником Ротницким, Юрий Дмитриевич изображен «по-домашнему, камерно», сидящим в большом мягком кресле. На коленях — раскрытый журнал, в руке — только что снятые очки... Он поднял голову от журнала, чтобы что-то обдумать, вспомнить... («Портрет ветерана Великой Отечественной войны историка Ю. Д. Ломана», 1975).

О ветеранских портретах Ротницкого, о людях, изображенных на них, можно говорить бесконечно. Это — герои своего времени, своего

поколения! Разве можно не назвать имя В. В. Секлюцкого — художника-фронтовика, воевавшего в морских частях... После войны, поселившись в Кисловодске и узнав, что здесь когда-то жил и работал художник-передвижник Н. А. Ярошенко — он разыскал бывшую усадьбу семьи Ярошенко, превращенную в коммунальное жилье, добился выселения жильцов, доказал необходимость ремонта и реставрации усадьбы для организации в нем музея. 1959 год считается годом основания Дома-музея Н. А. Ярошенко! Стараниями В. В. Секлюцкого Музей-усадьба художника-передвижника открыт для публики 11 марта 1962 года... Создавая,

Портрет Заслуженного работника культуры РСФСР В. В. Секлюцкого
1979 г. Холст, масло.
90x80

именно создавая, этот музей, В. В. Секлюцкий разыскал для него сорок с лишним произведений Ярошенко и собрал более полутора тысяч работ современных художников... Теперь этот музей знает вся страна! Разве это не гражданский подвиг художника-фронтовика?! Собирая работы для музея, В. В. Секлюцкий обратился и к Семену Ароновичу. Дважды приезжая в Ленинград и непременно бывая у него в мастерской, он увез в Кисловодский музей полтора десятка работ мастера!.. Во время второй встречи художников, в мастерской Ротницкого и был написан, буквально за три часа, портрет В. В. Секлюцкого. Написан широкой, размашистой кистью, почти этюдно... Мастеру хотелось передать в нем, прежде всего, энергию духа, одержимость художника — творца добрых дел!.. А позже, уже после ухода из жизни В. В. Секлюцкого, Семен Аронович не раз дарил свои работы Музею Ярошенко... («Портрет Заслуженного работника культуры РСФСР В. В. Секлюцкого», 1977).

В портретах, созданных Ротницким, всегда читается характер человека, его внутреннее состояние... Художник подмечает в модели неповторимое: как смотрит, как сидит, как держит руки, к чему проявляет интерес... В жанровом портрете понимание образа портретируемого углубляет интерьер — обстановка его, детали убранства, освещение... И конечно, — общее цветовое решение, соответствующее индивидуальности человека и задаче портрета. Для художника Ротницкого работа над портретом — это, прежде всего, постижение красоты духа человека, красоты его дел во благо других, во благо своей Родины...

Есть у художника портрет, который мысленно он причислял всегда к ветеранским портретам, хотя изображенная на нем средних лет женщина в докторском белом халате и шапочке — на войне никогда не была... Но в сорок втором, когда ей было четыре года, ее, ослабевшую от голода, вывезли из блокадного Ленинграда по ледяной легендарной «Дороге жизни»... Да, это — Ада, Адачка. Ада Семеновна Анищевая (по мужу) — взрослая дочь художника Семена Ароновича Ротницкого. Она — врач-онколог; живет в Удмуртии — в Ижевске. У нее большая семья, внуки... Но белый халат на ней — знак добра, милосердия, помощи... Знак благих дел для людей... И прав был Семен Аронович, когда дочь свою мысленно причислял к ветеранам войны... Портрет — профильный, поясной, красиво написанный. Лицо Ады Семеновны — спокойное, исполненное внутренней сосредоточенности, внимания, а сверкающая белизна белого халата — олицетворение врачевания и силы духа женщины-хирурга.

←
Портрет хирурга А. С. Анищевой
1989 г. Холст, масло. 70x60

Не забыть военных дорог...

Вариант эскиза
к картине «Псковичи»
1980-е гг. Холст, масло. 60х145.

«Многое было сделано мною в области портрета людей войны, — рассказывал Семен Аронович, — но постепенно, где-то в начале семидесятых годов, назрела мысль (хоть я и не «картинщик»!) — создать картину, в которой бы я мог раскрыть духовную силу наших людей, их любовь к Родине... Именно то, что дало возможность выстоять нашему человеку в той страшной войне...» Вспомнил художник и ленинградское Народное ополчение, и Ленинградский фронт, и Вороноью гору, и жестокие бои у Пулковских высот, на Лужском рубеже; вспоминал и Псковскую партизанскую землю, разоренную, выжженную врагом... И в память о пережитом, о незаживающей ране войны, родилась большая, эпическая картина — «Псковичи». Партизаны-псковичи. Они вышли из леса 14 марта 1944 года, в теплый весенний день, обещавший Победу. Мужчины и женщины, молодые и старые. В ватниках и тулупах, в шапках-ушанках и в платках... С автоматами, винтовками, с сохраненным в партизанском штабе красным знаменем Родины... Они идут и идут к нам. Идут из своего военного далека. Идут по голубеющему снегу военной весны, что принесла им освобождение... А за ними, вдали — разоренный, разрушенный древний город России — Псков. И белеет над ним старый храм, изувеченный, но, как содаат, выстоявший в войне. Белеют под сереньким русским небом заснеженные просторы земли нашей... Снег, снег, снег на Псковской земле... И люди, люди, люди — тот самый русский народ, что защитил от врагов свою Землю... («Псковичи», 1970–1990).

Картина «Псковичи»
на стр. 98–99
1970–1990 г. Холст, масло. 220х365.
Музей изобразительных искусств г. Сиракьюс, США

Ленинградский Союз художников. Персональная выставка С. А. Ротницкого
1991 г. Фото

Над картиной этой художник-фронтовик Ротницкий работал двадцать лет, вспоминая пережитое, вынашивая вызревающий замысел... Картина эта — исполненный им воинский долг, долг чести перед теми, кто не вернулся с войны, кто навеки остался на местах боев Великой Отечественной...

Картина «Псковичи» впервые была показана публике на персональной выставке художника, проходившей в залах Союза художников на ул. Герцена, 38 в октябре-ноябре девяносто первого года. Приурочена она была к 75-летию со дня рождения художника. На выставке были представлены произведения разных жанров: яркие, свежие по живописи пейзажи; празднично-красивые натюрморты, виртуозно исполненные рисунки. И, конечно, портреты. Портреты, глядя на которые вспоминаешь мастеров русской школы, думаешь о глубоких корнях современного искусства, о традициях в русской портретной живописи... Знатоки рассуждали о профессиональном мастерстве Ротницкого, говорили о его одержимости искусством, его бескомпромиссности в нем... В «Книге отзывов» — восторженные высказывания зрителей о творчестве художника, о его отдельных произведениях. Но самая емкая и глубокая оценка выставки дана поэтом-фронтовиком Михаилом Дудиным: «С удовольствием посмотрел Ваши свидетельства жизни, которой мы с Вами жили и от которой отказываться не собираемся. Всем этим свидетельствам, наполненным воздухом времени и обязательностью Вашей души — жить долго и волновать людские сердца глубоко, потому что будущего нет и не может быть без прошлого...»

Персональная выставка для художника — огромная работа, сложная, трудная, требующая больших физических и моральных сил... Кроме тщательного отбора и подготовки к экспонированию произведений, надо преодолеть массу организационных формальностей, надо позаботиться об афишах, пригластительных билетах, и конечно, о каталоге!.. Все сделал, все одолел художник Ротницкий. И зритель шел и шел на выставку. Шли и шли коллеги-художники, шли и шли его ученики, шли ветераны войны... Но, несмотря на заранее разосланные приглашения — ни один музейный работник не пожаловал на выставку — ни из Русского музея, ни из Музея города, ни из Блокадного музея в Соляном переулке!.. Горько, больно было художнику: ведь музейщики — главные ценители произведений искусства! А персональная выставка — итог многих лет творчества!..

А тут, как повелось в «перестроечные дни», пожаловали на выставку иностранные галерейщики... Хвалили, заводили разговоры о приобретении картин, но Ротницкий не хотел, чтобы написанное сердцем о России, было не в России!.. Но, горькая обида и обстоятельства — в конце концов победили: художник готов был принять предложение американских галерейщиков — купить у него картину «Псковичи» и еще более ста работ с выставки и из мастерской — портреты, пейзажи, натюрморты, графику...

С. А. Ротницкий в своей мастерской
1991 г. Фото

Встреча с однопоччанами.
1991 г. Фото

Предложили устроить его персональную выставку в Америке и издать каталог с цветными репродукциями... К тому же, обещали, что картина «Псковичи» и еще ряд работ — будут находиться в постоянной экспозиции Музея изобразительного искусства города Спрингвилла...

Трудно было расстаться художнику с картиной «Псковичи» — часть жизни, часть души уходила с ней за океан! Творил-то для России, о России!.. Пригласил на выставку ветеранов, партизан. Рассказал о предложении американцев... Долго, мома стояли ветераны у картины. А потом — высказали

свое единое мнение: «Если наши теперь не проявляют к нам особого интереса, пусть американцы знают, какие мы тогда были. Пусть знают нас, русских!..»

После встречи этой Ротницкий окончательно принял предложение американцев. И после закрытия персональной выставки — картины приобретенные американскими искусствоведами — Верном Свенсоном и Джимом Дабакисом «уехали» в Америку... (См. их портреты на стр. 106 и 107)

Перед открытием персональной выставки в Миннеаполисе 1992 г. Фото

Но перед закрытием выставки в Союзе художников прошло обсуждение ее. Народу пришло много. Слов хороших было тоже сказано много, но главный итог его — предложение выдвинуть художника Ротницкого на соискание Государственной премии по изобразительному искусству.

«... 9 июня 1992 года, — рассказывал Семен Аронович, — я случайно узнал, что в «Российской газете» напечатаны имена кандидатов на Государственную премию по изобразительному искусству. Среди них значилась и моя фамилия — «За галерею портретов современников 70-80-х годов, от Санкт-Петербургского Союза художников»... И снова — организационно-выставочные заботы! Кандидату положено было показать выдвинутые на премию работы в Москве, на специальной выставке... Работы Ротницкого на этой выставке получили высокие оценки в прессе и в выступлениях большого начальства на открытии экспозиции, но... на живопись выделена была лишь одна премия и заранее она предназначалась А. А. Грицаю, посмертно... И снова — горькая обида, болезненные переживания. И поэтому приглашение американских знакомых приехать Ротницкому на открытие устроенной ими его персональной выставки — было очень кстати!.. Выставка проходила в Миннеаполисе (штат Миннесота), зрителей было много. Работы были прекрасно оформлены, удачно развешены... Выставка удалась... А гости

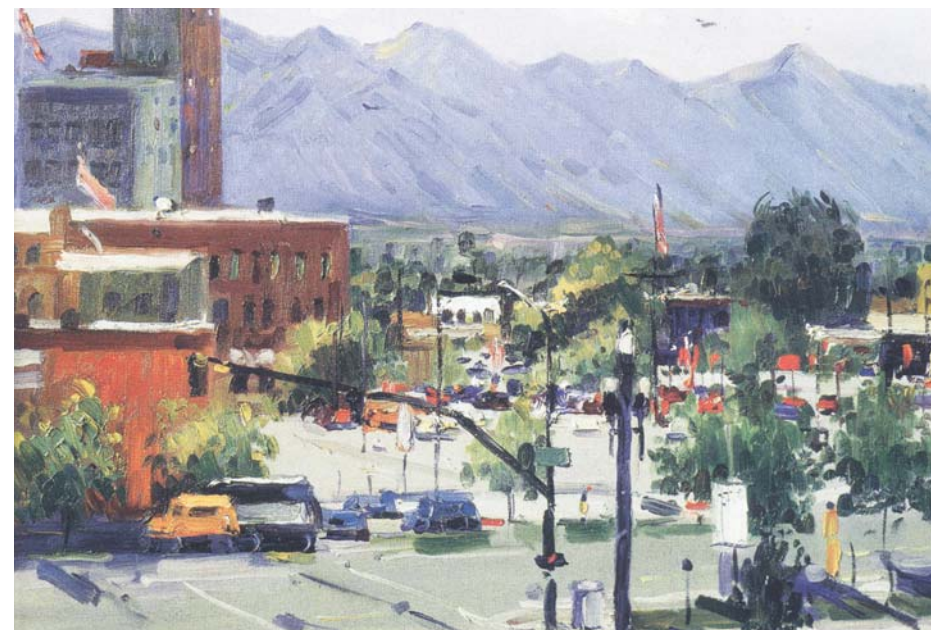
из России были окружены теплом и заботой...

По приглашению своих новых друзей Семен Аронович и его супруга трижды побывали в Америке. Их возили по стране, показывали ее достопримечательности, столичные музеи изобразительного искусства... Для них устраивались званые обеды, их знакомили с интересными людьми... Была возможность и поработать: Семен Аронович писал пейзажи, портреты...

С Верном Свенсоном у картины «Псковичи» в музее Спрингвилла 1993 г. Фото

Утро в Солт-Лейк-Сити 1992 г. Картон, масло. 45x61

В долинах Аризоны
1995 г. Холст, масло. 59×64

**Индеец
из Солт-Лейк-Сити**
1992 г.
Холст, масло. 71×56

Портрет
Верни Свенсона,
организатора
выставки
С. А. Ротницкого
в США
1993 г. Холст, масло.
80х60.
Музей изобразительного
искусства г. Саринговилл,
США

Портрет
Ажима Дабакиса,
организатора выставки
С. А. Ротницкого
в США
1992 г. Холст, масло.
80х60.
Частное собрание, США

Американская жизнь с благоустроенным бытом, дорогами, переполненными товарами и продуктами магазинами, — по сравнению с нашими «перестроечными» талонами на мыло и колбасу, — казалась раем!.. В Нью-Йорке встретил он ленинградского художника Марка Клеонского, уехавшего из России двадцать лет назад. Посетил его мастерскую, увидел его работы «американского периода», увидел его благоустроенный быт...

Но, чтобы был достаток, надо, как говорил Марк, — «уметь вертеться»... И он «вертелся», исполняя модные «композиции» и заказные портреты обеспеченных американцев... Прекрасная русская школа чувствовала в его работах, но в них появилась какая-то сухость, ушло и всегда отличавшее Клеонского в России — чувство цвета, ощущение колорита. Появилась броскость, плакатность...

Многое увидел Семен Аронович в Америке. Многие поразило его, удивило, вызвало даже восторг, но, вернувшись в Россию, домой, в свою неказистую мастерскую — понял, вспоминая Марка Клеонского — «Как бы ни было тяжело, но покидать землю своих предков, где ты родился, — величайшая трагедия в жизни человека!» И как бы ни убеждал он себя, что его картины в Америке лучше — «не пылятся никому не нужные в мастерской!» — душу щемило, и вспоминались снова и снова счастливые дни творчества, когда в его мастерской стояло на мольберте самое дорогое для него полотно — «Псковичи» — память о людях, сражавшихся с врагом за свою землю, родную землю... Без почвы и корней — нет искусства!..

После «американских вояжей» он продолжал писать портреты, пейзажи, жанровые картины, часто повторяя: «Когда беру кисть в руки, я чувствую, что живу...»

Новые работы, как всегда, показывал на выставках, по-прежнему с радостью встречался со зрителями, выступал на обсуждениях. Особенно дороги были для него встречи с ветеранами...

В мае 2004 года Семен Аронович показывал свои новые работы в выставочном зале Московского района Петербурга. Радовался, что выставка его приурочена ко дню Победы — самому дорогому празднику для него. К тому же на выставке проводилась конференция Ассоциации блокадников и ветеранов Ленинградского фронта... Выступления участников конференции возвращали присутствующих к трагичнейшим дням ленинградской блокады, к Народному ополчению, к «Невскому пятачку», к Вороньей горе... Возвращали свою юность, свои раны, свою боль... Слово взял и художник Ротницкий, заговорил, как всегда, взволнованно, горячо, страстно и... вдруг — упал... Жизнь оборвалась мгновенно, на полуслове, как на войне...

С Марком Клеонским в его мастерской. Нью-Йорк
1992 г. Фото

С. А. Ротницкий на выставке своих произведений
в Выставочном зале Московского Района. Санкт-Петербург
2004 г. Фото

*Прочтите! Уходим с порога,
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога —
Дорога пришедших с войны...
(Михаил Дудин)*

Семен Аронович Ротницкий был воин. Воин не только на дорогах Великой Отечественной, но воин — в армии искусства. И воевал он словом и кистью за право быть честным художником. Быть мастером своего дела и землю свою называть по-сыновьему — Родиной... И еще, чтоб сказать напоследок людям: «Велика сила искусства. И величие ее в силе Таланта человека — создателя прекрасного...» И это — о той самой «Силе красоты», в которую он верил всю жизнь и так назвал свою книгу.

ВОСПОМИНАНИЯ

ВЕТЕРАНЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

**Ястребенецкий
Григорий Данилович,**
скульптор,
Народный художник РСФСР

ЗАРУБКИ ПАМЯТИ

Война... Почти с первого дня и до самого конца ее — я был на Ленинградском фронте. Узнал я о начале войны, когда мы шли с ребятами смотреть футбольный матч. Шли по Невскому проспекту и увидели на углу улицы Михайловской и Невского — стоит толпа и слушает что-то... Остановились, слышим звуки метронома... Они раздавались из репродуктора, который висел на углу... И вот тогда услышали, что началась война... Как-то мы не очень были взволнованы. Молодые были, и казалось, что мы фашистов через три недели победим! И через три дня, я и два моих однокурсника пошли в военкомат записываться в добровольцы. Нам еще не исполнилось 18 лет, и в военкомате нам сказали: «Идите гуляйте. Вы молодые, еще успеете повоевать...» Но через несколько дней, 2 июля, я получил повестку в военкомат, и два моих товарища тоже... На медкомиссию собрали 100 человек, которые должны были отправиться в Ельню, в школу политсовета. Поскольку мы были комсомольцами, нас троиц туда и пригласили...

Поскольку фамилия у меня на последней букву алфавита, поэтому я оказался за чертой ста человек. А два моих товарища уехали в Ельню и через

две недели погибли в бою... А я вот остался жив, остался в Ленинграде. И начали меня во всякие артиллерийские училища определять... А потом отправили в минометное училище. Но это было уже тогда, когда началась блокада и начался голод. Блокадное время тяжело вспоминать... Сколько видел я ужасов! Сейчас начали вернее показывать блокаду, а то везут там пару саночек с погибшими, умершими от голода... Не так было!.. Там десятки саночек — одни за другими! Санки таскали измученные, усталые женщины... А я попал тогда в минометный учебный полк. Нам давали по 125 граммов сухарей, и мы мечтали попасть на фронт, думая, что там паек хлеба был больше и к тому же можно было выкопать картошку, которая оставалась неубранной на полях... Прошло немного времени, и меня на санках отвезли в госпиталь со второй степенью дистрофии. В палате лежали на носилках человек пятнадцать измученных, таких же голодных, как я, людей. И за ночь в нашей палате умирало, по крайней мере, пять человек...

Потом, в начале 42-го года меня выписали из госпиталя, и я попал, опять-таки со всякими приключениями, в дивизион аэростатов артиллерийского

наблюдения. В этом дивизионе сверху, с аэростатов, корректировали огонь нашей артиллерии по немецким частям. Мы находились на переднем крае фронта, под Нарвой. Холодно было, жуткие морозы. И мы одевали меховую маску на лицо, унты, комбинезоны теплые... Там я провоевал до 1 апреля 44-го года. Там меня ранило, когда я был в корзине аэростата и только начал подниматься в воздух... Подлечившись, я попал в роту связи. С этой ротой дошел до Восточной Пруссии. И там война кончилась... После войны, став скульптором, я все время возвращаюсь к ней...

С фронта я вернулся в Ленинград... В это время в Ленинграде начиналась нормальная жизнь. Возвращались из эвакуации заводы, учреждения, институты. Вернулась из эвакуации в Самарканд Академия художеств (институт имени Репина). До войны я учился в Средней художественной школе, потом поступил в институт — на факультет скульптуры. Надо сказать несколько слов об этом времени: когда мы пришли в институт после войны — все для нас было сплошной восторг! Слушали лекции по истории искусства, занимались рисунком, лепил... В коридорах встречались с замечательными профессорами — Осьмеркиным, Матвеевым, Рудаковым, архитектором Никольским... Было очень интересно учиться!..

**Г. Д. Ястребенецкий — ветеран
Великой Отечественной войны**

Но вскоре, после окончания Великой Отечественной войны, в Советском Союзе началась борьба с низкопоклонством перед Западом и буржуазным влиянием на изобразительное искусство. Основным методом создания произведений был признан социалистический реализм, который не допускал формальных поисков или попыток автора найти свой собственный язык выражения — «искусство должно быть идеологически выдержанным и понятным народу». В результате этой кампании на групповых выставках, проходивших в выставочных залах, большинство произведений разных художников выглядели так, как будто бы были выполнены одним автором.

Как раз в это время начали активно работать и выставляться такие выдающиеся художники, как Андрей Мильников, Евсей Моисеенко и Михаил Анникушин. Их произведения вырывались за рамки соцреализма и стали пользоваться большой популярностью, причем придраться к ним ни с точки зрения формы, ни с точки зрения содержания было

Мои однопольчане
Гипс, 100×130×50, 1969 г.

Памяти всех павших
Бронза, гранит, 2,6 м, 2003 г.
Деревня Солгубовка, Ленинградской области

Портрет старого ленинградца М. Д. Гузикова
1978 г. Холст, масло. 120×100.

Дирекция выставок. Ленинградской организации художественного фонда

Ленинградские метрополитеновки
1972 г. Холст, масло. 105×115.

Дирекция выставок. Ленинградской организации художественного фонда

невозможно. Это были произведения высшего уровня реалистического искусства. Решающую роль в их успехе, конечно же, сыграл громадный талант авторов, безупречный вкус и школа, которую они получали, обучаясь у прекрасных профессоров, изгнанных из института во время борьбы за соцреализм.

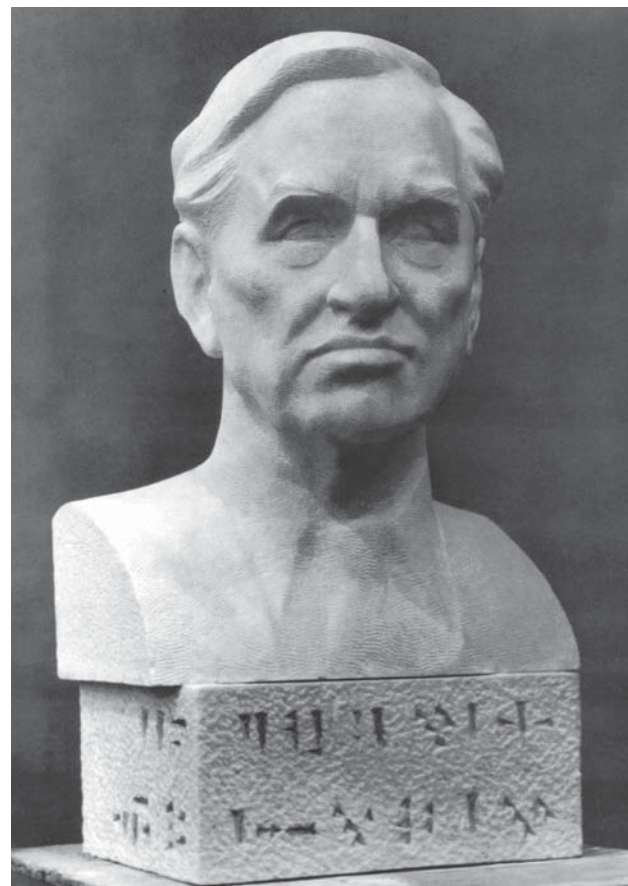
К этому же поколению по времени принадлежит и Семен Ротницкий, талантливый художник-реалист. Наверное, Ротницкий был художником меньшего масштаба, чем Моисеенко и Мильников, но его произведения, представленные на выставках, так же привлекали особое внимание зрителей. Его портреты отличались от произведений других художников, висевших рядом, не только яркой характеристикой, трактовкой деталей, но и раскрытием образа человека, которого он портретировал.

У Ротницкого были прекрасные пейзажи, интересные композиции, хорошие рисунки. Но мне он запомнился как блестящий портретист, создавший целую галерею превосходных реалистических портретов, таких как «Портрет старого ленинградца М. Д. Гузикова», «Портрет художника В. А. Баженова» (см. стр. 71), «Ленинградские метрополитеновки» — работы очень выразительные и запоминающиеся... Ротницкий, благодаря своему таланту, остался в нашей памяти как художник, обладающий помимо мастерства еще и ярким, своеобразным живописным языком...

Ротницкий-портретист близок мне еще и потому, что я с послевоенных лет тоже увлекся портретом. Я люблю лепить портреты. За свою жизнь я вылепил их более шестисот... Я люблю работать над портретами моих друзей, видел их в разных состояниях, знаю наиболее типичные черты характера, движения, привычки... Когда лепишь портрет хорошо знакомого тебе человека, можно полностью сосредоточиться над работой, поставить с самого начала ясную задачу и представить себе, хотя бы приблизительно, конечный результат...

К тому же каждый из портретируемых мною был по-своему интересен, своеобразен и исключителен. Я надеюсь, что кроме внешнего сходства, некоторые из этих портретов, а вернее этюдов с натуры, несут в себе определенные черты характера, а в идеале должны были бы выражать всю суть, весь образный строй человека.

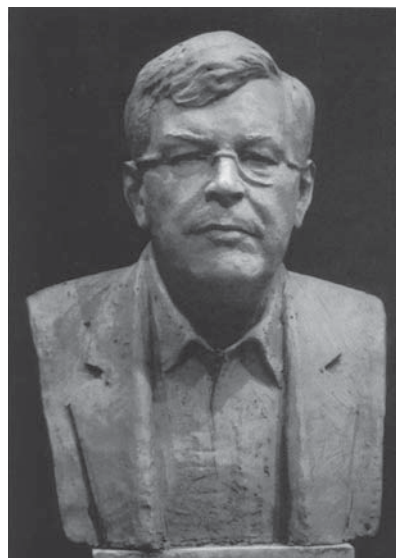
Интересно заметить, что за последние годы в большинстве западных стран скульптурный портрет как жанр, которому присущи определенные и необходимые качества — образность, выразительность, острота характеристики портретируемого и, наконец, попросту сходство, почти совсем исчез с выставок и музейных экспозиций современного искусства. А между тем именно портрет — наиболее стабильный жанр изобразительного искусства, присущий всем эпохам, начиная от Древнего Египта — до последнего времени...

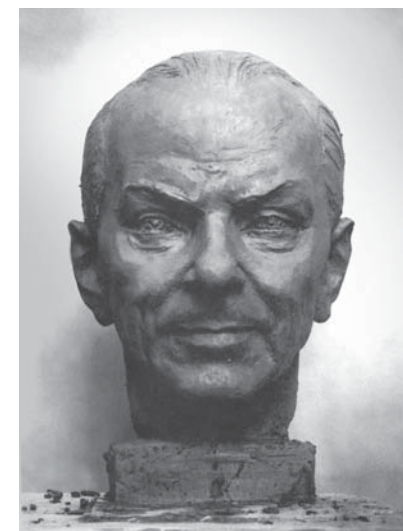
**Пиотровский
Борис Борисович
(1908–1990), археолог,
директор Эрмитажа.**
1988 г. Мрамор.
Портрет.
1,25 натуральной
величины.
Музей истории города

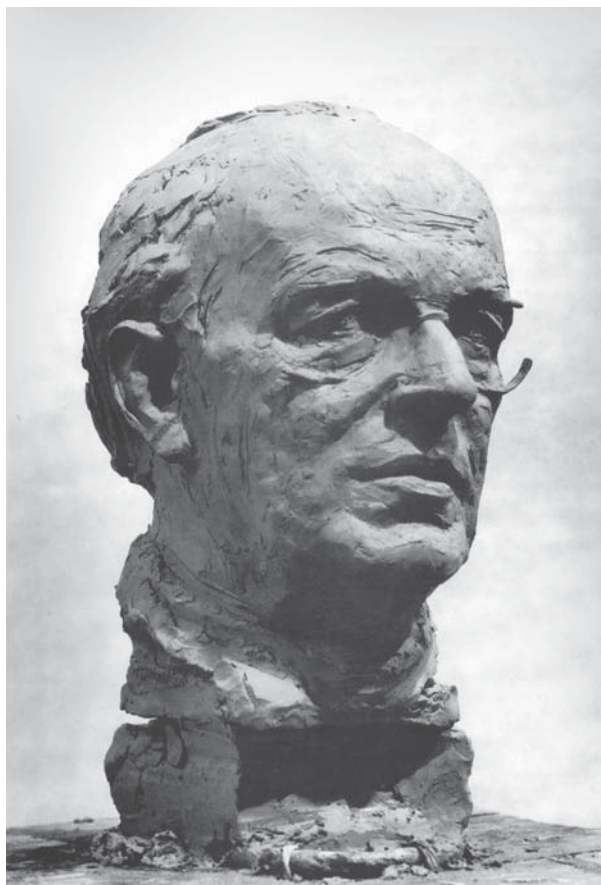
*Темирянов
Юрий Хатуевич,
дирижер, Народный
артист СССР
1982 г. Бронза.
Портрет.
1,25 натуральной
величины.
Театральный музей
Санкт-Петербурга.*

*Петров Андрей Павлович (1930–2006),
композитор, Народный артист СССР
2015 г. Гипс. Портрет*

*Акимов Николай Павлович (1901–1968),
режиссер, художник, Народный артист СССР,
главный режиссер театра Комедии
2001 г. Бронза. Портрет.
Театральный музей Санкт-Петербурга.*

Толстой Никита Алексеевич.
(1917–1994), доктор
физико-математических наук
1992 г. Бронза. Портрет.
Больше натуральной величины.
Музей истории города

За пять десятилетий творческой работы мне удалось установить большое количество памятников в России, в Германии и в бывших республиках Советского Союза. Многие из них посвящены Великой Отечественной войне. Среди них — мемориал старинной крепости «Орешек», расположенной на острове в устье Невы. Крепость эта с гарнизоном из трехсот человек сопротивлялась фашистам 500 дней и так и не была захвачена...

Тема войны проходит через все мои работы. Так или иначе я возвращаюсь к ней, либо работая над памятниками, посвященными войне, либо над композициями для выставок.

Фрагмент монумента
«Защитникам крепости Орешек»
1986 г. Бронза, металл, бетон. Монумент.
Со скульптором А. Д. Демой
и художником-архитектором
И. Д. Билибиньны

Я думаю, это естественно, потому что война — одно из самых сильных и тяжелых воспоминаний в моей жизни. Я всегда считал себя в долгу у тех, кто погиб во время этой войны и благодаря кому я остался жив...

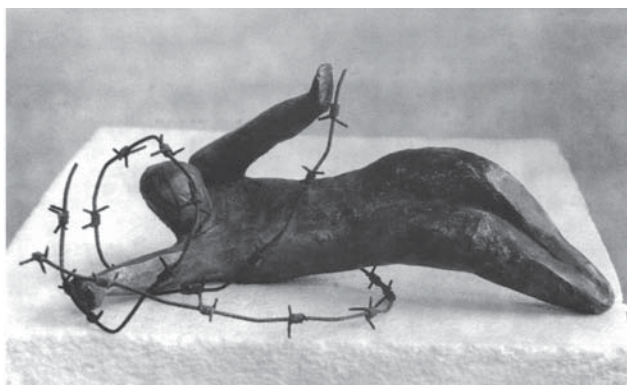
Трагические события, в которые была ввергнута наша страна в двадцатом веке, послужила темой для моей трехчастной композиции, которую я назвал «Ad Memoriam» (к памяти).

Мне казалось, что эти три даты — начало наиболее драматических событий, которые пришлось пережить нашей стране в XX веке.

Я не думаю, что надо как-то подробно разъяснять, что мне хотелось выразить в этих композициях. Даты сами говорят за себя.

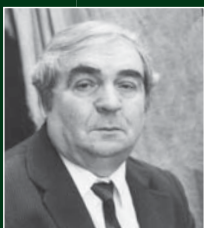
Ad Memoriam.
Четырнадцатый год
1996 г. Металл, бронза.
25×38×27
Государственный Русский музей

Ad Memoriam.
Год тридцать седьмой
1995 г. Бронза.
45×45×52
Установлен в синагоге
в Гревенбройхе в Германии

→
Ad Memoriam.
Год сорок первый
1995 г. Бронза, металл.
45×45×40
Государственный Русский
Музей

Варичев
Иван Михайлович,
живописец,
Народный художник России

ПОМНЮ ЕГО ФРОНТОВЫЕ РИСУНКИ ...

Бывший фронтовик, я всегда завидую ветеранам-художникам, у которых сохранились рисунки военных лет... Мне не довелось рисовать на фронте — в пехоте не до рисунков!.. Хоть и мечтал стать художником...

Я — ленинградец. В Отечественную войну служил в 30-м Гвардейском корпусе. Командующий был у нас генерал Симоняк. Участвовал я в прорыве блокады и в снятии ее... Помню хорошо Воронью гору, целый корпус брал ее, штурмуя со всех сторон... Воронья гора — это точка, откуда немцы обстреливали Ленинград. И с Вороньей горы виден был весь город... Помню, уже после войны, как-то поехал туда. Денек был солнечный. Так простым глазом Исаакиевский собор был виден. Поэтому немцы били прицельно, по городу и гибло очень много людей...

И помню, когда разработали план о снятии блокады, то там участвовала не только 30-й Гвардейский корпус, но армии. Там была и 42-я ударная... Так вот, жертвы были большущие, потому что за три года немец хорошо окопался, считая, что создал неприступный вал...

И, когда после тяжелейших боев взяли мы Воронью гору, я помню пушки, которые обстреливали Ленинград. Установки их были забетонированы, и к казенникам пушек были подведены канаты и взрывчатка, чтобы при необходимости выводить их из строя. Но им это не удалось, потому что уже не до этого было фрицам... Мы все-таки выбили их с Вороньей горы!.. Наш генерал Симоняк был крепкий генерал, под начало его входили три дивизии — 63-я, 64-я и 45-я. Мне пришлось повоевать в 63-й и 64-й... Потери в боях за Воронью гору были колоссальные, никуда не денешься. Но укрепленный рубеж противника мы сломали...

После Вороньей горы наша армия воевала в Прибалтике против Курляндской группировки фашистов. Это были последние бои, но очень тяжелые. А почему? Фрицы уже начали отступать, но сопротивлялись изо всех сил... Много было среди них власовцев, которые воевали против нас... Эта власовская армия называлась РОА, т. е. Русская Освободительная Армия. Потом, когда кончилось все, пришла Победа — меня отправили на Дальний Восток.

Помню, посадили в эшелоны и везут, везут... Урал пересекаем, дальше, дальше... И, помню, мы прибыли на Дальний Восток... Началась война с Японией. Эта война была покороче по продолжительности, конечно. И демобилизовался я уже с Дальнего Востока, отслужив в армии пять лет... Так прошли самые лучшие годы моей молодости.

У меня сохранились фотографии. На одной — у меня на груди три медали «За отвагу». Потом проходит время и вдруг, за подписью генерала, получаю я самую первую мою награду — орден Славы 3-й степени. Это за Воронью гору... Как говорят, лучше позже, чем никогда!..

В настоящее время ношу медали «За отвагу», орден Славы, медали «За победу над Германией», «Над Японией», «За оборону Ленинграда»... Это, я считаю, самые престижные награды...

Конечно, ранен был я в боях. Одно ранение — это прострелен был правый бок. Оперировали прямо на фронте. Врач сказал, посмотрев: «Счастливый ты человек, пуля удачно прошла, жить будешь!» Выжила я. И две войны прошел. И художником стал.

Многих художников наших знал я. И в Старой Ладоге работали вместе, и на выставках встречались. Одной жизнью жили. Как-то иду по выставке, вдруг вижу — фронтовые рисунки. Я посмотрел, думаю: «Ого! Солдано! Крепко!» Оказывается, это были рисунки Семена Ароновича Ротницкого.

И. М. Варичев
Май 1945 г. Фото

С. А. Ротницкий «Боевые друзья»
1941 г. Бумага, карандаш. 20,5×14,5

С. А. Ротницкий
«Красноармеец Прокófев»
1944 г. Бумага, карандаш. 43,6×31,5

С. А. Ротницкий «Озон»
1941 г. Бумага, карандаш. 29,0×21,2

С. А. Ротницкий «Под Ригой»
1944 г. Бумага, карандаш. 18,9×25,8

С. А. Ротницкий
«Под Псковом. Фронтóвая кухня»
1944 г. Бумага, карандаш. 15,0×22,5

С. А. Ротницкий
«Оперуполномоченный полка
старший лейтенант Рылов»
1944 г. Бумага, карандаш. 24,4×16,9

С. А. Ротницкий
«Кузьма Конопович Карасев»
1941 г. Бумага, карандаш. 27,9×20,2

Вот, думаю — работяга сильнейший!. Я тогда была не знаком с ним, но рисунки и фамилию запомнил — Ротницкий. А потом у нас дружба завязалась. Открывается выставка какая-нибудь, то ли он позвонит, то ли я — «Давай встретимся». Встретимся, поговорим. Семен Аронович был тоже фронтовик и много о войне говорил и писал. У него — большая картина «Псковичи» — псковские партизаны. Но, кроме огромной картины — у него портреты. Он мастер портрета. Мастер характер уловить портретируемого, т. е. солидный художник, работяга — я бы сказал. Причем, он портрет писал не так, что «Ах, надо! Нужный человек!» А того рисовал и писал, который ему был интересен...

Видите ли — я люблю пейзаж, потому что в пейзаже — ничего нет подставного, хитрого, все просто. Увидел — ох, как здорово, красиво! И начинаю

работать... Люблю очень деревенские мотивы. Простые, незаметные, но так за душу берущие! Я в деревне родился и с детства люблю ее...

Много лет проработал я в Старой Ладоге. Там такой ландшафт! Такие просторы, река Волхов... Ведь пейзаж — надо увидеть, почувствовать...

Старая Ладога — это очень интересное место. Во-первых, там холмы над Волховом — древние курганы. Потом — старая крепость. Церковь Святого Георгия, это же 12 век! Там извозы, торговля шла... И, помню, посмотрел с одной стороны берега Волхова на другую — все так же, как было — и по сие время!..

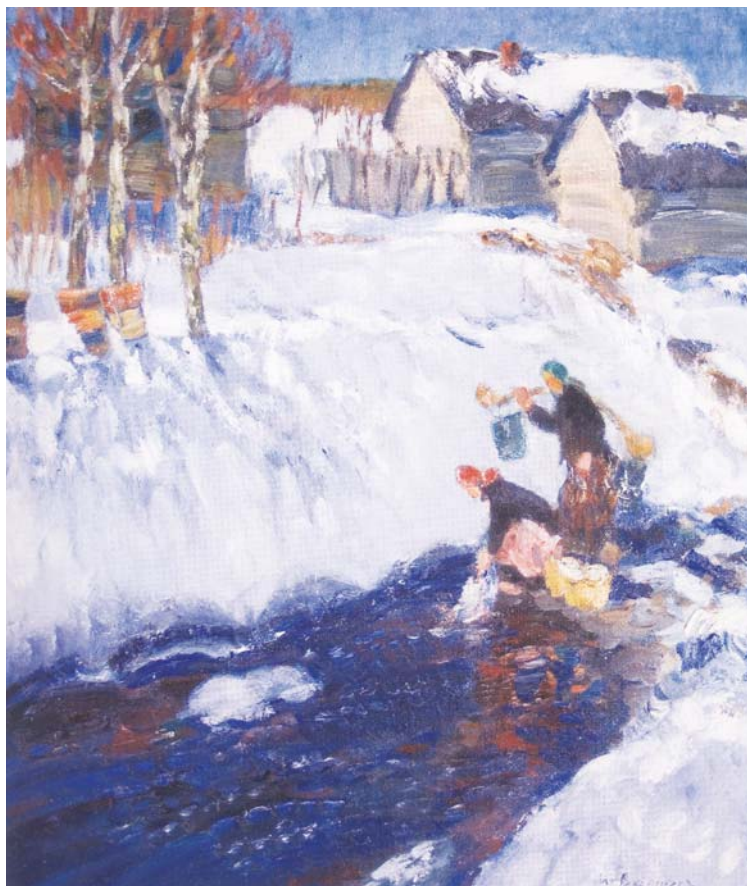
Я любил рисовать зиму. Зима в Старой Ладоге ядреная, крутая... Я помню, там аллея была, стою... Мороз! Все в инее, такая красотища, что не придумаешь, только это увидеть надо. И любить надо...

Пейзажи кисти И. В. Варичева:

У переправы
2001 г. Холст, масло, 50x60

Осень в Застенье
2002 г. Оралит, масло, 60,5x70,5

На Ахматовой горе
2002 г. Холст, масло.
60x50

Ветреный день
1997 г. Холст, масло. 60x80

Николаев
Борис Павлович,
живописец,
Заслуженный художник России

МНЕ ОЧЕНЬ ПРАВИЛИСЬ ЕГО РАБОТЫ

Когда началась война в 1941 году, мне было шестнадцать лет. Я окончила девятый класс... Войны, конечно, никто не ждал. У каждого были свои планы. Я собирался поехать в экспедицию... Но начавшаяся война все изменила. А в сентябре — замкнулось кольцо блокады Ленинграда.

В блокаду наша семья (нас было четверо — отец с мамой и сестра) хлебнула горя, как говорится, полной чашей... Уже в холодную зиму сорок первого — сорок второго от голода, истощения мы уже почти не могли двигаться. И нас летом сорок второго, как дрова, грузили, когда мы эвакуировались из города. Уехать раньше мы не могли: отца, работавшего главным бухгалтером на фабрике, не отпустили... Эвакуировались мы в Сибирь, в Алтайский край. Какое-то время там жили, и там меня призвали в армию. Сначала — в запасной полк, потом — на фронт. Воевать я начал, непосредственно на фронте, в 43-м году. От Киева, Киев уже был взят нами, до Праги мы прошли с боями... Это длилось примерно около двух лет. Все время в боях. Ранен не был, контужен не был — повезло.

Надо сказать, что мне досталось вдвойне на этой войне, потому что после блокады я был очень физически слабый. Голод съел все мышцы, и, в общем, на фронт я попал, можно сказать, полунвалидом. Я не мог, например, побежать бегом, не мог лом поднять от земли. Такой был слабый. Поэтому досталось вдвойне... Я был минометчиком, рядовым солдатом-минометчиком.

Когда я шел по дорогам войны, насквозь промокший и промерзший, по колено утопая в жидкой грязи, шел по черной, изрытой, искореженной земле без конца и края, шел бесконечно долгие месяцы и годы, каждую минуту ожидая смерти, среди черных от грязи, изможденных, отупевших от войны солдат, — вот тогда в мечтах и грезах всплывали образы детства и города... Нет, не черный блокадный Ленинград, медленно умирающий от голода и холода, вшей, грязи, обстрелов, бомбежек, но — мирный Петербург... Мокрые серебряные сумерки; теплые золотые огни, тающие в тумане, распространяющие фантастические сияния; жемчужные лица таинственных незнакомок... И я иду по Невскому проспекту неторопливо

и праздно, и смерть не витает над головой... Это — как мечта... Но — рисовать на фронте, конечно, и подумать было нечего, настолько не до того было... Только после войны я начал немножко рисовать. Мне после окончания войны пришлось еще три года служить, потому что я был самый молодой...

Но после демобилизации я сразу стал учиться. Кончил Училище художественное — 5 лет, потом — Академию — 6 лет... Ну, и потом всю жизнь учился... И долго не хотелось вспоминать про войну... Первую военную картину «Дороги войны» я написал в 1964 году... Потом были созданы еще несколько картин — картины-воспоминания все о тех же дорогах войны...

В начале 1960-х я познакомился с художником, тоже фронтовиком, Семеном Ароновичем Ротницким. Он вернулся тогда из Казани, где после окончания Академии художеств много лет преподавал в художественном училище. Мы не были с ним близкими друзьями. Во-первых, он старше был меня на десять лет и был для меня человеком как бы

Б. П. Николаев,
1946 г. Фото.

Б. П. Николаев
у картины
«Дороги войны».
1962 г. Фото.

Дороги войны
1964 г. Холст, масло. 175×400

другого поколения. Но мне очень нравились его работы. Его военные портреты. Они очень правдиво передают то время. Самой сильной стороной его искусства был портрет. И даже его картина «Псковичи» — о псковских партизанах — по сути, тоже групповой портрет... Мы друг друга не только уважали, у нас были теплые отношения. Ему нравились мои картины, мне нравились его картины. И, в общем, — была у нас общая судьба. Хотя мы воевали на разных участках фронта, но прошли примерно одинаковый путь. Я был минометчиком. Он был разведчиком... В мирное время — он был художником, в основном портретистом, а я писал очень мало портретов, хотя, в общем, они получались у меня. Заказных портретов вообще никогда не писал. Писал только близких людей. У него же много портретов. Чем отличаются его портреты? Во-первых, — мастерством. Мастерством отличаются. И, я бы

сказал, тяготением к классике. Очень они живописные, мощно написанные. Прекрасно нарисованные. В последнее время многие увлекаются фокусничаньем всяким, а так, чтобы кто-то рисовал, по-настоящему — сейчас довольно мало художников. А между тем это очень трудно и очень важно. И поэтому эти портреты дороги людям и интересны. У него много военных портретов, портретов художников, знакомых... Они выделялись на выставках. Выделялись мастерством. Говорили, что у него много интересных рисунков военной поры, но рисунки его я не видел. Я видел портреты на выставках, которые он выставляла. Но рисовальщик он был очень грамотный. Очень точный... Известно, что он был и педагог хороший. Преподавал в Казани, в Мухоминском училище у нас... Но тогда я этого не знал, и мы с ним не говорили об этом. Наверно, он был хороший педагог, потому что сам — мастер.

Я вспоминаю его картину «Псковичи». Хорошая картина. Хорошая, серьезная вещь. Передает время, прекрасно нарисована... В военных картинах мне больше всего хочется передать подлинность, как-будто зритель там находится, в этой гуще... И никаких новаций, фокусничанья! Передать саму атмосферу вот этой грязи, этой тяжести... И в то же время оптимизма солдат, мужества... И, в общем, героизма. Героизм был, как говорится, каждый день, с утра до вечера. Все время под обстрелами, бомбами... А, скажем, какие-то вещи, цветы, например, я очень люблю писать. В них мне хочется передать их воздушность, легкость какую-то... К сожалению, сейчас в искусстве царит фокусничанье, бездушие... Русский музей покупает вообще вещи неудобоваримые. Такие, что смотреть не на что. Реалистическое искусство Русский музей, по-моему, принципиально не покупает. Как бы устаревшее, никому не нужное. Важно, чтобы новации какие-то были... Например, с аукциона не так давно был продан унитаз. Называется «Фонтан». За какие-то миллионы долларов! Слава богу, что мы еще сохраняем реалистическую школу нашу. Она выделяется в мире. Выделяется, как наш балет.

Мне довелось кое-где бывать за границей. Там очень слабое искусство. Очень слабое сегодняшнее. Просто смотреть не на что. Конечно, наша школа выше... Не все нравится в ней, не так много в ней талантливых ребят, но вот школа — она школа. И учителя достойные еще есть... И одним из них был Семен Аронович Ротницкий. Правда, я с ним, как говорится, в близких отношениях не был. Но он человек скромный и большой мастер. Никуда не лез, а делал хорошие вещи. Это приятно. Вспоминаю о нем, в общем, очень тепло. Некоторые его осуждают, что отдал свои лучшие работы Америке, а по мне, они — все равно у людей. Ведь у него, наверно, не все уехало, что-то здесь осталось. У меня тоже много работ разошлось по свету — и здесь, и за границей, и везде... Я написал полторы тысячи картин, и из них примерно 90% не знаю где! И думаю, что картины там живут своей жизнью. Какие-то выкинут за ненадобностью, какие-то, может быть, наоборот, в музей поместят... Есть, правда, такие ребята, которое сами, при жизни, пытаются куда-то пристроить, устроить свои картины, но я никогда этим не занимался... Раньше была у нас такая система — гарантированная оплата труда. Люди привозили заказы, художник получал задание на какую-то картину. Писал картину, получал деньги. И куда картина девалась — неизвестно... У меня, правда, наверно, около десятка картин потом нашлись. Оказались в некоторых музеях, и у нас, и за рубежом... Все это по линии Министерства культуры распределялось...

Ну, а сегодня — что делать?! Ушли картины в мир — пусть живут сами по себе, ведь ушли — к людям!..

Осенние рабаны
1999 г. Холст, масло. 65×80

Прифронтовая полоса
1988 г. Холст, масло. 84х175

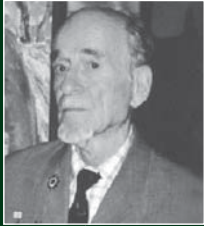
Весна 1945-го
1978 г. Холст, масло. 150х180

Ночь над Невой
1985 г. Холст, масло. 68×98

Осенние дожди
1997 г. Холст, масло. 34×45,5

Эпштейн
Соломон Борисович,
живописец

«СОБЛАЗНЯТЬ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ...»

Задача искусства — соблазнять жить дальше... Эти слова когда-то давно я где-то прочел, но запомнил их на всю жизнь. Я даже не знаю, кому принадлежат они... Но мысль очень, по-моему, точная. И особенно она применима к тем, кто воевал, кто знает, что такое война, кто на фронте, в минуты краткого затишья, мог брать в руки карандаш и рисовать лица бойцов, с кем рядом сражался, ежеминутно был под пулями, бомбами и снарядами... И эти рисунки, обращенные к человеку, возвращали к мысли о жизни, о доме, они «соблазняли жить дальше»...

Мысли эти пришли мне в голову, когда на одной из послевоенных выставок ленинградского Союза художников я увидел рисунки Семена Ротницкого. С художником этим я был хорошо знаком. Видел написанные им портреты, знал, что он хороший художник... Для меня он был старшим, опытным мастером, которому я мог только завидовать! Он действительно обладал большим опытом и талантом. Его живописная манера несколько напоминала мне репинскую — он так же широко и размашисто писал. И сочно очень... Он был портретист и я — портретист,

но мы с ним не были соперниками в этой области. У нас было разное отношение к искусству портрета... Он очень увлекался внешним сходством и характерностью, а для меня всегда было интересно углубление в суть личности, и я всегда очень мучился с этим делом!...

Но сблизила нас война и отношение к искусству... Он был старше меня и на фронт ушел добровольцем в первые дни войны, а я тогда был еще мальчишка, перешел в девятый класс... Страшное дело — война! Сколько живу — не могу забыть пережитое!... Для меня война началась в пути. Дело в том, что 21 июня сорок первого года мы с мамой садились в поезд «Ленинград — Ессентуки». Это была первая наша поездка на отдых на юг. И уже в пути, вблизи Ростова-на-Дону, нам сообщили, что началась война... И уже от Ростова-на-Дону до Ессентуков мы добирались кое-как — с остановками, с задержками. И, приехав туда, сразу заказали обратные билеты. Достались нам билеты только на 18 июля... И обратно мы ехали, буквально на перекадных, с пересадками, остановками, в объезд Москвы... Где-то пешком шли, где-то на попутках...

Наконец, приехали в Ленинград и радовались, что вернулись домой... И конечно, мы не могли предвидеть, что этот «дом» будет нам блокада!...

В сентябре, как всегда, я пошел в школу, в девятый класс... Из старших классников был создан противопожарный отряд — мы дежурили на крыше. Тушили зажигалки — сбрасывали их с крыши или макали в песок или воду... Началась зима, лютые морозы, бомбежки, обстрелы, голод... Не стало электричества, замерзли трубы с водой... Это было самое тяжелое время. И к марту 1942 года мы (наша семья) были уже дистрофиками... Поне удалось присоединиться к какому-то учреждению, и нас эвакуировали через Ладогу. Был март, лед таял, машины шли в воде по ступеньку водительского кузова... На берегу Ладоги нас усадили в фанерный короб — кузов полуторки, закрыли двери на засалку... Шофер же ехал с открытой дверцей, чтобы в случае чего — мог выскочить... А мы — закрыты были!

Приехали в Кобону. Казалось бы, слава богу!.. Но нас, изголодавшихся дистрофиков, накормили жирным обедом и... из набитого битком вагона, в который нас погрузили, чтобы вести дальше, живыми остались двенадцать человек!... Я до сих пор помню ту гречневую кашу с сосиской, которую я ела на второе, а на первое были кислые щи со свиной... В Ярославле, куда нас привезли, в госпиталь нас доставляли уже на носилках!.. Когда мы ожили, через месяц, нас повезли дальше, на Ставрополье... Но здесь уже приближалась фашистская армия, и мы — на повозках, на лошадях, через ногайские степи, бежали к Каспию, уже как придется! Потом был Кизляр, а дальше — Кустанайская область. Там нас поселили в маленьком кишлаке. И там я поступил в десятый класс и сумел призыва в армию получить аттестат...

В сорок третьем году меня мобилизовали и отправили в Тюмень — в Военно-пехотное училище, а через десять месяцев — на фронт... В пятую мотострелковую бригаду — ручным пулеметчиком... Боевое крещение мое было на Невельском направлении — есть такой в Белоруссии город Невель. Он недалеко от моей родины — Витебска... Это был ноябрь месяц — дожди, бездорожье, холод... Бои шли за белорусский город Гордоч... У нас тогда огромные были потери, и нас отвели на переформировку... И вот тогда я сделал первый свой рисунок — автопортрет и отослал его маме... Потом наша мотострелковая бригада воевала в Прибалтике... Тяжелые были бои, когда форсировали реку Дрисса — между Западной Двиной и железнодорожной станцией Дрисса... Как раз этот момент я изобразил в своей единственной картине о войне, которую писал по договору в послевоенном Ленинграде...

В тех боях я потерял своего друга, Звали его Лера. Он был москвич, мы вместе были в эвакуации и вместе кончали десятый класс. Он был командиром отделения... В том бою лежал он справа от меня со своим пулеметом... Он поднял голову, что-то крича мне, и в него прямым

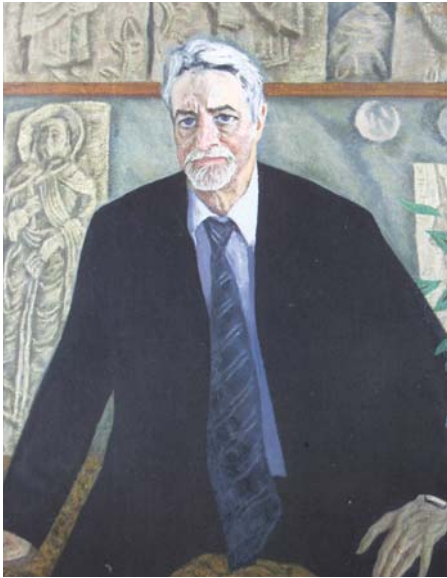
Воздушная тревога. Ленинградцы тушат зажигалки на крышах.
Зима 1942 г. Фото

Зенитки у Исаакиевского собора.
1941 г. Фото

Грузовики на Ладоге. «Дорога жизни».
Весна 1942 г. Фото

С. Б. Эйтсей
Архитектор Ю. П. Гидовский
2007 г. Холст, масло. 131×103

попаданием угодил снаряд... Я и сейчас слышу его крик... Так что возвращаться в те дни — сил нет!. В том бою и меня ранило... Я попал в госпиталь и там, идя на поправку, стал рисовать своих соплатников, а они отправляли эти рисунки родным... Как-то некая пожилая дама, которая приходила в госпиталь, увидела меня рисующим и захотела, чтоб я ее тоже нарисовал... Оказалось, что это жена командующего 4-й ударной армией, с которой мы соседствовали... Когда меня подлечили, командующий взял меня к себе. В охрану... И в охране я тоже был ручным пулеметчиком. И таскала и ручную пулемет, и автомат. Я до сих пор изумляюсь — как я, хилый мальчишка, бегал со всем этим и управлялся!..

Меня, как бывшего фронтовика, иногда спрашивают: «Как дело со страхом?» Испытывал ли я страх? Дело в том, что, когда я в блокаду был 16-летним мальчишкой, под бомбежками и обстрелами, я страха почти не испытывал, потому что для подростка страха нет. Он еще не знает цену жизни и никакого смысла жизни. Подростки потому и бесстрашны... Об этом «бесстрашии» мы как-то говорили с Семеном Ротницким, и он согласился со мной... Он воевал на Ленинградском фронте и бывал в блокадном городе. На передовой, в Рыбцаком, был у них наблюдательный пункт.

Семен Ротницкий был очаровательный человек. Очень добрый, очень открытый и контактный. И меня он тоже, по-моему, ценил. И очень горько было, когда он ушел из жизни... Он до конца дней был активный и интересный художник. Его большую картину «Псковичи» — псковские партизаны — купил американец и когда привез ее к себе, то для нее он специально поднимал потолки в своей галерее.

Я помню его портреты. Они всегда яркие, всегда очень энергичные... И вот эта энергия мазка всегда впечатляет. Но иногда мне не хватает у него психологической введливости... Я сам мучаюсь с портретами всю жизнь. Радуюсь, мучаясь!.. Я считаю, что ничего прекрасней человеческого лица Боженька не придумал! Семен Ротницкий тоже любил человеческое лицо, потому и всем жанрам в живописи — предпочитал портрет... Кстати, много хороших портретов увезли у него американцы. Это плохо, что они ушли из России, но они сохранятся... Их будут хранить, потому что за них заплачены деньги, хотя бы поэтому!..

Не могу не вспомнить еще раз — рисунки Семена. И должен сказать, что в нашем Союзе художников я не могу назвать рисовальщиков, равных ему!.. Рисовальщик он был изумительный. Рядом с ним я вспоминаю разве что Галеркина. Прекрасный был рисовальщик тоже! Это — особое дарование. Так, как Семен владел карандашом... мало кто мог...

Да, война, невзирая на разницу в возрасте — соединила нас, сначала — в солдатской доле, потом — в искусстве. И наверное, для того, чтобы «соблазнить жить дальше»!..

С. Б. Эйтсей
Автопортрет с семьей
1978 г. Холст, масло. 200×252

С. Б. Эшитей
В. В. Меркуриев. Проба на роль Рембрандта
2007 г. Холст, масло. 86,5х69,5

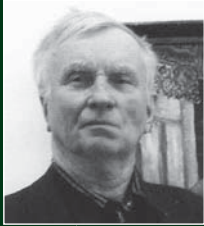
С. Б. Эшитей
Осень в Павловске
2009 г. Холст, масло. 50х80

С. Б. Эштейн
Лето
2009 г. Холст, масло. 112×123

С. Б. Эштейн
Автопортрет. В мастерской холодно, а мне под девиностью
2014 г. Холст, масло. 103×82,5

Бучкин
Дмитрий Петрович,
живописец,
Заслуженный художник России,
житель блокадного Ленинграда

«Я ЗНАЛ ЕГО ДО ВОЙНЫ...»

С вежа у меня в памяти блокада от начала и до конца — голодная, холодная, с бесконечными обстрелами и бомбежками... С наступлением морозов исчезло отопление, замерз водопровод. Приходилось добывать воду, выкупать хлеб, норма которого все уменьшалась. Все, что горело, шло в топливо. Мы с отцом соорудили печурку, окна закрыли матрацами...

В основном люди старались друг другу помочь, делились последним. Самое ценное в жизни перестало быть ценным. Ценилось только то, что можно положить в рот. Хлеб засонил все. Жильцам приходилось самим спасать свой дом от зажигательных бомб. А кто на крыше во время тревоги? — Мальчишки и девочки. И никто нас туда не гнал, мы все были в одной команде противовоздушной обороны.

Мне вспоминается блокада, как одна сплошная черная ночь. Люди изголодались и промерзли на несколько жизней, и потери были неисчислимыми...

Блокадные рисунки
Димы Бучкина

Семья Бучкиных пережила блокаду. После войны Дмитрий Бучкин стал художником. И первым его учителем был его отец — Петр Дмитриевич Бучкин — известный советский художник. До войны он преподавал в Академии художеств. У него было много учеников и среди них — Смен Ротницкий.

Д. П. Бучкин
За водой. 1941 г.
1972 г. Холст, масло. 50x70

С Семеном Ароновичем Ротницким я познакомился еще до войны. Мой отец в те годы преподавал в Академии, и вот однажды студенты академии и отец поехали на практику в Мордовию. Группа была большая — все молодые, талантливые. Отец предложил писать мордочек в национальных костюмах. Они позировали студентам. Семен Аронович мне тогда очень понравился своей работоспособностью и великолепными работами. Мой отец его отмечал как одного из талантливых студентов. Эта поездка была перед самой войной...

Началась война, и все студенты оказались на фронте. Семен Ротницкий ушел на фронт добровольцем. Воевал он на Ленинградском фронте, в Прибалтике. Отмечен многими военными наградами.

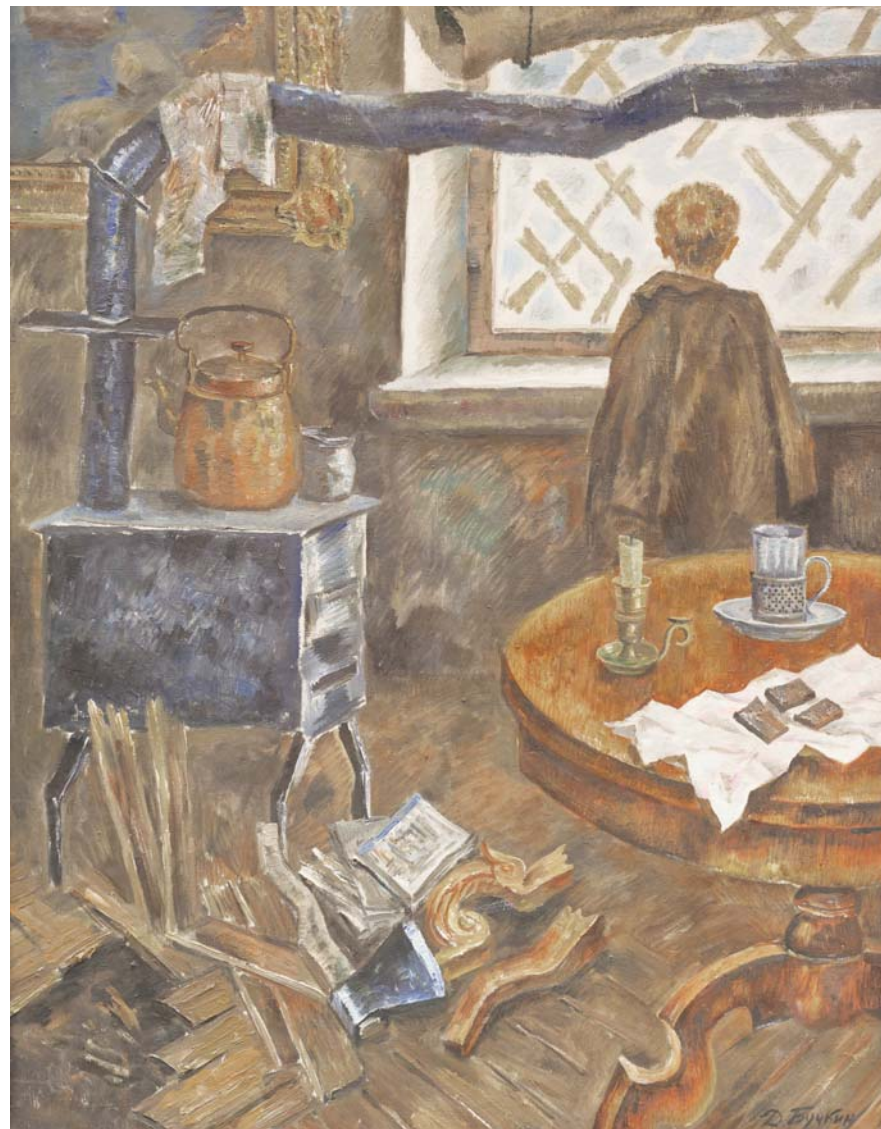
В сорок восьмом году Семен Аронович закончил прерванную войной учебу в Академии художеств. Диапазон его творчества очень широк, но любимым жанром у него был портрет. Им создано много портретов наших современников. И среди них — портрет моего отца — Петра Дмитриевича Бучкина. Он изобразил его в шубе, в меховой шапке, с длинной седой бородой. И говорил, что отец величавым видом своим напоминает ему Мономаха... Великолепен портрет художника В. А. Баженова...

Семен Аронович много лет преподавал в художественном училище имени Мухомовой. Студентам он всегда говорил: «Если искусство перестанет питаться пищей своих отцов — оно погибнет... Искусство только то хорошо, которое помогает людям жить и кормит их здоровой пищей, а не гнилятиной... Человек живет в реальном мире и хочет видеть свою родину не в квадратах и в кляксах!...»

Будучи членом Союза художников, я очень часто виделся с ним и на собраниях, и на выставках... Было время, когда в Союз хотелось приходить, чтобы встречаться с интересными людьми.

Вспоминая прожитые годы, думаешь, проходя мимо Союза: а ведь когда-то здесь кипела жизнь, был свой кинозал, ресторан, устраивались веселые капустники. Была бильярдная, играли в шахматы, посещали студию живописи и рисунка. А как бурно обсуждались выставки! В Союз стремились зайти, и как можно чаще. Бывали здесь встречи с интересными людьми...

С приходом демократизации и «прихвизации» распродали лучшие помещения. Чтобы сделать выставку в доме, принадлежащем художникам, — плати! Плати за воздух, без которого не мыслится жизнь художника...

Д. П. Бучкин
Остался один.
1960 г.
Холст, масло.
68x90

А. П. Бучкин
Солнечный Невский.
1960 г. Холст, масло. 75x100

←
А. П. Бучкин
Город крепость.
1961 г. Холст, масло. 70x96

Гришутин
Михаил Михайлович,
ветеран Вооруженных сил,
полковник в отставке

ХУДОЖНИК СЕМЕН РОТНИЦКИЙ

Я познакомился с Семеном Ароновичем Ротницким 20 октября 1991 года, будучи тогда начальником 43-й кафедры Военной инженерно-космической Академии им. А. Ф. Можайского, на его персональной выставке в Ленинградском Союзе художников, приуроченной к 75-летию художника и 50-летию его творческой деятельности. С тех пор прошло уже около четверти века, но увиденные там работы до сих пор стоят перед глазами.

На выставке были представлены работы различных жанров: от фронтовой (окопной) графики, исторической живописи, пейзажа — до портрета. Все они были выполнены в почитаемых мною великих традициях реалистической школы живописи, в которых органически синтезированы лучшие достижения российской, советской и зарубежной живописи. Выставленные картины С. А. Ротницкого притягивали к себе особой духовностью, они излучали добро и свет, сочетали в себе реализм и поэтическую одухотворенность.

Большое место на выставке занимали портреты. Изображенные на них обычные и выдающиеся люди относились к различным социальным слоям

советского общества. В памяти остались портреты: академика А. А. Лебедева, композитора В. П. Соловьева-Седого, архитектора В. С. Васильковского, художников: Р. П. Куриляка, В. А. Баженова, М. Г. Козелла, ветеранов Великой Отечественной войны: историка Ю. Д. Ломана, Героя Советского Союза полковника авиации В. А. Мацневича, генерал-майора авиации В. В. Пузейкина, летчика А. А. Кукина, капитана первого ранга Р. С. Крупнова, а также рабочих и крестьян: рабочего Слынюка, рабочего совхоза «Коммунар» С. Н. Бусева, шахтера-взрывотехника В. Рузина, мастера цеха М. Н. Молоковичева, сборщика турбин Л. М. Денисова, пастуха и рыбака из Толмачева, телятницы совхоза «Коммунар» и многих других.

Все эти портреты глубоко индивидуальны, что достигается не только портретным сходством, но мастерским использованием Семеном Ароновичем позы портретируемого, ракурса, освещения, цветовой гаммы и антуража. В каждом портрете дается глубокий анализ сущностных качеств человека и времени, в котором он жил. При этом, несмотря на индивидуальность каждого портрета, в каждом из них отчетливо виден определенный

Портрет
дизайнера
Г. Г. Серебрякова
1995 г.
Холст, масло.
95x75.

Портрет
генерал-майора авиации
В. В. Пузейкина
1980 г. Холст, масло. 164х102.
Государственный музей
истории Ленинграда.

Портрет ветерана
Великой
Отечественной
войны А. Б. Явножины
1982 г. Холст, масло.
90х75.

Мастера цеха
М. Н. Молоковичев
1959 г. Холст, масло.
105x80.
Музей изобразительных
искусств г. Миннеаполис,
США

Андрей
1958 г. Холст,
масло. 80x60.
Частное собрание,
г. Фиттс, США

Псковичи. Фрагмент.
(см. картину на стр. 98–99)
1970–1990 гг. Холст, масло. 220х365.
Музей изобразительных искусств г. Спрингвилл США

уровень обобщения. Теперь, по прошествии четверти века, можно с уверенностью утверждать, что портретная живопись С. А. Ротницкого передает мысли и переживания, дух времени, отражает, в известном смысле, героические и созидательные страницы истории нашей Родины.

Мне представляется, что самым значительным произведением С. А. Ротницкого на этой выставке было монументальное полотно «Псковичи» (х., м., 220 х 365. 1970–1990), работа над которым продолжалась в течение двадцати лет и закончилась в 1990 году, а его концепция формировалась, начиная с военных лет, со времени наступления наших войск в Прибалтике.

По сути, это коллективный портрет русских, советских людей, защитивших свою Родину и Европу от фашизма. Картина изображает выходящий

из леса партизанский отряд. Фоном служат дальнее мелколесье, заснеженные поля, церквушка и дымные следы пожаров. Более тридцати партизан, составляющих головную группу отряда, изображены крупным планом, из них около двадцати человек написаны в натуральную величину. Это и расположенный в центре боец в распахнутом полушубке. Он выделяется суровым, мужественным лицом. Здесь же — старик с цигаркой, румяный паренек с автоматом, лихой чубатый всадник, молодая партизанка в сером платке, боец с самокруткой в правой части картины...

Каждый из этих портретов ценен и значителен сам по себе, а в совокупности, объединенные автором в единый сюжет, они создают многогранный образ русского народа, раскрывают русский характер, показывают

стойкость и мужество народа. Народ, проживающего на временно оккупированных территориях, который, несмотря на фашистский террор, объединившись в тылу врага, смог внести существенный вклад в разгром противника.

Находясь под сильнейшим впечатлением от увиденных работ, я подошел к Семену Ароновичу и выразил ему свое восхищение и глубокую признательность за его подвижническое, высоко патриотичное творчество. Мы разговорились. В наших взглядах оказалось много общего. В итоге эта встреча дала начало семейной дружбе, которая продолжалась вплоть до кончины этого выдающегося художника в 2004 году во время его персональной выставки в Санкт-Петербурге.

В нашей домашней библиотеке находится представляющая для нас особую ценность, изданная в 2001 году, — великолепная по помещенным в ней работам и глубокая по содержанию — книга Семена Ароновича «Сила красоты. Записки художника» с дарственной надписью: «Дорогим друзьям Мих. Мих. и Гуле Гришутиным, у которых хранится частица моей души. На долгую и добрую память. С глуб. уваж. и пожеланиями здоровья и семейного счастья. С. Ротницкий, 2 дек. 2001 г.». Мы с женой Гульнур Хайруловой и дочерью Верой, глядя на подаренную нам книгу, с большой теплотой вспоминаем годы дружбы с Семеном Ароновичем и его супругой Надеждой Степановной.

В обыденной жизни Семен Аронович и Надежда Степановна, с которой художник познакомился в блокадном Ленинграде, оказались добрыми, умными и гостеприимными людьми. Надежда Степановна проявляла о нем трогательную, постоянную заботу, создавая дома все условия для его творческой работы. Художник написал несколько портретов своей жены: «Портрет Н. С. Ротницкой» (1957 г.), «Надя» (1964 г.), «Портрет Н. С. Ротницкой в шапочке» (1967 г.) и другие. Великолепные по исполнению, они раскрывают перед нами не только внешнюю, но и душевную красоту и стойкость этой женщины.

Семен Аронович, как и его супруга, не были любителями «тусовок», но дружеские чаепития в их скромной однокомнатной квартире на улице Орджоникидзе, единственным украшением которой были картины художника — проходили в теплой, душевной обстановке. Атмосферу этих вечеров передает снимок 2000-х годов, на котором запечатлены Надежда Степановна и Семен Аронович с маленькой Верочкой Гришутинной.

Очень интересные встречи проходили в мастерской Семена Ароновича на Авиационной улице. На этих встречах бывали и ученики мастера по кафедре живописи ЛВХПУ имени В. И. Мухоминой. Среди учеников и последователей Семена Ароновича хочу выделить Татьяну Николаевну Чернову, которая, восприняв мастерство реалистической живописи

Надя
1964 г. Бумага, карандаш

За чайным столом.
Надежда Степановна и Семен Аронович Ротницкий.
Снимки — Верочка Гришутинна

Петербурженка
(Портрет Тани Черновой,
художника-дизайнера)
1999 г. Холст, масло. 110х70

педагога, выработала, по оценке действительного члена Петровской академии наук и искусств С. Н. Левандовского, «свою непринужденную, импульсивную манеру живописи, которая в то же время является достаточно строгой, лишенной малейшей приблизительности и назойливости». Работы Татьяны Николаевны широко известны как в нашей стране, так и за рубежом.

Семен Аронович был одновременно чутким и требовательным педагогом, проявляя к ученикам теплоту и заботу, как в период учебы, так и в послеузовские годы. Такое отношение выражено, в частности, в двух его портретах Т. Н. Черновой. Первый из них — «Портрет художника Т. Н. Черновой» (1995 г.), второй — «Петербурженка (Портрет Тани Черновой, художника-дизайнера)». 1999 г.). Следует с удовлетворением отметить, что Татьяна Николаевна, вместе с другими учениками Семена Ароновича, приняла активное участие в подготовке празднования 100-летия со дня рождения своего учителя.

Искусствоведы, в частности, академик А. Шалыгин, относят живопись С. А. Ротницкого к русскому академическому импрессионизму, представляющему собой направление в искусстве, в котором в единое целое объединены классическая школа реалистической живописи и открытия французских импрессионистов.

Сам Семен Аронович был не склонен заниматься столь тонкой классификацией своего творчества. Во время наших бесед и в своей книге, отдельные фрагменты рукописи которой обсуждались с друзьями, он аргументированно отстаивал великие традиции русской и советской реалистической школы живописи, глубокое понимание и любовь к которой у него сформировались во время довоенного обучения в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Академии художеств) с первого по четвертый курс (1937-1941 годы) и — послевоенного (1946-1948 годы) на четвертом и пятом курсах.

В Академии Семен Аронович учился у выдающихся педагогов: рисованию — у С. В. Присекава, М. Д. Берштейна, Л. Ф. Овсянникова; живописи — у Е. М. Чепцова, А. Е. Карева, П. Д. Бучкина, И. П. Степашкина, Б. Н. Иогансона и А. Д. Зайцева. Семен Аронович с большой теплотой и глубоким уважением вспоминал своих педагогов, заложивших фундаментальные основы художественного мастерства. Первый период обучения прервала Великая Отечественная война, на которую он ушел добровольцем Первой дивизии народного ополчения, сформированной на базе Горного института, Академии художеств и Университета.

Семен Аронович Ротницкий начал свой боевой путь на Лужских рубежах, а затем, уже в составе действующей армии — защищал Ленинград в годы блокады и освобождал города Остров, Псков, Нарву

С. А. Ротницкий «Автоматчик»
1945 г. Бумага, карандаш. 43,2х30,8

С. А. Ротницкий
«Боец Пашанов Е. И., заряжающий»
1941 г. Бумага, карандаш. 30,2х21,4

и далее — города Прибалтики. Участвуя в боевых действиях в качестве разведчика, артиллериста, артиллерийского разведчика, старшего вычислителя разведывательной батареи поема, он окончил войну в звании старшины и был награжден двумя боевыми орденами: Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, а также — многими медалями... В 1942 году, защищая в тяжелейших условиях блокадный Ленинград, он вступил в ряды ВКП (б). Замечу, что и после развала СССР он не выбросил свой партийный билет. В разговорах о войне Семен Аронович очень мало рассказывал о своем личном участии в боевых действиях, хотя следует отметить, что артиллерийских разведчиков как с нашей стороны, так и со стороны противника, находящихся на нейтральной полосе, воюющие стороны старались уничтожать в первую очередь. Но Семен Аронович очень подробно говорил о своих боевых товарищах.

Находясь в окопах, в редкие часы затишья, он рисовал портреты своих однополчан и раздарили их им, а те, в свою очередь, сердечно благодаря художника, рассказывали их своим родным и близким. Более того, как рассказывал Семен Аронович, ему удалось участвовать в выпуске окопного журнала «Залп» 9-го артполка 72-й стрелковой дивизии, для которого он делал зарисовки отличившихся в боях бойцов. Было выпущено 11 номеров этого журнала, поднимавшего боевой дух личного состава.

Семен Аронович не раз говорил мне, что является традиционалистом, причем убежденным традиционалистом, и отстаивает великие традиции реалистической школы живописи, которая близка ему по убеждениям, сформировавшимся за годы учебы в Академии художеств, во время участия в Великой Отечественной войне и в последующие годы его педагогической и творческой работы.

Лица партизан —
фрагменты картины «Псковичи»

Реалистическую живопись он обоснованно считал, если не единственным, то наилучшим направлением мировой живописи. Семен Аронович не боялся упреков в старомодности, ремесленности, в односторонности своего подхода к живописи. Напротив, он подчеркивал, что ценит в искусстве, прежде всего, глубину образного постижения человека и в творчестве своем ищет вечное, а не новое.

С позиций такого подхода сегодня, в год 100-летия со дня рождения художника, можно по-новому посмотреть на картину «Псковичи». Давайте всмотримся в лица изображенных на ней русских партизан — победителей фашизма, а затем — сравним их образы с показанными на российских телеканалах лицами и обликом защитников Донецкой

и Луганской Народных республик. Мы увидим, что лица и облик тех и других русских людей, несмотря на 70-летний разрыв во времени — идентичны не только по внешнему облику, но по одухотворенности и воле к победе уже над современным возрождающимся фашизмом. Этот факт дает полное основание отнести полотна «Псковичи» к шедеврам российской живописи.

В беседах о живописи Семен Аронович неоднократно формулировал свои творческие принципы: творческая честность, высокий профессионализм, а также поиск правды, правды, как души и основы искусства. Эти принципы должны реализовываться через красоту и гармонию создаваемого произведения — подчеркивал он.

Встреча С. А. Ротницко с сотрудниками Региональной энергетической комиссии Санкт-Петербурга (РЭК СПб) на одной из его выставок
Начало 2000-х гг.

В центре — С. А. Ротницкий.
Слева от Семена Ароновича — А. И. Трезубов, крайний слева — М. М. Гришутин.
Справа от художника — А. И. Смирнова, рядом с ней — А. П. Душко

Следует сказать, что эти принципы он высказывал и в общении с большими аудиториями слушателей различного социального состава. Запомнилась встреча Семена Ароновича в начале 2000-х годов на одной из выставок с его участием с сотрудниками Региональной энергетической комиссии Санкт-Петербурга (РЭК СПб), в которую я был приглашен после увольнения из Вооруженных сил по выслуге лет.

В это постперестроечное время в картинные галереи, на телеэкраны начала назойливо поставляться различная низкопробная авангардная «живопись». На этом фоне портретные и пейзажные полотна С.А. Ротницкого, а также живая, искренняя беседа с ним производили на всех нас сильное впечатление. Причем в высокой оценке увиденных работ были

едины все участники встречи, и в том числе показанные на сделанной на память фотографии; стоящий слева от Семена Ароновича — Алексей Иванович Трезубов — крупнейший специалист в области топливно-энергетического и жилищного комплексов, создатель Комитета по энергетике и инженерному обеспечению Санкт-Петербурга и Комитета по тарифам нашего города; стоящая справа от художника — Альмира Ибрагимовна Смирнова — серьезный экономист и супруга командира атомных подводных лодок Владимира Николаевича Смирнова, которые более двадцати лет прослужили на Северном флоте; рядом — Александр Павлович Душко — в те годы начальник одного из управлений РЭК СПб, а в настоящее время — один из руководителей ОАО «Газпром».

Ю. А. Межиоров
«Семья»
2001 г.

В те годы мы с Семеном Ароновичем посетили несколько выставок художников, добившихся некоторого успеха. Анализируя эти работы, он указывал на поверхностную, неглубокую живопись, которая демонстрировала непонимание основных законов живописи. Резкое отрицание у С. А. Ротницкого вызывали работы авангардистов и других течений антиреалистов.

Зато произведения художников-реалистов, правдивые, искренние, мастерски исполненные, всегда привлекали его внимание и заслуженное одобрение. Тепло отзывался он и о картине нашего друга Народного художника России Юрия Межиорова «Семья», изобразившего меня, мою жену — Гульнур Хайрулловну и нашу дочь — Верочку.

Семен Аронович, по впечатлениям своих зарубежных поездок, не раз подчеркивал, что в США и странах Западной Европы уделяют большое внимание сохранению школы классической реалистической живописи и в то же время понимают, какое разрушительное влияние на общество оказывает авангардная живопись, особенно русская, начиная с Татлина и Малевича. Поэтому Запад делает все, чтобы в условиях непрекращающейся холодной войны обеспечить доминирующее положение «антиреалистов» в российской живописи. Запад считал и по-прежнему считает антиреалистические течения главным средством разложения российского общества, уничтожения его национального единства, патриотизма, формируя тем самым у населения бездуховные низменные потребности.

Такой подход был, к сожалению, реализован в нашей стране уже в девятые годы прошлого века. Подтверждением тому служит история с картиной «Псковичи», которая была предложена автором на безвозмездной основе Русскому музею. Дело в том, что сам Семен Аронович и многие его коллеги понимали значимость своих работ, которые при прочих достоинствах — служили связывающими звеньями между реалистической живописью дореволюционной России, живописью СССР и живописью современной постперестроечной России. Для обеспечения такой связи тот же С. А. Ротницкий подарил музею-усадьбе художника Н. А. Ярошенко в Kislovodsk более тридцати своих полотен, которые экспонируются в его выставочных залах.

Однако Русский музей, мягко говоря, интереса к «Псковичам» не проявил. В то же время побывавшие на юбилейной выставке делегации из США, Франции и ряда других стран Западной Европы выразили настойчивое желание приобрести для своих ведущих музеев работы Семена Ароновича, и прежде всего монументальное полотно «Псковичи». По этому поводу,

рассказывал художник, он собрал в выставочном зале своих фронтальных друзей и ветеранов партизанского движения. На одной из фотографий из его архива запечатлена эта встреча на фоне картины. На встрече Семен Аронович задал вопрос ветеранам: «Продавать «Псковичей» в Штаты?», на который они утвердительно ответили: «Продавай, пусть знают американцы победителей фашизма!»

Теперь эта картина находится в постоянной экспозиции Музея изобразительных искусств города Спрингвилл, штат Юта, США. С учетом ее особой ценности, картине присвоен статус «без права вывоза по территории США». В этой истории утешает только то, что в экспозиции американского музея полотно С. А. Ротницкого оказывает огромное эмоциональное воздействие на зрителей и убеждает: «Россию не сломить и воевать с ней нельзя».

Однако уже в начале двадцать первого века в России резко активизировалась подрывная деятельность антиреалистов. Особо гнусные формы она приняла у так называемых художников, струпировавшихся вокруг галериста Марата Гельмана. В текущем 2015 году, во время агрессии Украины против Донецкой и Луганской Народных республик, аргументированно, принципиальную и жесткую оценку деятельности самого М. Гельмана и его соратников дал Никита Сергеевич Михалков в одной из своих передач цикла «Бесогон».

Таким образом, завершая эти краткие воспоминания о выдающемся российском художнике-реалисте Семене Ароновиче Ротницком, можно обоснованно утверждать жизненную необходимость изучения, государственной поддержки и развития реалистического направления в живописи в современной России. В этой связи важно отметить выставки реалистической живописи «Исцеление реализмом», проводимые архимандритом Александро-Невской Лавры Виталием (Радомысльский Виктор Александрович). Уже само название этих выставок, при всей своей лаконичности, отражает патриотическую позицию служителя Русской Православной Церкви, его глубокое понимание сути и высокой значимости реалистической живописи на современном этапе развития нашей Родины.

Следует также отметить, что благодаря усилиям академика Альберта Серафимовича Чаркина, длительное время бывшего ректором Академии художеств и возглавляющего поныне Санкт-Петербургский Союз художников, в нашем городе сохранилась и развивается одна из лучших школ реалистической живописи. И именно она сегодня — основа развития этого направления живописи в России.

ИСКУССТВОВЕДЫ

Ушакова В. А.,
искусствовед,
член Союза художников России,
Заслуженный работник культуры РФ

РАЗГОВОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ

С художником Ротницким я познакомилась в середине 80-х годов прошлого века в доме искусствоведа Ии Николаевны Вьюновой, портрет которой он писал в те годы. Портрет получился необыкновенно выразительным, с тончайшей характеристикой ее образа, что вообще отличало все портреты Семена Ароновича. Интересная деталь, у Ии Николаевны была прекрасная фотография с оригинала, которая стояла на книжной полке, то повернутой к стене, то обращенной изображением наружу. Знаю со слов Вьюновой — когда фотография стояла повернутой обратной стороной, она звонила Ротницкому и говорила, что это самый неудачный из всех его портретов. Он без обид отвечал — пройдет время, и увидишь, какой значительной и роскошной ты была в это время. Этот портрет неоднократно показывался на различных выставках и очень нравился самому художнику своим точным попаданием в образ, состоянием и настроением.

Произведения Семена Ароновича я знала давно, еще участь в Академии художеств, отличала этого художника на выставках. Мне нравилась его

манера письма, особенность естественной и в то же время классической композиции. Он — художник, умевший найти ту неповторимость образа, которая делала его произведения не только мастерски написанными, но и поражающими тонкостью и острой характеристикой портретируемых.

Как-то сложилось, что случайные встречи с Ротницким на выставках и в гостях общих знакомых переросли в прочное знакомство с многочисленными разговорами об искусстве. Он был интересным собеседником, знающим и имеющим свой оригинальный взгляд на многие этапы истории искусства. Будучи реалистом и крепким академистом — со своим особым взглядом на мир, проникающим в суть и глубину характера изображаемого, — он много интересовался беспредметным искусством, не понимая и не принимая этого направления. Он с трудом представлял, как художники, которые должны преклоняться перед красотой и гармонией мира, исповедуют другую эстетику, как их привлекает деформация пространства, искаженность форм, лиц. Для чего они подчиняются разрушительному

Портрет искусствоведа И. Н. Вьюновой
1993 г. Холст, масло, 90x80

Студенческой молодежи разных стран мира у картины «Псковичи» в Музее изобразительных искусств г. Спрингвилла. 1993 г. Фото.

С. А. Ротницкий с женой в г. Седона, штат Аризона. 1995 г. Фото.

идолу, где господствуют изломанные формы, искаженные фигуры, несущие ужас и дисгармонию человеческого облика и его чувств... Много-часовые телефонные дискуссии охватывали многие сферы искусства... Звонил мне Ротницкий часов в десять вечера, и разговоры завершались далеко за полночь. Несмотря на усталость, это происходило после моей напряженной работы, мне было приятно с ним беседовать. В настоящее время так мало людей, даже среди художников, с которыми можно с интересом рассуждать об искусстве. Он умел слушать, только периодически вставая — да... да...

«Объясните мне, — спрашивал он. — Почему „Черный квадрат“? Что это искусство или что? Как М. Б. Пиотровский, выросший с детства рядом с Великим искусством, пытается объяснить и говорить, что это „Икона двадцатого века“?» Хотя в его голосе звучало лукавство, и он явно хотел услышать подтверждение своим мыслям. Когда я объясняла свое видение

творчества Малевича периода супрематизма, он слушал, не перебивая, мне даже как-то не по себе бывало, ведь я говорила про ту истину, которую он наверняка знал. Продолжая наш разговор, к которому мы возвращались неоднократно, говорила про эксперимент неординарного, талантливого художника, про игру формы и цвета, про влияние цвета на форму и формы в пространстве на видение цвета. Когда я пояснила, что считаю эксперименты Малевича предтечей современного дизайна и в этом вижу его сильную сторону, он оживалась, и я чувствовала, что он остался доволен. Это лишь выдержка одной из бесед с Ротницким.

Семен Аронович с воодушевлением рассказывал о своих поездках в Америку, о музее, где экспонировались его работы, именно там он встретил понимание наших соотечественников, переехавших туда на постоянное проживание. В Америке он надел уважительное отношение к себе, как к творцу большого масштаба и незаурядного таланта.

В 2000 году в Большом зале Союза художников, на Большой Морской, д. 38, открылась его персональная выставка. Я взяла видеокамеру и решила записать его выставку, в надежде увидеть Ротницкого там, как мы договаривались по телефону. Я продумала канву разговора и приготовилась к встрече, но, к моему сожалению, его на выставке не оказалось. Я записала экспозицию «на скорую руку», думая, что сниму потом, но потом так и не получилось.

Мне вспомнился еще один небольшой эпизод: как-то, незадолго до смерти Семена Ароновича, проходила одна из тематических выставок в Союзе художников. На ней был представлен портрет Ии Николаевны Вьюновой, который в очередной раз показывал художник. Экспонировался он в центральном зале и висел на стене, с левой стороны, а недалеко от портрета стоя Ротницкий и, подходя ко мне, серьезно спросил: «Ведь Вьюнова, она такая?», видимо желая услышать похвалу его творческой удаче. Интересно, что же такое не давало покоя Ротницкому в оценке этого произведения? Работая над интересным для художника портретом, он вживался в образ не только во время написания, но и после завершения, переживая за его дальнейшую судьбу, боясь, что зритель не сможет до конца постичь всю глубину, которую он умел видеть в человеке.

Ротницкий находил неповторимость модели, подмечал тонкие оттенки душевного состояния. Так, в портрете Вьюновой есть нечто большее, чем тривиальный образ, свойственный хорошему портрету, в нем есть сама душа художника. Бывают те счастливые точки соприкосновения художника и модели, когда нечто особенное выделось автору в образе портретируемого.

Такая глубина понимания довольно редко возникает, но дает неожиданные результаты, о которых мы говорим с восхищением. Будучи прекрасным психологом, Ротницкий обладал той мудростью видения, которая возникает у художника на подсознательном уровне. Вот почему в ряде портретов Семена Ароновича так много такого, что требует вглядывания и самого внимательного прочтения произведения. Он писал в своих работах философию жизни и внутреннее содержание личности «переводил» на свой многогранный язык, на его миропонимание.

Отношение предметных и пространственных форм, система живописных и пластических акцентов в произведениях Ротницкого создают живописную среду как физическую субстанцию. Перебирая в памяти картины Ротницкого, видишь, что почти каждое произведение было его удачей, будь то портрет или сюжетная картина. Он постигал свои модели живописной интуицией. В ритмических и цветовых переходах лепилась человеческая сложность, живописное понимание, точность композиции — и всё это преображалось в богатство психологическое.

С. А. Ротницкий работает над портретом «Бабка Степанида» 1984 г. Фото

Адгамова
Надежда Ассаровна,
искусствовед,
член Союза художников России

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Семен Аронович Ротницкий — яркий представитель художников — «шестидесятников», советских живописцев, переживших все тяготы военного времени. Они творили в послевоенные годы, когда ощущение мирной жизни, ее каждого мгновения, было исполнено радости, и эта радость наполняла создаваемые ими полотна, превращая обыденные мгновения жизни не в жанровые работы, а скорее в монументальные произведения, подчеркивая значительность изображаемого. Именно в эти 1950-1970-е годы советское искусство обогатилось живописными работами, воспевавшими мирный труд на восстанавливаемых фабриках и заводах, на колхозных и совхозных полях. Появились портреты известных сталеваров, тружеников полей, строителей, станочников, ученых, артистов — героев труда советской страны. Одним из таких произведений является важный для Семена Ароновича Ротницкого «Портрет депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда фрезеровщика

А. В. Бородулина» (1960. Галерея. Алтайский край, Павловск). Портрет был показан в 1961 году на выставке ленинградских художников в Русском музее.

Художник только что вернулся в Ленинград. В своих воспоминаниях он писал: «В 1960 году мы с женой возвращаемся в любимый город», город, в котором, вернувшись с фронта, окончил Академию художеств — Институт имени И.Е. Репина. Возвращался Семен Аронович из Казани, где с 1948 по 1960 год преподавал и позже был директором Казанского художественного училища. Поэтому участие его в выставке ленинградских художников в Русском музее стало для него значительным событием. Тем более что портрет А. В. Бородулина был отмечен в обзоре выставки: «Живописец С. А. Ротницкий обычно создает психологические портреты, где важно все — поза, жест, выраженные лица, аксессуары, особое состояние колорита. Это и парадный, и интимный портрет одновременно. Прекрасное одухотворенное лицо,

свободная поза, естественный жест. Таким он открылся художнику...» Это прекрасная работа, где человек рабочей профессии изображен не в цехе, а сидящим в кресле, держа в откинутой руке папиросу. Он размышляет, беседует со спокойствием человека, уверенного в своем будущем. Художник достигает здесь передачи настроения модели посредством виртуозного мазка и тонких живописных переходов.

Пройдут годы, и в 1992 году Семен Аронович окажется в нью-йоркской мастерской своего старого друга — Марка Клионского, преуспевающего портретиста, в 1980-е уехавшего из страны. «На мольбертах холсты, находящиеся в работе, стеллажи, забитые аккуратно сложенными картинами в рамках... Много портретов зажиточных людей Америки. Они совершенны по рисунку, форме, композиции. Отличны по лепке лица, рук, они в характере, но жестки по цвету. Утеряны отношения, что составляет суть живописи. Утерян колорит... Жаль, ведь Клионский — человек талантливый и очень работоспособный. Здесь же он в трудах и заботах, связанных с существованием. А ведь искусство не терпит суеты! Именно это сказывается на качестве произведений», — пишет об этой встрече Семен Аронович.

Будучи лично знакомой с живописцем, хочу добавить, что Семен Аронович Ротницкий был интеллигентным, тонким и, что нечасто встретишь в наше время, аристократичным человеком, имеющим свою

твердую, принципиальную позицию в жизни и в живописи. Им создано не только большое количество живописных и графических произведений, — выдающийся портретист, он оставил свои воспоминания, ценные для понимания его искусства и его времени. Этот взгляд художника на мир, выраженный в словесной форме, можно назвать еще одним портретом — портретом его жизни.

Портрет Героя Социалистического Труда фрезеровщика А. В. Бородулина
1960 г. Холст, масло. 105×105.
Народная картинная галерея. Павловск. Алтайский край

Клочкова
Вера Федоровна,
специалист по библиотечно-выставочной работе,
член АИС

ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСТАВКА

Мое знакомство с творчеством Семена Ароновича Ротницкого началось с одной его картины, которую я увидела в 2003 году, поступив работать в библиотеку с выставочным залом Московского района. Эта картина и сейчас украшает наш читальный зал, и очень часто от посетителей можно услышать: «Какой букет! Кто автор этого чудесного натюрморта?»

А весной следующего года я уже лично познакомилась с художником — автором натюрморта, на его выставке портретов, которую, как говорили мне мои коллеги, традиционно, ежегодно они проводили в апреле — мае. Готовился Семен Аронович к этой выставке серьезно и ответственно, картины были привезены задолго до ее открытия. Отдельно были доставлены и несколько экземпляров его книги воспоминаний, названной «Сила красоты». Одна из этих книг пополнила фонд нашей библиотеки.

Экспозиция выставки представляла галерею портретов людей разных возрастов и профессий, настолько живо написанных, что с момента

Библиотека Выставочного зала Московского района.
1990-е гг. Фото.

Ромашки.
1995 г. Холст, масло.
90×60.
Выставочный зал
Московского района.
Санкт-Петербург

С. А. Ротницкий с женой Н. С. Ротницкой на выставке
в Выставочном зале Московского района.
2004 г. Фото

развески их зал казался переполненным людьми — даже в утренние часы, когда выставка была еще закрыта для посещения! Конечно, открытие выставки проходило торжественно, при большом стечении публики. Слова благодарности и поздравления произносили многочисленные гости, в числе которых были коллеги Семена Ароновича, его ученики, представители организаций и предприятий, меценаты, заказчики работ автора, зрители, постоянно посещающие наши выставки... Но не только на открытии можно было увидеть художника, он работал на выставке почти все дни ее экспонирования: беседовал со зрителями, договаривался о встречах, представлял свою книгу... И так было всегда — говорят мои коллеги — всегда на всех его выставках в нашем зале. А их было пять.

Постоянные посетители выставок Семена Ароновича неизменно отмечали живость и психологизм его портретов. Они писали и говорили, что лица, запечатленные в его полотнах, «вселяют надежду, убеждают, что с такими людьми Россия выстоит и переживет все невзгоды, выпавшие на ее долю!...». И все, высказываясь на обсуждениях, соглашались, что в «глазах каждого человека, изображенного на портрете, светится его душа»!..

Портреты Ротницкого запечатлели образы поэтов и художников, заслуженных и молодых, среди которых было много учеников мастера. Мы видели портреты людей труда, его известных метрополитеновок, его «Кочегара» — в пандаи любимому художнику-передвижнику Н. А. Ярошенко, написавшему своего знаменитого «Кочегара». На наших выставках Семен Аронович показывал портреты, написанные в творческих командировках за рубежом, портреты друзей и знакомых — взрослых и детей...

Среди посетителей всегда бывало много коллег Семена Ароновича. Особенно хочется отметить визит на выставку финского художника Тойво Раннела, который назвал ее «праздником реалистического искусства»,

а труд автора — «гражданским подвигом и прекрасным свидетельством нашего времени»... Необычным и очень верным показался нам, сотрудникам, эпитет одного из зрителей: «нравственная осанка» — так характеризовал он особенность передачи характера одного из героев произведений Ротницкого...

Сотрудники ЦКБ МТ «Рубин», с которыми сотрудничал художник, называли его творчество «живописью с большой буквы» и утверждали, что на таких людях, как он, держится мир. Теплоту и духовность творчества художника отмечали сотрудники телекомпании «Онега». Их мнение высказал генеральный директор компании М. В. Иоффе... Поэт Фоянков, портрет которого написан художником, отметил, что «труд Ротницкого по сохранению и приумножению достижений реалистического искусства обеспечивает родовую связь творчества с жизнью... Ведь Семен Аронович считал, что если реалистическое искусство исчезнет, оборвется родовая связь творчества с жизнью».

Посетители выставок Ротницкого неизменно отмечали его редчайший дар портретиста, приумноженный гигантским трудом, вложенным в каждый портрет! И сколько достойных людей увековечил художник в своей живописи!.. Многие признавали Семена Ароновича лучшим портретистом в нашем городе.

Выставка, о которой я начала рассказывать, состоялась у нас в мае 2004 года. Семен Аронович любил наш выставочный зал. Расположенный на площади Чернышевского, 6 — недалеко от его мастерской, он был удобен для доставки картин, для частого посещения выставок. Друзья художника наш зал в шутку называли «придворным залом Семена Ароновича»!.. К тому же администрация нашей библиотеки считала его своим почетным экспонентом и всегда шла ему навстречу, перекраивая порой свои выставочные планы.

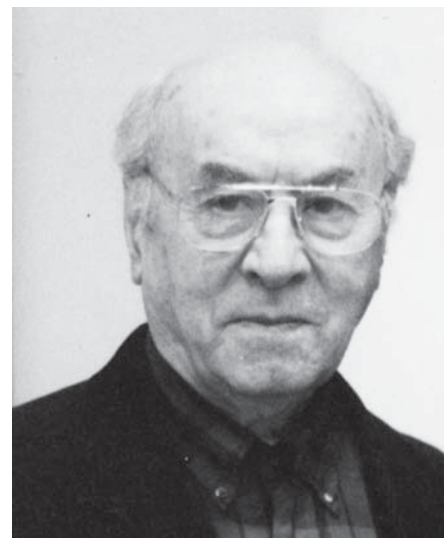
Вход в Выставочный зал Московского района на пл. Чернышевского, 6
Современное фото

А для Семена Ароновича выставки в нашем зале были особенно привлекательны тем, что главным критерием их организации была установка на профессионализм, исключая всякий дилетантизм. Этой «установке» администрация нашей библиотеки следовала с первой выставки, которую открывал в 1992 году и задал эту «установку» на будущее Дмитрий Сергеевич Лихачев. И именно эта направленность наших выставок абсолютно соответствовала духу творчества и отношения к труду художника Ротницкого.

Я снова возвращаюсь к выставке Семена Ароновича, экспонировавшейся в нашем зале в мае 2004 года... Незадолго до ее закрытия на ней проводилось мероприятие, посвященное празднованию 59-й годовщины Великой Победы. Это была конференция с участием представителей Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны.

Возможно, волнения, связанные с празднованием Дня Победы и чествованием его — ветерана Великой Отечественной войны на его выставке, — стали причиной внезапной кончины Семена Ароновича... Он начал выступать, как всегда, очень эмоционально, азартно... Но на этот

раз — солдатское сердце не выдержало... Была вызвана скорая помощь, но до приезда ее бывшая военная медсестра, присутствовавшая на конференции, пыталась оказать ему первую помощь, но... уже ничего нельзя было сделать!.. Он — художник Семен Аронович Ротницкий — умер, как воин на своем посту. Умер на выставке, среди героев своих картин, вспоминая блокаду, Ленинградский фронт, своих однополчан... Умер, не договорив свою речь, не зная, что эта выставка станет для него последней...

Семен Аронович Ротницкий
2003 г. Фото

УЧЕНИКИ

Чернова Татьяна,
живописец,
член Союза художников России

Я ВСЕГДА ПОМНЮ МОЕГО УЧИТЕЛЯ

Большой художник, педагог ВХПУ им. В.И. Мухомовой, Семен Аронович Ротницкий был моим любимым учителем живописи и дорогим для меня человеком. Он, как педагог, чувствовал творческий потенциал каждого студента, к каждому относился предельно внимательно, хотел, чтобы из нас вышел толк. Мне Семен Аронович запомнился большой преданностью искусству, живописи и любовью к жизни.

Так распорядилась судьба, что я смогла найти Семена Ароновича спустя многие годы после окончания мною института. Мы снова встретились, и у нас сложились прекрасные дружеские отношения. Я часто бывала у него дома и в мастерской. В мастерскую привозила написанные работы, этюды. Мы их обсуждали. Я всегда очень волновалась — что скажет Мастер?

Семен Аронович искренне радовался моим успехам и огорчался неудачам, которые случаются у каждого художника. Он часто говорил: «Все дело в правдивых цветовых отношениях...» Был требователен к «свету» в работах и говорил: «Здесь надо зажечь свет...» Иногда брал в руки кисть и показывал,

как надо решить тот или иной кусок холста. У меня замирало сердце — казалось, что его отношение к моей работе слишком небрежное, слишком лихое. Потом, со временем, приходило понимание — как он был прав!

Иногда, показывая на натуру, Семен Аронович спрашивал: «Через какие краски возьмешь этот цвет?» И приходилось отвечать сначала словами, а потом и кистью. В мастерской Учитель показывал свои новые работы — портреты или этюды. Они мне очень нравились, они вдохновляли, учили чувствовать, понимать, находить свою дорогу в искусстве...

Семен Аронович был обаятельным и интересным собеседником. Мы пили чай и много говорили о живописи, о художниках, о времени, о политике, о футболе... Он ярко и образно рассказывал о творческих поездках по России — по разным городам, далеким стройкам, заводам. Там он писал портреты рабочих, людей труда. Говорил: «Очень трудная была работа. Этюд, написанный мною, должен быть точным и очень похожим на натуру, так как за спиной всегда стояли зрители и оценивали строго: похож — не похож, даже

С. А. Ротницкий
у себя в мастерской
1990-е гг. Фото

Петербурженка
(Портрет Тани Черновой,
художника-дизайнера). Фрагмент.
(См. стр. 162)
1999 г. Холст, масло. 110x70

на начальном этапе ведения работы!» Еще рассказывал: «Жили художники в вагончиках, был далекий от комфорта. Еду подвешивали в сумках к потолку». Я спрашиваю — зачем? «Чтобы от крыс подальше». Так жили в поездах по стране и работали наши Учителя, художники старшего поколения...

Культура Семена Ароновича, широта познаний, большая жизнь делали наши беседы интересными и содержательными. В его мастерской была удивительная аура спокойствия, тишины, умиротворенности. Со стен смотрели написанные им современники, чудесно пахло маслом и лаками. Я любила приходить в его мастерскую и общаться с этим большим художником, интересным человеком.

Под Новый год я всегда приезжала домой к Семену Ароновичу в его маленькую ленинградскую «хрущевку». Квартира была заполнена живописью — пейзажи, портреты... Собирались близкие друзья Семена Ароновича, и мы поздравляли его с днем рождения, который был 28 декабря... Атмосфера всегда была теплой. Было весело и многолюдно...

Семен Аронович написал три моих портрета. Когда я позировала ему, меня всегда удивляла его работоспособность и выносливость — длительные сеансы забирают много сил от художника. Он работал всегда с азартом, увлеченно, забывая об отдыхе... Позируя, тоже устаешь сидеть неподвижно длительное время. И Семен Аронович, закончив писать, всегда говорил: «Отдохни, отдохни, а я пойду приготовлю чай...»

Он написал три моих портрета, два из них мне очень нравятся, но с третьим вышла история! У него был начат портрет какой-то женщины в черном платье, а голова была только намечена. Семен Аронович очень хотел закончить этот холст и предложил мне позировать, чтобы мою голову написать к этой фигуре. Я долго сопротивлялась, но пришлось согласиться из уважения к Учителю. Результат — мне не понравился, скажу честно...

Семен Аронович был большой мастер и замечательный человек — скольким студентам он открыл дорогу в искусство, научил любить натуру, чувствовать цвет, состояние! Его доброе, дружеское отношение, поддержка в искусстве были очень важны для меня, и я всегда помню моего Учителя.

Эта память об Учителе в её отношении к искусству, к творчеству. «Татьяна Чернова принадлежит к числу живописцев-подвижников, что работают только на натуре. Дождь, холод, жара — всё разнообразие природных впечатлений и ассоциаций, неизменно пронизанных острым чувством красоты мира, живым дыханием наполняют холсты художницы. Натура для нее святая», — писал о творчестве мастера А. К. Крылов, профессор академического института им. И. Е. Репина.

Портрет Т. Черновой
1995 г. Холст, масло. 80x60

Татьяна Чернова
Солнечный денёк. Крепость Орешек
2014 г. Холст, масло. 60x80

Татьяна Чернова
День вечера. Печоры
2014 г.
Холст, масло. 90x60

Татьяна Чернова
Идут года, как облака. Изборск
2014 г. Холст, масло. 70x90

←
Татьяна Чернова
В краю синих гор. Лука. г. Бар.
2014 г. Холст, масло. 70x80.

Адгамов
Рашид Абдулович,
живописец,
член Союза художников России

ОН БЫЛ УЧИТЕЛЕМ, ХУДОЖНИКОМ, ДРУГОМ

Помню первый день — начало учебы в ЛВХПУ им. В.И. Мухоминой. Скорее, это было введение в студенческую жизнь. Нас знакомил профессорско-преподавательским составом учебного заведения. Первое, что нам сказали, что мы — счастливые люди, потому что нам удалось пройти вступительные экзамены, преодолеть конкурс (а он был очень высоким), и что впереди у нас сложная, интересная студенческая жизнь. И все это сбылось!.. Но я хочу сказать, что в ощущение счастья учебы вошло главное — мы обрели наших великолепных талантливейших педагогов, наставников, а в будущем — коллег и друзей, что позволило ощутить значимость и достоинство нашего учебного заведения, его мы ласково называли «Мухой».

Вспоминаю и помню всех своих педагогов. И помнить их буду всегда с огромной благодарностью. Но сегодня хочу написать несколько строк о Ротницком Семене Ароновиче, доценте кафедры общей живописи нашего института. Для нас, студентов, у которых он преподавал живопись, он сделал главное: ему удалось привить нам навыки профессионального

мастерства. Кроме этого, многим — и для меня лично — он дал «направление», по которому я пошел дальше в своей творческой деятельности после окончания института. И «направление» это — реалистическое искусство русской академической школы.

Прошло много времени, и то, что отстаивал и воплощал в своем творчестве С. А. Ротницкий и чему нас учил, вошло в историю советской живописи. Сейчас художников-реалистов тех лет называют «шестидесятниками», но американские искусствоведы, хорошо знакомые с творчеством Семена Ароновича, называют его искусство «академический импрессионизм».

Рассматривая и анализируя мою живопись, в своих статьях многие петербургские искусствоведы называют ее также: «академический импрессионизм». Поэтому я очень благодарен Учителю за то, что он сумел дать это «направление» в искусстве нам, своим ученикам. Он помог нам овладеть профессиональным мастерством, идейно-духовным художественным видением мира, проще говоря — он помог нам, ученикам, стать художниками...

Хочу вспомнить интересные моменты встреч и общения с Семеном Ароновичем, его некоторые высказывания... Помню, когда Учитель рассматривал мои работы в мастерской, я спросил — не смущает ли его «пастозность» в живописи моих работ (густота слоя красок на холсте). На что он ответил: «Рашид, не бойся слоя красок на холсте. Ведь с годами краски сохнут, и слой красок становится все тоньше и тоньше. А мы ведь работаем не на годы, а на века...» Я опять спросил: «Вы так на много вперед смотрите?» Он ответил: «Тогда нет смысла работать...»

У него было любимое слово, которое он часто повторял: «жахнуть»... Звонит как-то мне и говорит: «Я сейчас такой натюрморт жахнул!..» — И это в его восьмидесятилетнем возрасте!.. Стоит отметить, что Семен Аронович до конца своей жизни стоял за молбертом, как говорится — работал до последнего вздоха... В разговоре с ним я спросил — почему такая несправедливость по отношению к нему и его творчеству, что он всего лишь доцент живописи, хотя является признанным большим художником не только у нас, но и за рубежом? На что он сказал: «Понимаешь, у меня не было папки, что носят под мышкой и ходят по кабинетам, а я — всегда писал, преподавал, участвовал в выставках, вел общественную работу в Ветеранском обществе участников

С. А. Ротницкий.
В боях за Старо-Паново
1942 г. Фото

Великой Отечественной войны Московского района нашего города...» А ведь он был ветераном Великой Отечественной войны. Прошел всю войну — с сорок первого — до Победы...

Хочу вспомнить один эпизод — встречу с ним на выставке «Весна-2000». Мы подошли к моей работе «Дрова под снегом». Он посмотрел на нее и сказал: «Я не советую ее продавать, это музейная работа, и я думаю, тебе надо ее оставить себе...» Я был очень тронут его оценкой, и мне показалось, что он был доволен плодами своего учительства, мне так показалось... Он о многих своих учениках, хороших художниках, достигших и высоких званий, и признания, — часто вспоминал и рассказывал. Очень любил он своего ученика художника Вычужганина. Я знаю его только по репродукциям его картин в журнале «Художник»: «Портрет скульптора», «Портрет матери» и т.д.

Как-то я спросил у Семена Ароновича — не надо ли помочь ему в приобретении его работ галеристами, с которыми я в то время работал. На что он ответил, что за деньгами не гонится, а вот подарить он

готов, чтобы его произведения были доступны обзору всех любящих живопись людей. Помнится, он предложил Русскому музею семь своих работ безвозмездно. Но почему-то отклика не получила и очень переживал. Поэтому, когда ему предложили провести персональную выставку в США — в Музее современного искусства, — он охотно согласился. С этой выставки у него было приобретено много работ, в том числе его большая картина «Псковичи», над которой он работал несколько лет. Семен Аронович рассказывал, что его работы в этом музее являются экспонатами для изучения секретов мастерства студентами художественных вузов США. Он этим очень гордился.

Большое количество картин Ротницкого было подарено им Кисловодскому дому-музею имени художника Ярошенко. Когда мне довелось побывать в этом музее, я увидел, с какой благодарностью и любовью относились к Семену Ароновичу администрация и директор музея Бескровная Н. С., приняв дар художника. В двух залах этого музея постоянно экспонируются работы Мастера, радуя и восхищая посетителей.

После выхода его книги воспоминаний «Сила красоты» Семен Аронович дарил ее всем своим ученикам, друзьям, коллегам и музеям, сопровождая ее очень теплыми пожеланиями и авторской подписью. Мне он написал: «Мухинцу от Мухинца с добрыми пожеланиями в творчестве и жизни. С. А. Ротницкий».

Я часто листаю эту книгу и с благодарностью вспоминаю Семена Ароновича — учителя, художника, друга.

При жизни Учителя Рашид Адгамов отснял на любительскую кинокамеру произведения мастера и его самого в его мастерской. И сегодня мы можем видеть Семена Ароновича, слышать его живой голос, его высказывания о творчестве, об искусстве.

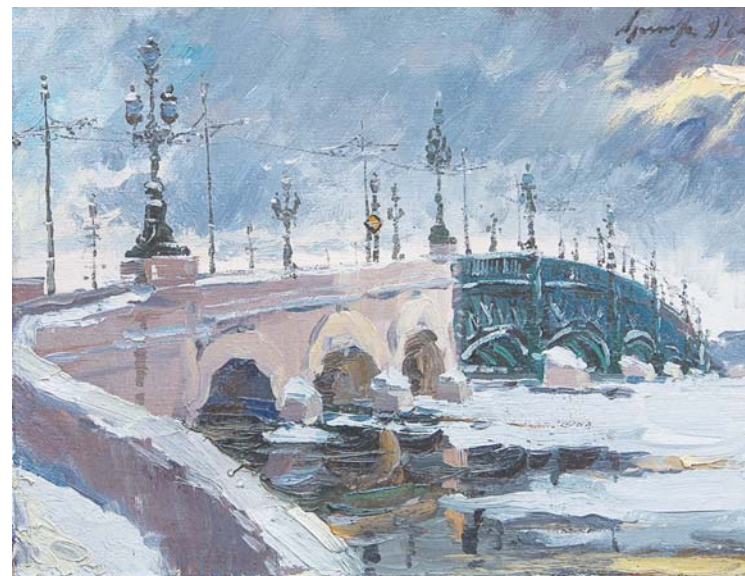
А живопись самого Рашида Адгамова «помнит» уроки Учителя. «В ней присутствует, как пишет искусствовед А. Л. Чижевский, — раскованность исполнения, смелость контрастных цветовых сопоставлений и в то же время тонкость тональных градаций, подчеркнутая этюдная свежесть. В ней — настойчивое стремление художника уловить "пульс жизни", красоту мимолетных состояний природы».

На выставке с Росем Джонсоном
1992 г. Фото

Рашид Адамов
Света
1995 г. Холст, масло. 28×22

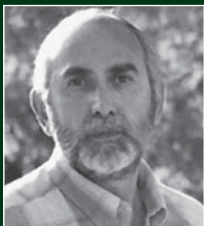
Рашид Адамов
Троицкий мост
1994 г. Холст, масло. 40×52

Рашид Адгамов
Дорога в Карпатах
2010 г. Холст, масло. 70x50

Рашид Адгамов
Дрова под снегом
1994 г. Холст, масло. 50x80

Эсмурзиев Зелимхан,
живописец,
Народный художник Республики Ингушетия

НА ОДНОМ ИЗ ПЕРВЫХ ЗАНЯТИЙ ...

Семен Аронович преподавал нам живопись с 3-го курса. Он был добрым, отзывчивым человеком. И был прекрасным художником. На одном из первых занятий по живописи у нас была постановка обнаженной натуры на темно-синем фоне. Я начал писать обнаженную натуру без преподавателя. Много уже написал, организовал холст и сделал его красивым. И тут понял, что мне нужно сделать акцент на деталях. Нарисовать те вещи, которые я не закончил. И в это время я почувствовал, что кто-то меня останавливает. Это был Семен Аронович. И он, посмотрев на мою работу, сказал, что мне нужно сделать акцент не на том, что я собирался, а на другом. И добавил, что у меня начало работы хорошее. Я тогда подумал: «Зачем мне это делать?» Я ведь хотел дописать лицо, глаза и какие-то детали.

И стал над этим работать, а не над тем, что советовал учитель... Я переписал работу по-своему, сделал ее в другом цвете, но она лучше не стала.

Прошло достаточно много времени, и ко мне снова подошел Семен Аронович. Он почувствовал, что я не могу закончить работу. О взял маленькую кисть и залессировал детали, где-то подчеркнул голову... У меня не было синего цвета. И он у моего соседа взял синюю краску и широкую кисть. И сделал фон синим. Работа была закончена. Он меня похвалил. Всем показал мою работу...

Семен Аронович был замечательным художником и человеком. Также внимательно относился он ко всем нам, уча любить настоящее искусство.

На занятиях у С. М. Ротницкого
Конец 1970-х гг. Фото

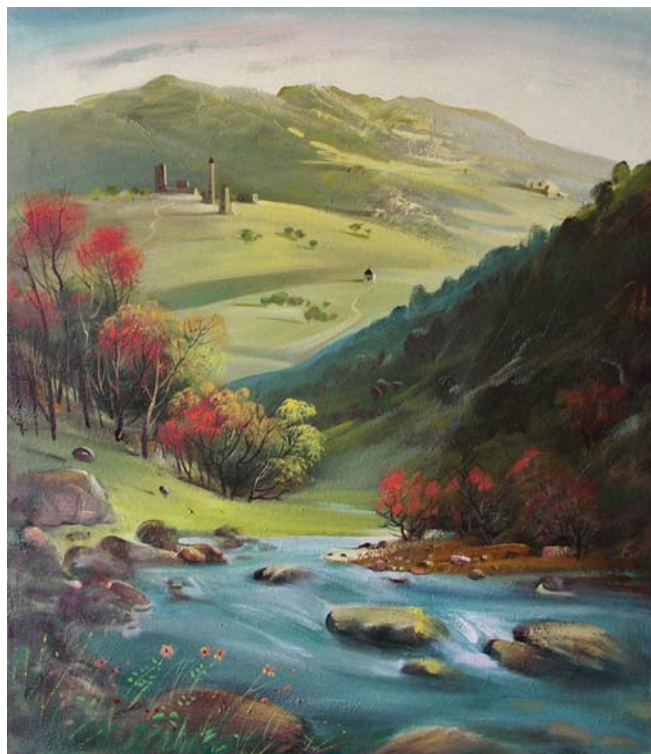
Зелимхан — замечательный мастер живописи и знаток природы, создал целый ряд прекрасных пейзажей, в которых автор выразил трепетное отношение к бесконечному разнообразию, эпической красоте и неповторимости родного края. В картинах «Эрзи», «Вовнушки», «Горный пейзаж», изображающих могучие башни, скалы, холмы и лесные дали, переданы конструктивная ясность и четкость композиций, красота живой горной природы, воспринимающиеся в естественной взаимосвязи с реальным пространством, наполненным солнечным светом.

Как человека, Зелимхана отличает необычайная скромность, доброта, и, самое главное, огромный талант. Об этом говорят картины, созданные им и способные рассказать об авторе.

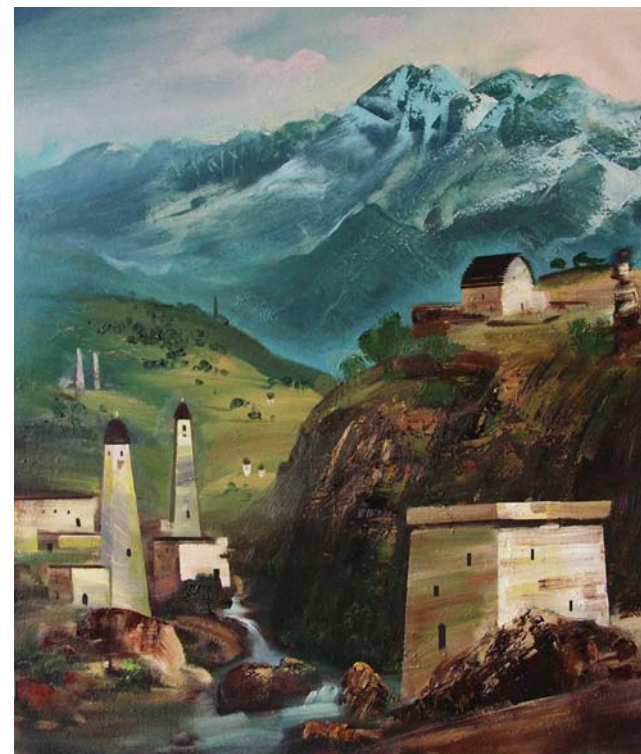
*Фрагмент статьи
«Искусство как жизнь. Зелимхан Эсмурзиев»
Лейла Алмазовой,
научного сотрудника Государственного музея
изобразительных искусств Республики Ингушетия.*

Зелимхан Эсмурзиев
в выставочном зале
у своей картины.
Современное фото.

Зелимхан Эсмурзиев
Река Арагчи
2012 г. Холст, масло, 70х60

Зелимхан Эсмурзиев
Баши
2012 г. Холст, масло, 70х60

Зелимхан Эсмурзиев
Девушка с зеркалом
2008 г. Холст, масло, 96×86

←
Зелимхан Эсмурзиев
Собирательницы трав
2013 г. Холст, масло, 60×70

**Жворонков
Евгений Михайлович,**
живописец,
член Союза художников России

О СТАРШЕМ ДРУГЕ

Встреча моя с Семеном Ароновичем Ротницким, с этим большим художником и замечательным человеком, произошла в 1974 году в Училище им. В.И. Мухомовой. Тогда он, ведя в нашей группе живопись и работая на кафедре общей живописи, был преподавателем на нескольких факультетах. Поэтому многие студенты «мухомуховки» могли бы назвать его своим учителем. К тому же надо помнить, что был у него еще и «казанский период» в его преподавательской работе: после войны, закончив Академию художеств (Институт им. И.Е. Репина), двенадцать лет преподавал он в Казанском художественном училище.

Для меня главным уроком Семена Ароновича было его подвижническое отношение к искусству, к творчеству. На кафедре промышленного искусства, где я учился, мало времени уделялось живописи. Но у нас была сильная группа, и четыре человека, увлекаясь искусством, получали высший бал по живописи и рисунку. Занятия с Семеном Ароновичем проходили всегда очень интересно. Он ставил для нас красивые постановки, внимательно

разбирал наши ученические работы, увлеченно беседовал с нами о законах живописи, о важности во всех видах искусства — рисунка. Он сам был прекрасный рисовальщик и художник. Особенно интересны были для нас его портреты, которые он писал постоянно и показывал их на выставках в Союзе художников.

Семен Аронович очень внимателен был с нами, его учениками... Вспоминаю, как тепло относился он ко мне и к моим скромным успехам. Однажды, во время летней практики, предложил мне пописать вместе с ним портреты волжских моряков. Но к сожалению, некоторые обстоятельства не позволили мне воспользоваться этой возможностью! После окончания мною Училища наши пути разошлись на долгие годы.

Мы встретились вновь через много лет — в 1995 году при подготовке моей персональной выставки. Теперь мы общались как художник с художником. И тогда широта взглядов и талант Семена Ароновича стали для меня еще очевиднее и еще дороже. На открытии выставки он

говорил, что я был у него отличником и старательным учеником. А когда присутствующие разошлись и мы остались одни в зале, он сказал мне, что не учил меня такой живописи... И это — правда... Художник становится художником не потому, что усвоил уроки, как писать, например, отражение в воде, как правильно дать в пейзаже отношение земли к небу или как выразительнее изобразить в цвете человеческую голову!.. Без личного отношения ко всему этому, «без сердца», как говорил когда-то Крамской, не создать произведение искусства! И ярчайший пример тому сам Семен Аронович Ротницкий. Стоит только вспомнить одухотворенность его портретов, и все станет ясно!

**С. А. Ротницкий (справа)
на открытии персональной выставки
Е. М. Жворонкова (слева)**
1995 г. Фото

мастерской, у меня дома. И это, несмотря на разный подход к созданию произведения. Хотя «подход» этот — один у всех художников — это полная отдача творчеству! Нам было интересно общаться. Искусство вновь соединило нас на многие годы.

В 2003 году он написал мой портрет. Позировал я сеансов десять, а готовился он к этой работе года три-четыре. И подготовка эта была в нашем общении, в наших беседах об искусстве, об отношении к творчеству. Зато во время сеансов он писал очень напряженно, полностью погружаясь в работу и было уже не до разговоров!

Вот и еще пример «широты взглядов» Семена Ароновича на искусство. Как-то коснулись мы в разговоре Ильи Глазунова, и я сказала, что видела все-таки у него настоящую картину — «Метель». Семен Аронович сказал, что тоже помнит ее и принимает...

Внезапный уход Семена Ароновича Ротницкого из жизни стал для меня страшной утратой. Я потерял старшего друга. Осмелюсь так назвать его, потому что все эти годы чувствовал поддержку этого большого, умного художника. Я постоянно помню о нем.

В разные годы нашего общения я фотографировал Семена Ароновича. Вы видите эти фотографии.

Многофигурные живописные композиции художника Е. М. Жворонкова, представляющие множество действующих лиц и параллельных сюжетных линий, — замысловато переплетаясь и дополняя друг друга, — раскрывают многослойность и единство замысла. А мастерство композиции картины и тонкое чувство цвета превращают его картины в изысканные цветные панно.

С. А. Ротницкий. Портрет художника Е. М. Жворонкова
2003 г. Холст, масло. 80x60

Евгений Жаворонков
Городской пейзаж
2002 г. Холст, масло, 30×40

Евгений Жаворонков
Звуки детства
1999 г.
Холст, масло, 58×76

Евгений
Жаворонков
Надежда
1996 г. Холст,
масло. 44x35

Евгений Жаворонков
Елагин дворец
1999 г. Холст, масло. 35x55

МОЛОДЫЕ
ХУДОЖНИКИ
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

*Нешиатова
Надежда Борисовна,
искусствовед,
член Союза художников,
действительный член
Петровской Академии наук и искусств*

«НЕЛЬЗЯ НЕ ВЕРИТЬ В ЮНЫЕ СИЛЫ...»

В Москве, в залах Российской Академии художеств на Пречистенке, 21 четырнадцатого апреля, в преддверии празднования семидесятилетия со дня Победы в Великой Отечественной войне — открылась выставка произведений молодых петербургских художников-живописцев. Авторы из города на Неве представили картины, в живописи которых зрители увидели немеркнущие «Образы памяти» Великой войны, великой беды, пережитой нашим народом в борьбе с фашизмом. И знаменательно: на выставке показали свои работы молодые художники, не воевавшие на фронтах, не знающие (слава Богу!) смертоносного ада сражений. О войне им известно лишь по рассказам отцов, дедов, по старым семейным альбомам, где пожелтевшие от времени фотографии сохранили лица ушедших на войну в сорок первом... «Но в нас говорит кровь наших предков...» — эти слова принадлежат участнику выставки — художнику Фролу Иванову. — Мы — их внуки, правнуки и мы помним их... помним об их горькой судьбе, об их гибели... И долг наш рассказать о них, сохранить память — теперь уже

Афиша выставки произведений молодых петербургских художников, посвященной Великой Отечественной войне.

для наших внуков...» — И, разговаривая с молодыми художниками об их выставке, понимаешь, что созданные ими произведения написаны взволнованной кистью, болью сердца... Именно это делает выставку особенно притягательной. В ней присутствует искреннее чувство художника, в ней живет Память о войне, переданная отцами и дедами — своим сыновьям и внукам... Вот она — нерушимая связь поколений! Символично и само название выставки — «Образы памяти». Выставка покорила москвичей, и все участники её были награждены медалями Академии художеств.

Показанная в Москве, выставка вернулась в родной город, и петербургская экспозиция ее разместились в Большом выставочном зале Петербургского Союза художников, на Большой Морской, 38. Зрители, посетившие выставку, высоко оценили глубокое патриотическое содержание картин — да, именно картин! — со сложным образным и композиционным решением. Они почувствовали эмоциональный накал выставки, оценили профессиональное мастерство молодых художников.

Вот — несколько записей из «Книги отзывов»:

Вы написали свои произведения, словно спели Гимн Отцам-Героям, чьи судьбы живут в нашей памяти, вызывая волнение и подступающий комок в горле...

Константин Иванов, художник

Чувства, отраженные в холстах, так убедительны, будто ребята сами воевали. Выше всяких похвал!

Пермакова И.В., график

Нет слов, чтобы выразить впечатление от выставки — буквально комок в горле, когда смотришь на картины. Удивительно всего, что это сказали молодые художники. А сколько искреннего чувства, зрелости, мастерства!

А.А. Кокурашева

В картинах художников отражена наша «русская душа», наши просторы, истинно отечественные характеры и человеческие чувства, которые близки и понятны каждому россиянину.

без подписи

Каждый художник — участник выставки — по-своему шел к своей картине и по-своему говорит о ней, касаясь замысла ее, поисков композиции

Суворовцы на выставке. Фотография на память 2015 г.

и цветового решения. В каждой картине — образ времени, мысль, боль и память художника — нашего современника, художника-реалиста, воспитанного в наши дни, нашей петербургской школой живописи. В этой выставке — сердца молодых бьются в унисон с сердцами тех, кто в сорок первом уходил защищать свой дом, своих родных, свою землю... Выставка, названная «Образы памяти», возвращает нам наше военное прошлое, трагические дни борьбы с фашизмом, оттого и зритель пишет в «Книге отзывов», что выставка — «тронула до слез, до дрожки в сердце...»

На выставке побывали учащиеся петербургского Суворовского училища. Будущие защитники Родины не только внимательно рассмотрели экспозицию и выслушали рассказ о представленных на ней произведениях искусства, но встретились и с молодыми художниками — авторами картин — Александром Новоселовым и Фролом Ивановым. Юные зрители долго не отпускали художников, задавая им вопросы, связанные с работой над картинами...

Но, к великому сожалению, часть произведений, представленных на выставке, навсегда покинет Россию. Выставка будет показана в Китае — туда, в города Пекин, Нанкин, Фуджоу — увезут 35 работ из экспозиции, показанной в нашем городе. Хорошо, что увидят выставку за рубежом, но горько и обидно, что примерно две пятых произведений, российских «Образов памяти» останутся в Китае. И здесь повторится «история с выставкой» С.А. Ротницкого: на Родине — произведения художников, высоко оцененные зрителем, искусствоведами, коллегами-художниками, — оказались не востребованными! И снова — ни один музей города не заинтересовался ими!.. Но зато за рубежом, в Китае — им отдала должное, устроив выставки в лучших выставочных помещениях главных городов Поднебесной и приобретя их для своих музеев!.. И, вспоминая навсегда покинувшие Россию достойные произведения молодых художников, хочется привести слова И.Е. Репина — великого художника-реалиста и педагога, видевшего в молодежи надежду будущего нашего искусства: «Нельзя не верить в юные русские силы. Вот где начинается действительно дело...»

Ершова Светлана,
искусствовед,
член Союза художников России,
кандидат искусствоведения

ОБРАЗЫ ПАМЯТИ (ОБЗОР ВЫСТАВКИ)

Образ Великой Отечественной войны живет в нас с самого детства. Он складывался из рассказов родных, семейных фотографий, литературы, советского кино. Мы воспринимали войну через призм майских парадов и традиционного весеннего салюта. Мы знали о подвигах и героизме нашего народа, о его мужестве и стойкости. Нам казалось, что мы это знали... Но только став по-настоящему взрослыми, мы вдруг отчетливо осознали, что та далекая война — не легендарное прошлое, а ее уроки и поставленные ею перед человечеством вопросы актуальны и сегодня.

Выставка произведений молодых художников из Петербурга, подготовленная под патронатом действительного члена Российской Академии художеств, Народного художника РФ Александра Кировича Быстрова, представляет тему войны в различных ракурсах: от трагедии одного человека — до торжества целого народа. Для каждого автора эта война — личная история его семьи, и создание картины на военную тему дает возможность внести свой вклад в сохранение памяти поколений, выразить свое отношение к происшедшему, применить к себе страшные военные события,

проверить себя мерилom гражданского долга, мужества, жертвенности. Именно поэтому художники все чаще стремятся осмыслить реалии военных лет не в изображении конкретных событий, но символически, поднимая в своих работах вневечные проблемы.

Собранные вместе на одной выставке, картины создают своеобразную живописную летопись войны. Открывает ее холст Ильи Овчаренко «Прощание». Вслед за бойцом, покидающим свой дом в разгар знойного лета, словно сама жизнь уходит из него. Повинуясь логике войны, мир этой семьи рухнет в одно мгновение, разделяя жизнь героев на «до» и «после». Наряду с мотивом прощания на первый план здесь выходит тема трагической судьбы русской женщины, принявшей свою долю военных страданий в тылу или в оккупации. Картина Рустама Яхиханова «Опоянцы» наполнена иным настроением. Автор создает собирательный образ героев той войны — вчерашних мирных граждан, жителей городов и сел Северного Кавказа, безмянных и незаметных среди своих товарищей, но в момент тяжелого испытания способных на настоящий подвиг.

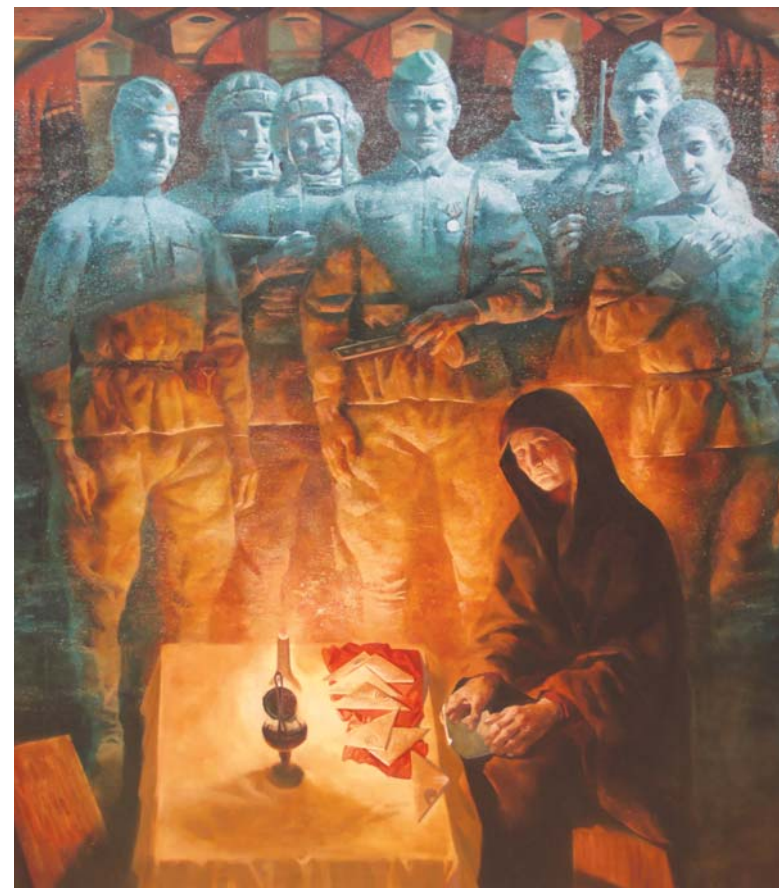
Овчаренко И. В.
Лето 41-го
(Прощание)
2015 г.
Холст, масло.
190x164

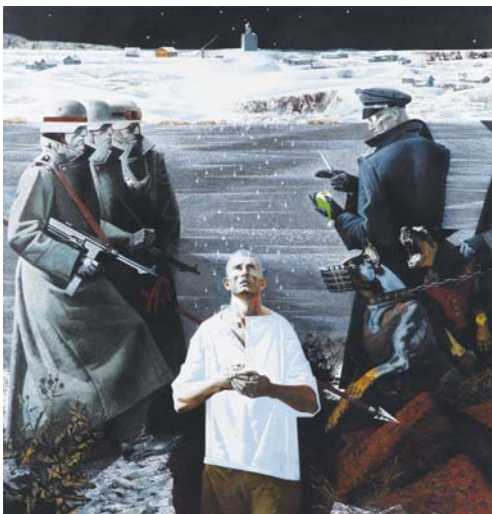

Такими, например, были братья Газдановы — герои одноименной работы Вадима Каджаева. Призванные из родного осетинского села, все семеро они погибли на разных фронтах Великой Отечественной — от Москвы и Севастополя — до Берлина. Картина Каджаева — реквием по всем не вернувшимся солдатам, по их оборвавшимся жизням и перечеркнутым судьбам.

←
Яхшанов Р. Х.
Ополченцы
2015 г. Холст,
масло. 250×220

Каджаев В. Ф.
Память.
Братья Газдановы
2015 г. Холст,
масло. 250×220

Иванов Ф. А.
«Не рыдай Мене, Мати...»
2015 г. Холст, масло. 260×250

*(Подробный рассказ о картине
на стр. 226–228)*

Та же тема жертвенности, только в более драматичном прочтении, звучит в холсте Фрола Иванова «Не рыдай Мене, Мати...». В центре его — пугающая своим холодным равнодушием казнь русского пленного солдата. Острое столкновение жизни и смерти здесь усиливает мотив первого снега, ставшего для героя последним. Автор признается, что задумывал свою картину как молитву обо всех, кто сражался и погибал за Победу...

Идею живой человеческой памяти развивает в живописи Александр Тыщенко. Его работа «Память» посвящена четырем братьям бабушки художника, ушедшим на фронт. Двое из них погибли в Сталинграде, один пропал без вести, и лишь один смог вернуться домой. Картина наполнена мощным трагическим настроением. Сама земля, представленная здесь пустынной и бесплодной, без единой приметы живой жизни, вот-вот должна погибнуть вместе со своими защитниками. Но ее бескрайние просторы вдали озаряет солнце, и это вселяет надежду.

→
Тыщенко А. В. Память
2012 г. Холст, масло. 200×250

Данчев С. А.
На военной земле
2015 г. Холст, масло. 210×250

Новоселов А. Ю. Победа
2014 г. Холст, масло. 450×370

Тема военного пейзажа привлекает и Сергея Данчева. В картине «На военной земле» проселочная дорога, идущая через небольшое село, становится персонифицированным воплощением судьбы русской земли и русской деревни. Полуразрушенное здание церкви воспринимается здесь как духовная основа русского народа, пробужденная и воскрешенная жестокими военными испытаниями, годами политических репрессий...

Завершает этот многосторонний рассказ о войне масштабное полотно Александра Новоселова «Победа». Весной 1945-го советские солдаты оставили на стенах Берлина многочисленные памятные надписи как подтверждение того, что их обильно политый кровью путь закончен в самом сердце вражеского государства. Здесь те, кто ушел на фронт в первые дни войны, кто прошел бесконечными военными дорогами тысячи километров, кто хоронил своих товарищей и, не останавливаясь — шел дальше, к Победе: для себя и для тех, кого уже не вернуть... Ощущение радости и ликования заполняет собой весь огромный формат холста, параллельно разбиваясь на множество отдельных групп и их эмоциональных состояний. Именно эти частности — основа большой общей Победы.

Велики были страдания народа, но и велик был его подвиг, его Победа. Победа не только над фашизмом и воплощенным в нем злом, но и над самой смертью. Победа, о которой мы не вправе забывать ради сохранения жизни.

Из «книги отзывов»:

У картины Каджаева Вадима «Память. Братья Газдановы» — я плакала.

С. Королькова. Москва. 19.06.2015

Все работы достойны самых высоких похвал, но я бы выделила картины Фрола Иванова, Александра Новоселова, Вадима Каджаева, Сергея Данчева, Ольги Овчаренко, Тамары Камаевой.

Ведущая программы «Город и горожане», журналист Елена Воробьева. Радио Петербург.

Бабушка с картины А. Шумкина очень похожа на мою бабушку, которая ушла из жизни 17 июля 1942 года от голода... Светлая память всем, погибшим в блокаду и на фронтах.

Трубицин В. В. 20.06.2015

Новоселов Александр,
живописец,
член Союза художников России

ВОЙНА И ПОБЕДА (РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ)

Все дальше отходит от нас Великая Отечественная война, но значимость ее в мировой истории на протяжении многих десятков лет не становится менее актуальной. Люди творческих профессий нередко выбирают тему войны и победы для своих произведений. Для меня, как и для многих художников, выбор темы картины связан во многом с историей страны и с историей собственной семьи. Замысел работ, основанных на военном сюжете, зачастую помогает раскрыть тему человека и приводит к размышлению об общехристианских ценностях. На основе изученного документального материала складывается художественный образ, что является обязательным условием для создания картины, иначе изображение скатывается к простому набору элементов.

Сбор материала к любой картине требует поиска необходимых образов. Вместе с тем хотелось, чтобы эти образы были созвучны современному зрителю. К одной из первых моих картин на эту тему, к дипломной работе «Сестра», в поисках выразительных характеров был выполнен ряд портретов с натуры, при этом ставилась задача — максимально приблизиться в них

к атмосфере военных лет. В основе замысла картины — попытка провести аналогию с сюжетом «Снятие с креста», символизирующим подвиг Христа, отдавшего свою жизнь за жизнь всего человечества. Здесь используются приемы привлечения контрастного освещения для выделения нужных деталей и одновременно, за счет обобщающей тени, происходит отсечение всего лишнего и второстепенного. Режиссура построения композиции такова, что за счет самого сильного контраста света и тени можно сразу же выделить главные центры внимания. Лицо и рука медсестры выделяются светлым пятном на фоне темного, а рука солдата темным пятном на фоне светлого. Ритмическое построение холста стремится к тому, чтобы сосредоточить внимание зрителя на композиционных центрах. Изначально эта работа задумывалась не как картина, а как монументальная роспись для Музея обороны Ленинграда. Это была выпянутая фризная композиция, где сюжет с медсестрой был лишь одним из нескольких. В процессе работы, вместе с руководителем мастерской А. А. Мьяльниковым, было принято решение отказаться от росписи в пользу картины и взять только один сюжет, развитие

которого позволило бы глубже погрузиться в тему и придать картине более сильное эмоциональное звучание.

Картина «Темная ночь» — это вариант полотна «Сестра», где пространство окружения способствует сосредоточению внимания на двух главных героях за счет масштабного и тонального контраста темных и светлых пятен. Также холодная цветовая гамма вступает в контраст с теплым освещением, тем самым помогает выделить образы медсестры и солдата.

«Осенний сон» — это картина о личности человека на войне. Попадая на войну, человек погружается в другой мир, где господствуют ужас, разрушения и смерть. Но, даже находясь в такой невыносимой среде, он продолжает жить. Солдат не один среди своих товарищей в бою, но он один перед лицом смерти. И конечно, представления о жизни и о мире у каждого — конкретные, персональные, и связаны они с самым дорогим и самым нежным, что есть в жизни каждого. Противопоставление мира и войны в картине совершенно контрастно. Солдат, спящий в грязном, черном окопе, видит светлый, волшебный для него сон из мирной жизни, где его невеста представляется в золотом окружении осенних листьев. Вокруг лежащей фигуры девушки разбросаны пластинки с мирными песнями, лирическими мелодиями и вдохновенными вальсами, которые воспроизводит стоящий тут же патефон. Казалось бы, эти фигуры лежат вместе, но их все же

Темная ночь
2007 г. Холст, масло.
171×190

Осенний сон
2010 г. Холст, масло.
200×190

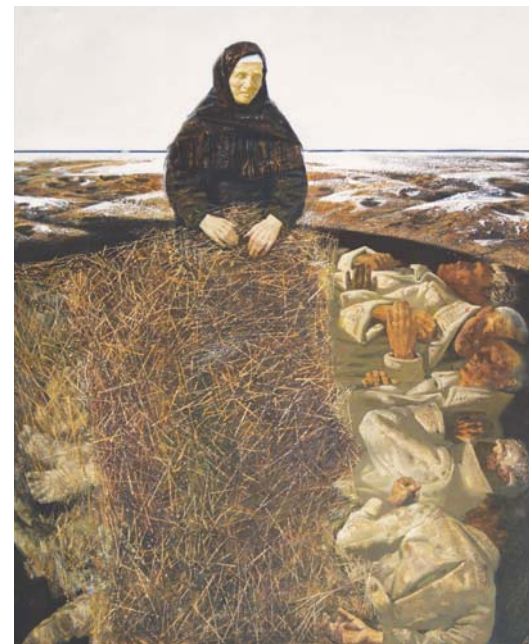

Прощание славянки
2012 г. Холст, масло. 120×148,5

разделяет огромная пропасть войны, символом которой здесь служит разделяющая их колючая проволока. И чтобы им снова оказаться вместе — необходимо все испытания пройти до конца. Название картины во многом навеяно еще дореволюционным вальсом «Осенний сон», получившим свое второе рождение в вальсе «В лесу прифронтовом», ставшем одним из символов военного времени. Техническому воплощению идеи способствует столкновение тонального решения светло-золотого покрывала осенних листьев и почти монохромной, темной, безжизненной земли.

В картине «Прощание славянки» не видно ни уходящих воинов, ни отправляющегося эшелона, но возникает чувство, что уходят последние мужчины. Их провожают матери, жены и дети, и это уже не первые проводы в их жизни. Фигура фронтовика-инвалида слева погружена

в тень, он не главный персонаж, но в его образ заложены раздумья человека, прошедшего ужасы войны, вернувшегося изувеченным, и сейчас провожающего своих товарищей, а быть может, и сыновей. Какая участь ожидает их там? Очевидно, что вернуться не все. Справа изображены женщины, объединенные в группу, среди которых матери, отправляющие своих сыновей; жены, расстающиеся со своими мужьями, и рано повзрослевшие дети. Именно на их плечи ляжет непомерная ноша тяжелого труда на заводах, фабриках, в госпиталях. И им адресован призыв: «Все для фронта, все для Победы». И они, как никто другой, будут воплощать его в жизнь с особым рвением и ответственностью, быть может, еще и потому, что одно из самых тяжелых испытаний, выпавших на их долю, — это томительное ожидание... Оркестр — это подростки,

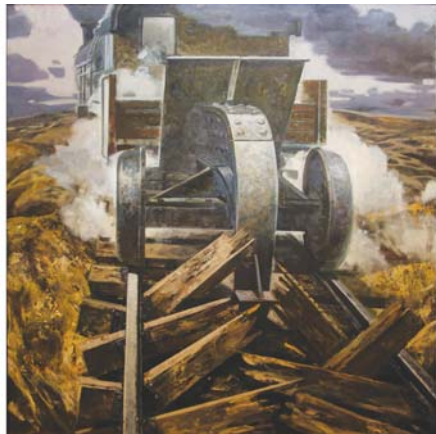

Мать-Земля
2011 г. Холст, масло. 200×165

которые во всех отраслях приходят на смену взрослым. Враг отнял у них детство, отнял родных людей и мирную жизнь, и они, может быть не до конца представляющие себе все ужасы войны, стремятся так же, как и их отцы и старшие братья, встать на защиту Родины. Пройдет совсем немного времени, когда кто-то из этих юных музыкантов уйдет на фронт, взяв в руки оружие. Мне хотелось использовать сдержанную по колориту цветовую гамму, способствующую созданию атмосферы того времени. Контрастное освещение и резкий край тени говорят о том, что война, конечно, «режет по живому», не щадя ни старых, ни молодых, ни семейных, ни одиноких.

Заботливая, немолодая мать накрывает своеобразным «оформом» своих уснувших сыновей: таким предстает образ Родины

в картине «Мать-Земля». Павшие в боях солдаты, не мертвенно бледные, но носящие дымный загар фронтовых дорог, спокойно уснули, погрузившись в лоно родной земли. Матушка же, как символ Богородицы, помнит всех по имени, жалеет, волнуется и, заранее прощая каждого из всех своих сыновей, укрывает их травяным покрывалом. Солдаты, ушедшие на фронт и погибшие за Родину на родной земле, возвращаются в нее же и обретают в ней вечный покой и вечную славу. Показать контраст внешнего мира и мира нереального помогает организация поверхности холста: плоско окрашенное условное пространство противопоставляется фактурному изображению травы. Обобщенное и уплощенное небо отделяет остро натянутую нить линии горизонта.

Триптих «Война». 2015 г. Холст, масло
Прощание (180×102), Пути разрушитель (200×200), Возвращение (180×102)

Триптих «Война» посвящен жертвам пронесшегося вихря огромной трагедии, невиданной ранее. В основе центральной части триптиха изображение немецкой адской машины, выполненной в виде гигантского металлического крюка, прикрепленного к паровозу и буквально срывающего за собой шпалы с рельсов. Пути разрушитель — это реальное изобретение немецкого злого гения, активно используемое при исполнении так называемого плана отступления «выжженная земля». Левая часть триптиха — «Прощание» повествует о том, что грядет великая беда, которая разлучает близких людей, грозит уничтожением народу, в нее вовлеченному. Правая часть изображает уже прошедшую бурю войны, искалечившую землю и людей на ней живущих. А в центральной части изображен тот самый пути разрушитель, который мне виделся как страшный пуг, прошедший по планете и навсегда разделивший землю на «до» и «после». Он действительно разрушил не только железнодорожные пути, но и пути самой жизни человека, стремясь уничтожить ее, как таковую. Колористическое решение триптиха — с небольшой цветовой шкалой, но с отдельно выделенными, яркими цветовыми акцентами. В левой и правой частях расположены красные цветовые акценты. Слева — это широкий женский платок, изображенный скорее как символ любимого человека, символ родного дома, семьи.

На женскую фигуру уже упала тревожная тень, готовая весь мир погрузить во мгла. А справа — фигура девочки в красном платье, символизирующая саму жизнь, которая была спасена ценой огромных жертв и безвозвратных потерь. Действие картины происходит на широком русском поле, на котором линия горизонта не прямая, а полукруглая, отсылает зрителя к мысли о планетарном значении происходящих событий. Композиция холстов объединяется ритмическим продолжением и связью элементов. Поле объединяет собой все части картины; ритмы холмов и склонов организуют композиционное движение внутри холста; края падающих теней, небо и облака на нем создают эмоциональное звучание окружения. Если в одной части ритм начинается, то он продолжается или противопоставляется — в другой, т.к. ритмическая основа — единая для всех трех частей. Намеренно где-то уплощается и обобщается форма, а где-то — детализируется, выделяется контрастом и фактурой для того, чтобы задержать внимание зрителя на главном, а на второстепенном это внимание упустить.

В картине «Комбат» стояла задача вызвать в образе главного героя ассоциации с высшим подвигом жертвенности Христа. Именно поэтому композиционное решение картины позволяет достаточно крупно изобразить образы солдат разных поколений. Длинный, вытянутый горизонтально

формат изначально напоминает монументальную фризовую форму. Организация подобного формата требует удержания протяжных горизонтальных ритмов путем противопоставления им ритмов вертикальных и диагональных. В тональном построении общей темной среды выделяются два небольших светлых пятна — голова и рука командира, которые становятся главными за счет контраста.

Картина «Пропавшие без вести» повествует о солдатах, чья судьба осталась неизвестной. В нашей семье из шести погибших в Великую Отечественную войну — трое считаются без вести пропавшими. Мы не знаем, что именно с ними стало. Поэтому в картине солдаты, уходящие на войну, погружаются в туман, как будто растворяются в неизвестности дальнейших событий. Они идут в одном строю, но в то же время они разные по характеру изображения, по возрасту и принадлежности к тому или иному роду войск, национальности или гражданской профессии... Один из персонажей обернулся, но он смотрит не на зрителя, а чуть в сторону, напоминая фотографию того времени, дошедшую до наших дней. Он думает не о себе, думает о родных и близких, о доме и мирной жизни, за которую он идет воевать. И этот взгляд — как бы прощальная дума о нас, не видя нас... А потомки, в свою очередь, не должны забывать о нем, хоть никогда его и не видели. Фактурно выполненный передний план и сильный тональный контраст позволяют приблизить к зрителю фигуру главного героя.

Комбат
2015 г. Холст, масло. 110×260

Пропавшие без вести
2013 г. Холст, масло. 200×200

Победа. Фрагменты
2014 г. Холст, масло. 450×370
(Картина «Победа» —
на стр. 217)

Картина «Победа» посвящена всем солдатам, принимавшим участие в Великой Отечественной войне. Многонациональное братство великой советской армии изображено в момент ликования, торжества победы добра над злом. Композиционное построение картины формируется вокруг двух центров. Один из них — это собирательный образ солдата, победно воздвигшего руки вверх, и второй центр находится в верхней части холста — в виде двух фигур, оставляющих надписи на стенах. Они стоят на плечах своих товарищей. Символически это означает, что победить можно только вместе... Передо мной стояла задача — показать разные образы героев, раскрыть их характеры, выражение их эмоций.

Поэтому главных героев в картине много и хотелось, чтобы каждый из них рассказал свою историю. Персонажи преимущественно komponуются в шахматном порядке. Так называемый шахматный порядок — расположение композиционных узлов и определенных важных деталей в холсте — обусловлен устройством человеческого глаза. Специфика движения глаза зрителя выражается не в горизонтальном или вертикальном направлении рассматривания поверхности, а в определенной последовательности — слева направо и сверху вниз, как бы наискосок. В сдержанном и где-то почти монохромном колорите картины, полотнище красного знамени становится цветовым и эмоциональным центром. Чтобы это пятно красного не было одиноким, его необходимо поддержать и развить. Красные цвета komponуются между собой в холсте, создавая некое равновесие цветовых пятен внутри монохромного колорита. Тональное развитие холста обусловлено балансом отдельно взятых тонов. Если мысленно разбить тон в картине на три основных: черный, серый и белый, то отдельно между собой они тоже должны быть закомпонированы, обеспечивая тем самым устойчивость и тональное равновесие. Ритмическое движение внутри холста направлено к выделению «центров внимания». Основные движения и ритмы нуждаются в поддержке, то есть в наличии подобных направлений, а также в противопоставлении, тем самым — поддерживая основное направление. Таким образом, используя ритмы, контр-ритмы, тональную организацию и цветовое развитие, создается общая режиссура холста, в которой существует задача — выделить главное и погасить второстепенное. В картине изображены солдаты разных возрастов, типажей и национальностей. Это в очередной раз подчеркивает, что священная Отечественная война носила поистине народный характер и объединила на борьбу с врагом всю страну. Для работы было просмотрено большое количество фото- и кинохроники. Также сохранились фотографии родственников тех лет. Мой родной дед участвовал во взятии Берлина и расписался на стене Рейхстага. Другой мой дед и еще пятеро моих родственников погибли в боях. Всем им — погибшим, и всем вернувшимся с войны — посвящается эта картина.

На мой взгляд, актуальность военной темы сегодня связана не только с юбилейными датами, но и во многом с опасностью пересмотра значимости Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, с переоценкой ценностей, ведущей к массовому безразличию и созданию благоприятной почвы для роста неонацистских настроений в Европе и в мире в целом. В российской культуре тема Великой Отечественной войны и Победы неизменна и является неотъемлемой частью национального самосознания.

Александр Новоселов на выставке «Образы памяти» показала четырнадцать произведений, посвященных Великой Отечественной войне. Среди них — большие сложные композиции и совсем маленькие портретные этюды к ним. Но все они — монументальны. Монументальны по образу строю, по внутренней наполненности изображаемого, по эмоциональному накалу самой живописи, символически обобщающей показанное явление, передающей ему философское звучание. В живописи молодого художника нет быта, обыденности, но всегда есть ощущение высокого бытия.

Каждое полотно его, посвященное Великой Отечественной войне, — живой «образ памяти» и живописный монумент сына — поколению отцов и дедов.

В «книжке отзывов» о выставке имя художника Александра Новоселова упоминается много раз. Один из этих отзывов принадлежит его школьной учительнице — Ольге Васильевне Познакиревой:

«Спасибо молодым художникам за память и гражданскую позицию... Саид, отдельно спасибо тебе. Я горжусь тобой и очень рада, что в моей жизни есть такой ученик».

И еще отзыв, высоко оценивший произведения Александра Новоселова и всю молодежную выставку, написанный заслуженным художником России Л. С. Солодковым:

«Давно не испытывал такого потрясения. Выставка настолько замечательная, настолько патриотичная, и главное — профессиональная!.. Если бы у меня было много денег, я бы приобрел всю выставку и сразу бы получил хороший музей...»

— это мнение коллеги — художника-профессионала.

Портрет отца
2006 г. Холст, масло. 55×50

Портрет
2006 г. Холст, масло. 55×50

Иванов Фрол,
живописец,
член Союза художников России

СЛОВО О КАРТИНЕ

Последний „Первый снег“ — таким было «рабочее» название картины и лишь за несколько недель до завершения оно меняется на: «Не рыдай Мене, Мати...» (в Евангельской иконографии существует одноименный сюжет, под впечатлением от которого и было заменено название). Работа над картиной шла непросто. Жить с таким сюжетом в сердце и голове несколько лет — радости большой не приносило, конечно. (Первые эскизы, наброски и размышления появились еще в 2003 году).

Когда ты погружен в картину, живешь в ней день и ночь, пытаешься осмыслить происходящее, ставишь себя на место героя, страдаешь ему — его горю, горю его родных и вообще горю людей, на долю которых выпала эта невыносимая трагедия войны. Было пересмотрено большое количество жуткого материала фашистских зверств и злодеяний; это не могло не ранить и не обострить чувство ненависти и отвращения. В связи с этим первый вариант картины был порезан. Сложно было мириться с тем, что я изображаю казнь Человека, изображаю врагов и придаю слишком

много внимания их образам (если вообще можно применить к немцам понятие «образ»), амуниции и смысловым деталям. Мой герой сильно проигрывал перед тем, как изображается зло. Не был победителем он и в моем сознании. Это было самым главным и сложным — показать человека на краю гибели, но непобежденным. В отчаянии и гневном холст был погублен.

Спустя год были сделаны другие эскизы, подготовлен новый материал, — и работа возобновилась: формат полотна из квадратного — преобразовался в более вертикальный; новые размышления и идеи «продиктовали» и иную стилистику, пластику будущей картины, позволяющую изображать и выражать замысел, не очень укладывающийся в рамки «чистого», натуралистического реализма. Обратился за «помощью» к иконе и фресковой живописи. Мне хотелось оставить в картине только самое главное, вычистить ее до «знака», отсечь все лишнее и оставить только необходимое для самого «острого» ее прочтения — словом, попытка создать «свою икону»... Задача серьезная.

«Не рыдай
Мене, Мати...»
2015 г.
Холст, масло.
260x250

Фильм «Восхождение» (снятый по повести Василя Быкова «Сотников»), конечно, я видел и раньше, но теперь, когда я писал свое «Восхождение» — посмотрел его снова, более «открыто» и вдумчиво. Этот фильм создала женщина, потрясающе красивая, молодая Лариса Шепитько, в талант и ум которой невозможно не влюбиться. Я был поражен этим фильмом, был поражен и тем, как фильм о казни и смерти вдруг называется «Восхождение»! Восхождение на эшафот или, может быть, Восхождение — это есть Вознесение?! Любовь, могучая древняя живопись, храмовое искусство, неповторимая Лариса Шепитько и ее бессмертный шедевр укрепили меня.

Как человек уходит из этого мира в другой? С какими мыслями, с каким сердцем и с какой душой? Это были, пожалуй, главные вопросы, которые я только лишь попытался решить в своем холсте. Голова героя переписывалась полностью 8 или 9 раз. И вот, когда наконец я почувствовал, что будто он уже и не здесь, на земле; и не слышит зверей-врагов; и не боится смерти, — показалось, что в образе его появилось то ощущение волнительной встречи с вечностью или Богом, как угодно, — я начал внутренне ощущать возможность завершения этой моей «картины-иконы»...

И вот — мой главный герой, мой Сотников, мой Христос, наконец, уходящий к Небесному Отцу, растворяющийся в Космосе и в вечной Памяти, побеждающий земную смерть.

В Великопостном песнопении Спаситель утешает Свою Мать Богородицу, говоря о Своем Воскресении, разрушающем смерть: «*Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Его же во чреве без Семене зачала еси Сына: встану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верую и люблюю Тя величающия.*».

Фрагмент картины
«*Не рыдай Мене, Мати...*»

Зрители, посетившие выставку «Образы памяти», подолгу останавливались у картины «*Не рыдай Мене, Мати...*» Фрола Иванова. Они «читали» в ней мысли автора, они чувствовали его боль, они открывали в ней своё «восхождение к вечной Памяти, побеждающей земную смерть»...

Вот одна из характерных записей о картине в «книге отзывов»:
«*Тронула до слез, до дрожи в сердце картина „Не рыдай Мене, Мати...“.*».

Произведения художника, представленные на выставке — трагичны и исполнены глубокой философской мысли. В них — беда военной поры, боль утрат и высота человеческого духа, что сродни евангельской, вечной, хранимой в недрах души народной...

Триптих «*Молитва*», 2006–2010 гг. Холст, масло
Большая (190×152), Земля (203×92), Надежда (190×152)

О девушке
2015 г. Холст, масло. 190×230

Омовение
2012 г. Холст, масло. 190×230

Камаева Тамара,
живописец,
член Союза художников России

БЕЗМОЛВНЫЕ СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Картина «Без вести пропавшие» была написана в 2014 году. В этом году Россия отмечала одну из кровавых вех в своей истории — 100 лет с начала Первой мировой войны. Сама война и ее последствия были самыми катастрофическими для нашей страны.

Я родилась в Сибири в городе Томске, но отец — военный врач, и всю нашу жизнь мы ездили по разным гарнизонам. Последней точкой его службы была Калининградская область. Большую часть сознательного детства я провела там. Небольшой городок Гусев, в котором я жила, ничем особо не отличался. Но вот настал 2014 год, и оказалось, что там происходили очень важные и решающие бои во время Первой мировой войны. И среди них — «Гумбинненский прорыв», сыгравший большую роль в этой войне. Русские войска открыли второй фронт на востоке, чем оттянули силы кайзеровской Германии от Парижа, и французы сумели его отстоять. Бывшая восточная Пруссия, ныне Калининградская область, единственная территория современной России, где происходили бои Первой мировой войны.

Меня, как художника, жившего в городе Гусеве, очень просили сделать выставку, посвященную этой теме. Я согласилась, но честно слово, очень плохо себе представляла, что же я буду писать. Нужна большая картина. Она должна быть пережита мной. Но как?

Тогда я решила идти от впечатлений детства. Детьми, мы с сестрой часто ходили в лес, на озеро и всегда натикались на следы войны: заросшие, залитые водой окопы; проволоку и гильзы от снарядов, торчащие прямо из земли... Заходя в лес, ты невольно видишь следы войны. Они рядом, безмолвные, иногда опасные, неотступно идут за тобой. Это — следы Великой Отечественной войны, но если взглядеться чуть глубже, то можно найти и более давние — еще Первой мировой. Захоронения, кресты, камни с надписями. Когда я впервые побывала на таком захоронении, я была потрясена этими историческими наслоениями. Вот — кресты немцев, вот — наши, вот — заросшие окопы и деревья — немые свидетели всего, что здесь было. Тогда я поняла, что нужно оттакаиваться от этого эмоционального переживания, но самое сложное — это найти художественное выражение моей идеи.

Без вести пропавшие
2014 г. Холст, масло. 170x240

Человеческое тело так хрупко, но душа бессмертна. Воплотить эту мысль в русле русской реалистической школы мне было очень сложно. Целый год я делала эскизы и искала меру реального и символического изображения. Сначала мне хотелось сделать, чтобы было страшно-страшно. Чтобы показать мучения народа, весь страх и ужас войны. Но чем дальше я работала, тем больше отходила от этих образов. Светлая грусть, вечная память, героически, в первую очередь, образы. Поэтому работа получилась такая — серо-зеленая и печальная. В одном старом дереве запечатлен образ солдата Первой мировой войны, и рядом с ним — в стволе дерева помоложе — солдат Великой Отечественной.

Судьба без вести пропавших, которых нет ни среди живых, ни среди мертвых, застрявших в вечности, — самая печальная... Из моих прадедов, участвовавших в Великой Отечественной войне, никто не вернулся. Один — не дожидая до Победы 10 дней: погиб под Прагой в Моравии. А другой — «пропал без вести». Прабабушке так сказали. Она ходила к цыганке-гадалке и спрашивала: жив он или мертв? Та сказала: он жив и перед смертью придет к тебе. Прабабушка осталась с шестью детьми и решила, что он не захотел вернуться, но простила его и всю жизнь ждала. Только в этом году, когда были рассекречены архивы войны, я на сайте «память народа» нашла своего прадеда. Он был убит под Витебском в 1944 году... Им, погибшим в Первой мировой войне и в Великой Отечественной, — я посвятила мою картину «Без вести пропавшие».

Тихая ночь
2013 г.
Холст, масло. 70x120

К картине, созданной художником, всегда влечет не только гармония, красота или экспрессия живописи, но заложенные в ней — глубина мысли и неожиданность образа. В картине Тамары Камаевой «Без вести пропавшие» поражает найденный ей «образ памяти». Непридуманный, нескалькированный с кого-то, а подсказанный ей реальностью и творческим воображением... Далекие впечатления детства обрели в картине символическое и философское звучание: всё в мире — связано, всё — во всём. Всё одно и целно.

Из «книги отзывов»:

Особенно понравилась картина Т. Камаевой «Без вести пропавшие».

15.07.2015 Чижова А.

Философская картина Т. Камаевой приковала надолго взгляд.

Т. Камаевой. «Без вести пропавшие»

Березы, березы, дубы-колдуны

Вы памяти павших навечно верны...

Враги берегитесь, никто не пройдет —

Вас ржавая пуля с березы найдет!.

Трубицин В. В.

Летний вечер
2014 г. Холст, масло. 59x60

Саша
2011 г.
Холст, масло. 120x60

Восход луны
2014 г. Холст, масло. 80x95

Прада Марина,
живописец,
член Российской Ассоциации художников-маринистов,
член Союза художников России

«Я — УБЕЖДЕННЫЙ ХУДОЖНИК-РЕАЛИСТ...»

В юбилейный год Великой Победы больше думается о людях, добывших эту Победу. Особенно интересны судьбы людей, которые чем-то тебе близки. Теперь, став убежденным художником-реалистом, я смотрю с особым благоговением на творчество моих старших коллег, в полной мере познавших ужасы войны и подаривших человечеству реалистические художественные произведения о военном и трудовом подвиге нашего народа, воспевших человека-созидателя.

Богата талантами белорусская земля. Много известных живописцев породила она. Но только единицам удалось получить художественное образование в стенах прославленной на весь мир Петербургской Академии художеств. Среди них — Моисеенко, Ротницкий, Стельмашонок, которые постигли веками сохраняющуюся и развивающуюся в Академии, исторически сложившуюся традицию русской реалистической живописи. Типичным представителем реализма, а точнее соцреализма, является Семен Аронович Ротницкий. Воздвигать должно реалистической

живописи призывает и предстоящий его юбилей — столетие со дня рождения.

Школу реалистической живописи — Санкт-Петербургский академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина — прошла и я. Мне приятно быть последователем своих земляков. Уже более десяти лет я посвятила военной и военно-морской тематике. Многие факторы сыграли роль в обращении к ней: рождение и жизнь в Беларуси до 19 лет, учеба в Институте им. И.Е. Репина в бывшей батальной мастерской и благодарность ветеранам Великой Отечественной войны за бесценный дар жить в мирное время. Будучи представительницей прекрасной половины человечества, я выбрала отражение войны на холсте не изображением баталий, а опосредованным размышлением о ней. Я родилась в мирное время. Но рассказы близких мне людей, ветеранов, сюжеты документальных и художественных фильмов, прочитанные книги, изучение творчества художников-реалистов старшего поколения — сформировали

мои взгляды и отношение к войне как к величайшей трагедии человечества. Поэтому у меня нет необходимости прибегать к аллегориям и «премудростям» абстрактной живописи.

Мой холст «Жизнь героя — собачья жизнь» показывает контраст оценки заслуг действующих персонажей. Рядом с ветераном войны — присела чья-то собачонка, увешанная «собачьими наградами». Избалованная своими, наверняка преуспевающими молодыми хозяевами, она почувствовала в человеке спокойную уверенность, внутреннюю силу. Он не демонстрирует своих наград, надев только фуражку военных лет и дорогую его сердцу медаль «За отвагу». В его взгляде, словно погруженном в себя, выражается вынужденное смирение и осознание собственного достоинства. Хотя и изувечен он, как на заднем плане картины старый тополь, но он честно прожил свою жизнь... Мы, наряду с благодарностью скромным героям, подарившим нам мирную жизнь, испытываем перед ними чувство неловкости за нашу молодость и беспечность.

Есть у меня картина и о военной беде — «Прощание». Это моя дипломная работа. Она отражает трагедию, характерную для первых лет Великой Отечественной войны, когда женщины и дети при приближении врага вынуждены были покидать свои обжитые места... Весь трагизм происходящего передан в согбенных спинах сломанных несчастьем

Жизнь героя — собачья жизнь
2010 г. Холст, масло. 100x110

Прощание
2010 г.
Холст, масло. 180×160

женщины, устало бредущих по обледенелой степи, неся наскоро собранные пожитки... Они — не оглядываются назад, и только девочка обернулась к родному дому, прижимая к груди икону Спаса Нерукотворного. Исполненные приемы реалистической живописи помогли мне передать ужас происходящего.

На очередной персональной выставке, посвященной 70-летию Великой Победы «По волнам памяти», наряду с холстами о войне, я представила

на суд зрителей серию военно-морских портретов. На них изображены курсанты и офицеры Морского Корпуса имени Петра Великого. Холст «Верные юности» изображает Лаврентьева Анатолия Васильевича — заслуженного деятеля науки и техники Российской Федерации, доктора военных наук, профессора, действительного члена Академии военных наук и Международной Академии информатизации, капитана первого ранга, участника Великой Отечественной войны.

Верные юности
2015 г.
Холст, масло. 90×90

Анатолий Васильевич — крупнейший современный ученый в области военного кораблеводства и выдающийся педагог военных наук. Им опубликовано более 360 научных трудов. Особое место занимают 30 учебников и монографий, написанных им, и более ста учебных и учебно-методических пособий. Анатолий Васильевич постоянно помогал молодым специалистам в подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций (более 170). Его заслуги высоко оценены государством.

Он — кавалер ордена Трудового Красного Знамени, обладатель многочисленных медалей и других правительственных наград. Перешагнув 90-летний юбилей, Анатолий Васильевич продолжает трудиться на благо Родины.

Хотелось бы, чтобы мудрое спокойствие воина, ученого, педагога, — его преданность военной науке, его личный пример защитника морских рубежей, его пронесенная через всю жизнь «верность юности» — всеядли бы

Приветствующий солнце
2015 г.
Холст, масло. 90x70

в молодое поколение уверенность в завтрашнем дне, добытую нелегким мирным трудом и ратным подвигом...

Другой портрет, названный «Приветствующий солнце», изображает капитана второго ранга, старшего преподавателя Высшего военно-морского училища Андрея Михайловича Закусило. Его пристальный взгляд характерен для его уникальной специальности. К тому же он подчеркивает явную увлеченность Андрея Михайловича сложным делом военного специалиста даже в мирное время. За плечами у Андрея Михайловича действительная военно-морская служба штурмана. Он человек, обладающий уникальными строго-специфическими знаниями в вопросах ориентации на морских просторах. В правой руке он держит

«секстант» — прибор для определения географических координат, а левой — легко касается звездного глобуса — объемного изображения небесной среды со звездами. Андрей Михайлович изображен на фоне карты звездного неба, что создает впечатление особой таинственности его «магических» вычислений географических координат.

Двойной портрет изображает «Курсантский эндшпиль», позволяющий молодым людям — курсантам Никите и Михаилу, детям военных моряков, — на шахматной доске найти продуманные ответы на житейские и пока учебные вопросы. Шахматы, как упрощенная модель жизни, помогают развивать сообразительность, строить тактические и стратегические планы, которые понадобятся в военном деле.

Курсантский эндшпиль
2015 г.
Холст, масло. 90x120

Все мои произведения, о которых я рассказывала, написаны в реалистической манере. В моих «военно-морских» портретах мне хотелось правдиво передать не только внешний облик моих героев, но их внутреннее состояние, открывшееся мне в беседах с ними об их профессии, об их отношении к ней.

Воспитанница Института имени И. Е. Репина, его реалистической школы, я считаю, что вся история Российской Академии художеств, продолжающей воспитывать художников-реалистов, подтверждает истинную значимость их труда в отражении в искусстве исторических событий и увековечивании памяти о людях своего времени.

У Марины Прадед своя тема в искусстве. И связана она с памятью о войне и с людьми, посвятившими свою жизнь военной профессии. Память о войне нашла свое выражение в дипломной картине, названной «Процание». Она о «трагическом исходе» с родных мест женщин и детей, гонимых наступающими фашистами... Память о войне и в портретах её ветеранов. В размышлениях об их судьбах в мирной жизни. И рядом с портретами воинов-ветеранов — портреты молодых офицеров и курсантов — будущих защитников Родины. И главное в этих произведениях Марины Прадед — её чувство времени и её ощущение неразрывности связи поколений.

ХУДОЖНИКИ-
РЕАЛИСТЫ
НАШИХ ДНЕЙ

Гадева
Флёра Фаритовна,
искусствовед,
член Союза художников России

И ВНОВЬ О РЕАЛИЗМЕ ... ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ»

Каким бы всеядным ни являлось современное искусство, реализм сегодня по-прежнему занимает прочные позиции в культуре человечества. Более того, насыщенность в его эстетике гуманизма становится все более очевидной.

Не одно десятилетие идут разговоры о жизнеспособности этого метода. Реализм мертв, реализм исторически исчерпал себя, истощился, набил оскомину — подобная интеллектуальная и эмоциональная реакция не нова и в чем-то объективно оправдана. Еще не забыты картины недавнего прошлого, когда искусство было жестко санкционированным, в чем-то запретным, в чем-то разрешенным или полуразрешенным. В плену инструкций и предписанных правил противоречиво развивалось искусство социалистического реализма. С новыми «перестроечными» веяниями в художественное пространство пришли до той поры таившиеся разнообразие течения и направления в их неисчислимых вариациях. Выставочная жизнь поменялась кардинально. Выставлялось все, что ранее казалось недопустимым с точки зрения

администрирования и традиций. И все же, несмотря на сложности прошедшего столетия, каждый период развития советского и постсоветского искусства оставил имена выдающихся художников, благодаря которым продолжается история большого искусства, школы высокого профессионального мастерства.

В искусстве какие-либо толкования сегодняшних направлений кажутся абсолютно условными и схематичными. В потоке «измов» размылись видо-вые границы пластических искусств. Все смешалось в стремлении радикально разрушить прежние устои: мировоззренческие и профессиональные.

Идея полной свободы, свободы творить без комплексов, любыми средствами во имя содержательности произведения стала смыслом общего художественного процесса. Но очень скоро содержательность ушла в зрелищность, в игры ума. Внешние, занимательные эффекты, создаваемые по принципу «удиви меня», эпатажные трюки, эксплуатируемые до тех пор, пока они остаются доходными, еще более усугубили эстетику парадокса и абсурда. Власть моды, постоянно меняющейся в условиях рынка, стала всеядной.

Антиискусство, контркультура, антиэстетика — какова перспектива этих позиций сегодня, и есть ли у них будущее? Не приведет ли такая свобода творчества к потере самого искусства, к распаду этической, гуманитарной основы художественной деятельности? В этом контексте встает вопрос о первопричине творчества: чем определяется бытие искусства, каковы его изначальные функции?

С точки зрения общекультурной, этической искусству издавна были присущи основополагающие функции — познание, изображение, выражение, катарсис. Последнее понятие аккумулирует конечную цель искусства — возвышение, очищение, облагораживание, просветление.

Долгие, изнурительные попытки самоопределения и самоактуализации художника как независимой личности, которая бесстрашно препарировует действительность, а потом от нее же и бежит, лишь усугубили смятение, разброд художественного сознания.

Принцип «искусство для искусства» не выдерживает испытания временем. Не может искусство существовать только для самого себя, чтобы не превратиться в коммерческий продукт бездушной конъюнктуры, не может художник творить только для утверждения своей «самости», чтобы не зайти в тупик. По большому счету, предназначение искусства, а вместе

На открытии выставки произведений
художников творческого объединения
«На солнечной стороне»
2015 г. Фото

с ним и художника, — предостеречь, защитить человечество от хаоса. Соотношение свободы и нравственной ответственности предопределяют целесообразность творчества. Что декларирует, что изливает в этот мир художник в вечном стремлении познать мир вокруг себя, и более — создать мир вокруг себя. В ходе нарастающих проблем в современной действительности единственным условием существования высокой культуры является высокий уровень морали.

Тогда и вопросы художественного языка, методов и приемов вряд ли будут стоять так остро и категорично. Как показывают история и современность, язык искусства безграничен в своем художественном формотворчестве. Познает ли художник натуру или абстрагируется от нее — во всем есть своя объективная логика, свои уникальные находки. Искусство развивается естественным путем, когда нет давления догм, принуждающих к правилам, и нет принуждения к новизне во имя новизны любой ценой, на потребу страстям неблагополучного общества. И вновь высокое целеполагание является определяющим фактором творчества.

В мире бесконечных форм художников могут объединять внутренние ориентиры, а именно — близость мироощущения, духовных и этических запросов. Потребность отделять красоту от уродства, уникальность — от суррогата,

Художники творческого объединения «На солнечной стороне»
2015 г. Фото

Светлана Шевчук. Остров Свяжск. У входа в монастырь
2010 г. Холст, масло. 60×70

имитацию чувств — от глубоких переживаний дает животворящий импульс для обновления и очеловечивания искусства.

С этой точки зрения школа реализма, с ее высокими мировоззренческими устоями, с ее важной установкой «не навредить», с ее принципиальным требованием профессионального мастерства имеет особое значение. Именно у этой школы остается великая миссия: вернуть в лоно искусства общечеловеческие ценности, накопленные столетиями, сохранить и передать в будущее традиции чувственного и нравственного познания мира. Огромный уникальный пласт бесценных традиций, накопленный с помощью реалистического метода художественного творчества, есть наш золотой фонд. Уходят мастера, с громкими и негромкими именами в искусстве, уходят целые поколения искренних, честных тружеников — создателей, служителей искусства.

Олег Теняев. Маруся
2014 г. Холст, масло. 180×200

Григорий Гусков. Дикie яблочки
2008 г. Холст, масло. 150x300

Татьяна Чернова. В жаркий полдень. Горожане
2014 г. Холст, масло. 40x60

Их взгляд на мир, открытый, любящий, страдающий, сегодня для нас точка душевной опоры. Не презрительное самоосмеяние уставшего извращенного ума, а моральная поддержка, не последовательное, целенаправленное «вымывание» души, а преображение, возвышение искусством.

Немалое число учеников и последователей этих мастеров живут и работают сегодня согласно их художественным принципам. Среди множества групп современных художников как знаковое явление зарекомендовало себя творческое объединение «На солнечной стороне». Каждой весной в залах Союза художников Санкт-Петербурга проходят его выставки с одноименным названием. Первая выставка, спонтанно сформировавшаяся в 2011 году как тематическая, очень быстро переросла в проект с четкой целевой концепцией: «создать территорию солнца, где позитивный взгляд на мир пробудит бы позитивный ход самой жизни!» За годы существования этого проекта идея созидательного, жизнеутверждающего восприятия мира стала в творчестве художников программной. «Солнечная сторона» для авторов — это сфера духовных переживаний, основывающихся на принципах позитивного мышления как системы ценностей, в которой жизнь есть самое большое богатство, дарованное человеку. Художественным кредо мастеров является стремление поднять его

Виктор Лякало. Русь
2013 г. Холст, масло. 70x75

Ольга Ивлева. Август
2013 г. Акварель, бумага. 45×60

Азат Галимов. Город золотой
2015 г. Холст, масло. 105×135

над обыденностью, показать мир равновесия и гармонии. Только открытый человек способен увидеть и оценить красоту окружающей реальности, ощутить радость бытия. Выйдя из хаоса негативных реакций, человек иначе понимает смысл жизни и своего предназначения.

Не случайно, что встреча с «солнечным Художником» воспринимается каждый раз как событие яркое и впечатляющее, превращается в праздник искренних чувств и светлых переживаний. Выставка, которая не травмирует, а радует глаз и вдохновляет, становится уникальной и запоминающейся, потому что вселяет оптимизм, доверие к жизни. Продолжая развивать лучшие традиции пленэрной живописи, годами оттачивая мастерство работы с натурой, участники выставки черпают вдохновение во всем, что их окружает. Живая реальность как неисчерпаемый кладезь художественных образов рождает произведения, полные энергии жизнелюбия и души.

По законам Вселенной мир должен принадлежать тому, кто любит его и кто ему рад!

*Василий Шевчук.
Девушка среди сирени
2008 г. Холст, масло. 80×60*

*Андрей Селезин. Весна
2013 г. Холст, масло. 80×180.*

*Петр Кривенко. Натюрморт с тыквами
2011 г. Холст, масло. 95×150*

Александр Немакин. Полдень. Водопой
2011 г. Холст, масло, 95x150

Анатолий Лукаш. Летнее настроение
2013 г. Холст, масло, 70x90

*Нечитайева
Надежда Борисовна,
искусствовед,
член Союза художников,
действительный член
Петровской Академии наук и искусств*

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ ЖИВОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Летом нынешнего года — юбилейного для Семена Ароновича Ротницкого, в Русском музее — филиале его Михайловском замке — проходила выставка произведений петербургских художников, названная «Верность традиции». Само название говорит о направленности ее, о связи поколений, о школе, сохраняющей классическое художественное образование. И все это близко и дорого художнику Ротницкому. К тому же многие участники этой выставки — его сверстники и тоже бывшие фронтовики. Они, как и Семен Аронович — художники-реалисты, верные хранители реалистических традиций, воспитанные российской художественной школой. И важно, что рядом с ними — талантливая молодежь, уже их преемница в сохранении и развитии реалистических традиций нашего искусства, нашей классической академической школы.

Выставка организована была компанией ООО «Газинформсервис» (к 10-летию ее основания) совместно с Русским музеем. Название ее выражает главную творческую направленность произведений, представленных

в экспозиции. Все они исполнены в лучших традициях русской реалистической живописи и принадлежат художникам, воспитанным петербургской академической школой, сохранившей и сегодня, в отличие от Европы, классическую систему художественного образования, основанную, как говорил П. П. Чистяков, «на законах природы и науки».

Представленные на выставке произведения входят в частную коллекцию, владелец которой — Валерий Федорович Пустарнаков — представитель современной образованной «деловой элиты». В наш век стремительно растущего технического прогресса и экономического рационализма собирательство произведений искусства для него — не только «отдохновение и удовлетворение личной эстетической потребности», но редкое в наши дни благородное желание поделиться с людьми той радостью, которую испытывает он от соприкосновения с другой сферой деятельности — духовной, открывающей ему тайны творчества и великую силу искусства. Со временем желание «поделиться радостью с другими» побудило его к поддержке и личному участию в организации

художественных выставок, а затем и к показу зрителям своей коллекции. Профессиональную помощь в собирании произведений искусства Валерию Федоровичу оказала искусствовед Е. Д. Сапогова — организатор и художественный руководитель ряда успешных выставочных проектов. В выставках этого проекта принимали участие известные мастера петербургской живописи, представляющие реалистическое направление в современном искусстве. И главное, выставки эти, как некогда произведения «художников-передвижников», показаны были в разных городах России: в Сочи, Екатеринбурге, Казани, Уфе. Судя по посещаемости и отзывам зрителей, встречи с искусством города на Неве доставляли им огромную радость. Они, как сказано в книге отзывов, «восхищались реалистическим великолепием петербургской живописи», «торжеством профессионализма», «человечностью, искренностью, теплотой произведений искусства»... «Реалистические художники всегда будут актуальны и востребованы зрителем, ибо они определяют уровень современной культуры», — пишут В. М. Созюкина, Е. Н. Гасникова, А. А. Хардина — ведущие научные сотрудники Уфимского художественного музея имени М. В. Нестерова.

Участие В. Ф. Пустарнакова в «передвижных выставочных проектах», связанных с искусством современных петербургских художников-реалистов, определило и сформировало его «коллекционерский вкус». Многие в понимании искусства пришло к нему при личном общении с художниками, посещении их мастерских. «Кто, как не сам художник, творчество которого тебе интересно, — говорит Валерий Федорович, — может раскрыть главную мысль в картине, поделиться с тобой профессиональными знаниями и своим пониманием искусства...»

Сегодня коллекция В. Ф. Пустарнакова насчитывает более четырехсот произведений современных петербургских художников. Все они приобретены за два последних десятилетия и принадлежат кисти двадцати авторов, известных петербургских мастеров. «Реалистическая живопись, — говорит коллекционер, — дает возможность насладиться не только цветом,

но и формой изображенного, что дает более полное понимание содержания работы <...> Кроме того, реализм — это направление, которое требует от художника большого профессионального мастерства: владения рисунком, композицией, перспективой <...> Художники-реалисты — большие труженики, за что я их уважаю, а их работы — люблю! <...> К тому же реализм требует от художника большой ответственности за свой труд <...> Именно это, по моему, делает реалистическое направление в искусстве наиболее правдивым, конкретным, глубоким и осмысленным...»

Пополняя свою коллекцию новыми работами, собиратель размышляет о ее будущем, он мечтает, чтобы его коллекция ознакомила с петербургским искусством жителей провинции. «Чтобы, соприкасаясь с прекрасным, они гордились нашим искусством, нашими талантами, нашей Родиной...»

Конечно, частные коллекционеры редко имеют возможность похвастаться наличием больших тематических картин, но это с лихвой искупается человечностью, теплотой, задушевностью произведений более камерных жанров... Живописцев — авторов этих полотен объединяет не только личный эстетический вкус коллекционера и реалистическая направленность их творчества, но, как я говорила уже, общность художественной школы. Петербургской школы. И учителями их были не только известные мастера реалистического искусства — профессора Петербургской Академии художеств (ныне — Всероссийского академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина), но и сам город на Неве, его история, памятники, его улицы, площади, набережные... Его Эрмитаж, Русский музей... И эта причастность художников к великим творениям прошлого воспитывает их талант, приобщает к традициям, питает творчество.

Эту школу — академическую (Академии художеств) и классическую (города, с его творениями великих зодчих, скульпторов, живописцев) прошел в свое время и Семен Аронович Ротницкий, и это роднит его с теми художниками, чьи произведения были показаны на выставке «Верность традиции».

Старая Ладога
1984 г. Холст, масло. 50x74,5

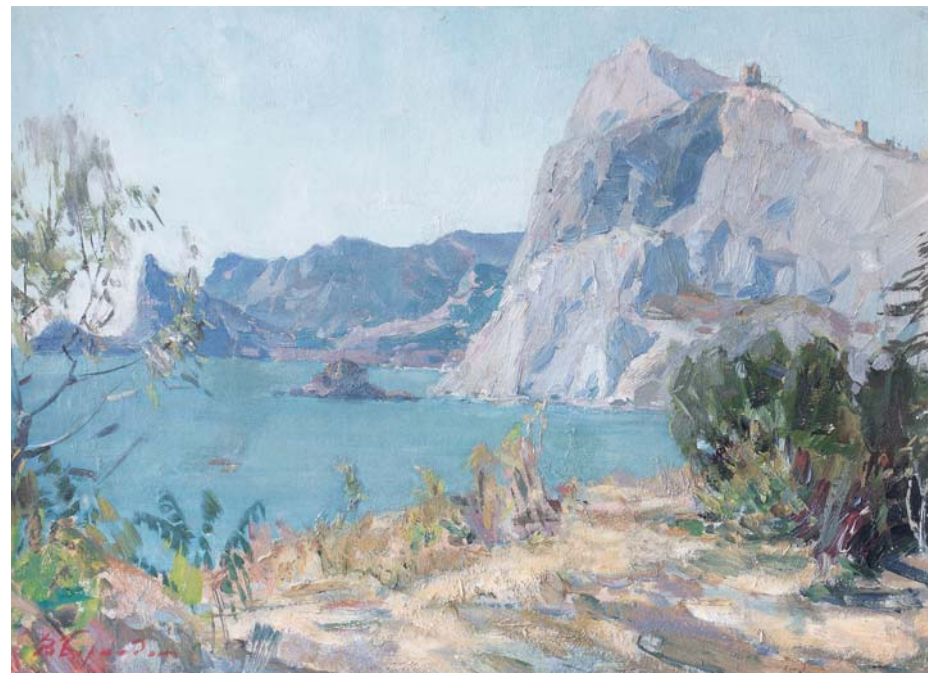
Володимиров Николай Николаевич (1919–2006)

«Для меня прошлое и настоящее — одно, — любил говорить Николай Николаевич, — одно — из другого. Одно в другом. Все это — наша жизнь, Россия, Родина...»

Бернадский Валентин Данилович (1917–2011)
Народный художник Украины, Народный художник России

«Я хочу «заразить» окружающих любовью к красоте и торжеству жизни, которую испытываю каждую минуту...» (В. Д. Бернадский)
Его называли «певцом солнечного Крыма».

Восточный Крым
1969 г. Холст, масло. 50x70

Бернадский Геннадий Валентинович (1956 г. р.)

«В его успехах, — говорил В.Д.Бернадский о сыне, — есть и моя частичка — ведь это моей кистью он делал первые робкие мазки...»

Геннадий Бернадский — мастер любопытнейшего жанра, соединившего в себе роскошный крымский натюрморт с портретом.

Голубая чашка
2009. Холст, масло. 85x115

Тихая осень
1978. Холст, масло. 57x67

Загонек Вячеслав Францевич (1919–1994)
Народный художник СССР

«Цель моего творчества — выразить языком живописи ту просветляющую гармонию, которая существует в природе...»

Рейхет Виктор Иосифович (1922 – 2000)
Народный художник России

Посетив Дрезден, художник побывал на том самом месте набережной Эльбы, откуда в сорок пятом году смотрел на разрушенный Дрезден. Воспоминания, навеянные поездкой, легли в основу картины «На Эльбе. 1945-й»

Дрезден. Набережная Эльбы
1968. Холст, масло. 35,5x47
(этюд к картине «На Эльбе. 1945-й» (1969))

Смирнов Сергей Игнатьевич (1922–2014)
Заслуженный художник Российской Федерации

Пейзаж – в разных обликах, состояниях, настроениях — главное содержание жизни художника. И каждый из них — камерный или эпический — частица великого целого, именуемого Природа.

Золотая осень
1989 г. Картон, масло. 60×45

Борисенков Василий Павлович (1924 г. р.)

Любой неприятательный пейзаж, любую деревеньку художник пишет с особой нежностью и теплом.

Об этих неприятательных пейзажах можно сказать словами Л. Н. Толстого: в них — «скрытая теплота патриотизма».

Сложки
1971 г. Картон, масло. 35×49,5

Савенко Иван Григорьевич (1924–1987)
Заслуженный художник РСФСР

«Еще в детстве, в родном украинском селе Варваровке, — вспоминал художник, — проводя целые дни на пастбище или в полях, среди высоких хлебов, я испытывал удивительное и прекрасное чувство общения с природой...»

Пейзаж с рожью
1975 г. Картон, масло. 45×60

Варичев Иван Михайлович (1924 г. р.)
Народный художник России

«Пейзаж — моя любовь. Я никогда не изменял ему и всю жизнь писал только пейзажи, только природу нашу».

На Ахматовой горе
2002 г. Холст, масло. 60×50

Масленикова Ирина Николаевна (1925–2006)

В акварелях художницы природа, преображенная восторженным чувством, волшебной кистью ее — превращается в «поэтические видения», не копирующие природу, но навеянные ею.

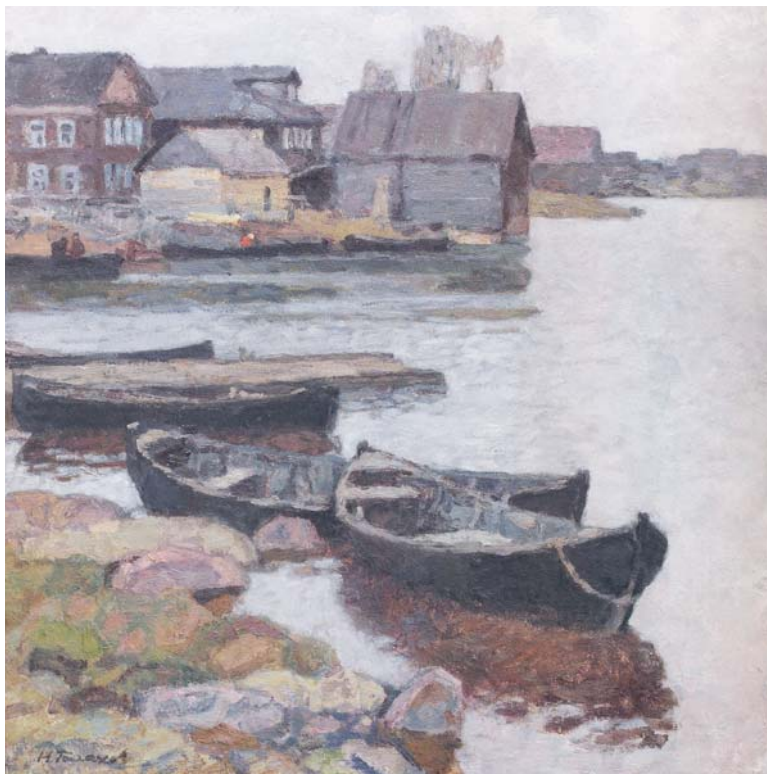
Молодые берёзки
1963 г. Бумага, акварель. 47×44

Савенко Николай Иванович (1957 г. р.)

Пейзажи города на Неве художник пишет без пафоса, без патетики, глазами сына, любящего свою мать, независимо от того — красива она или нет!.. Он любит и понимает природу. Но это — уже «семейное приобретение»: от отца, И. Г. Савенко — мастера пейзажного искусства, и матери, И. Н. Маслениковой — виртуоза акварельной живописи.

На Петроградской вытал снег
2004 г. Холст, масло. 60×70

Лодки в Сумпасаде
1960. Картон, масло. 70х60

Галахов Николай Николаевич (1928 г. р.)
Заслуженный художник России

*Всю Россию извездил художник, но родное, близкое себе —
светлое, с грустинкой и думой, нашёл в Карелии. Карелия —
земля тихая. Скромная. И все как-то неброско в ней, но глаз
не оторвать!..*

А. С. Пушкин. Вечер
1998. Холст, масло. 108х115

Репин Николай Никитович (1932 г. р.)
Заслуженный художник России

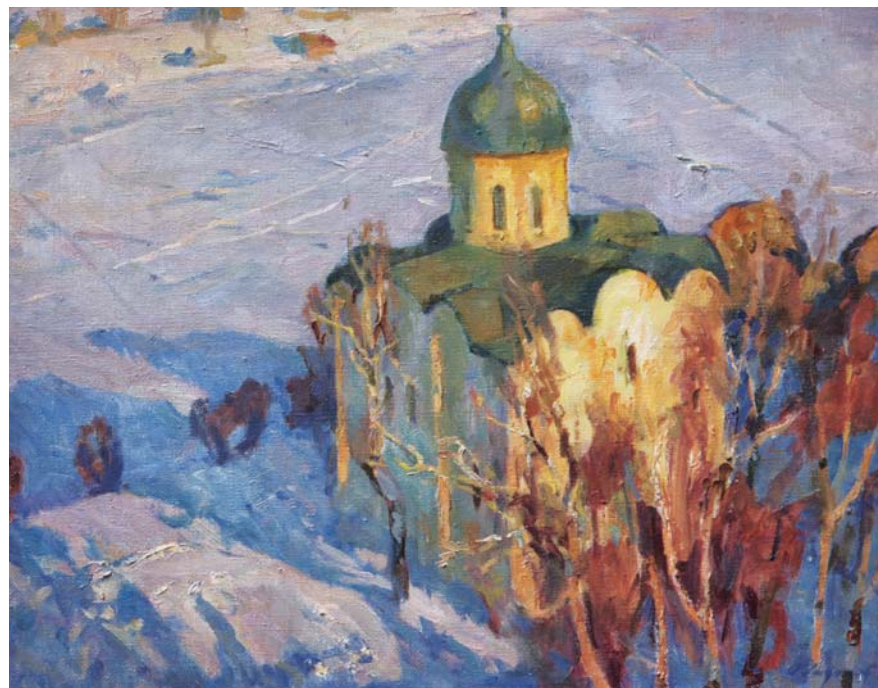
*«... Вот вечер: вьюга воет;
Свечи темно горит; стесняясь сердце поет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю...»*
(А. С. Пушкин)

Рубан Маргарита Александровна
(1934–2011)

Ей подвластны все жанры живописи, но что всегда слезалось в песню души ее — букеты. Эти натюрморты — частичка любимой ею природы, что всегда была рядом с ней.

Васильки
1970. Картон, масло. 52,5x29,5.

Святой Георгий
1970. Холст, масло. 50x65

Гадалов Олег Сергеевич (1935 г. р.)

Работая в Старой Ладоге, художник не раз писал древний Георгиевский собор. Но однажды он написал его не с земли, как все, а с верхней точки, взобравшись по канату на воротную башню — на 30 метров над землей!

Мариинка
1968. Картон, масло. 57×65

Семенов Борис Алексеевич (1935 г. р.)
Народный художник СССР

Переживший ленинградскую блокаду, свой город художник любит благоговейно. Город на Неве — его стихия. Он постоянно пишет его — осенним, зимним, нарядным летним...

Теняев Олег Анатольевич (1960 г. р.)

В Балаклаве, расположенной на берегу привудливо изогнутой бухты в окружении крутых скал, особый, как говорят художники, «светоклимат»: в замкнутости пространства, соседствующего со стихией моря, краски так переменчивы и так напоены солнцем, воздухом, светом!..

Осень в Балаклаве
2010. Холст, масло. 65×100

**Братанюк
Василий Иванович**
(1964 г. р.)

Легендарной Галине Улановой понравились «балетные этюды» художника умением «читать» рисунок танца, «улавливать» каждый жест балерины. Она дала ему полезный совет: «Прежде всего, ищите образ. Наблюдайте. Присматривайтесь».

Ольга Шангелия.
Балет «Лауренсия»
2004. Холст, масло. 60x40

За чтением. Пустарнаков Валерий Фёдорович
2014. Холст, масло. 60x70

Братанюк Василий Иванович (1964 г. р.)

Художник остро чувствует характер, настроение, пластику изображаемого человека... В вечерний час у каминя изображен Пустарнаков Валерий Фёдорович — генеральный директор компании ООО «Газинформсервис», — представитель современной, деловой элиты, любитель искусства, меценат, владелец коллекции, представленной на выставке «Верность традициям».

Ямоль
Александр Васильевич,
художник, искусствовед,
специалист по гидроакустическим
приборам подводных лодок

ВОПЛОТИТЬ «МИМОИДУЩЕЕ МГНОВЕНИЕ» ...

Наверное, нет в мире более интересного, увлекательного и завораживающего занятия, чем живопись. Ведь это и самый древний, и самый современный вид искусства.

Несмотря на природные катаклизмы, разрушительные войны и другие невзгоды и страдания, веками и тысячелетиями наиболее культурно мыслящая и творчески одаренная часть рода человеческого пытается облагородить жизнь людей, сделать ее лучше, интереснее, прекраснее. Борис Пастернак писал: «Культура — плодородное существование. Такое определение достаточно. Дайте человеку творчески изменяться в веках, и города, государства, боги, искусство — появятся сами собой, как следствия, с той естественностью, с которой зреют плоды на фруктовом дереве».

Мне эта мысль писателя и поэта очень близка. Будучи художником, я считаю, что живопись, как величайшему виду изобразительного искусства, в человеческой культуре принадлежит особое место: художники-живописцы разных веков и народов целенаправленно и самозабвенно воплощают в красках одухотворенные образы бытия своего времени. И эти

«естественно-вызревающие плоды» на вечном «древе Культуры» творят «плодотворное существование» его...

С раннего детства притягивали меня к себе эти «плоды вечной Культуры» — сначала в картинках детских книжек, потом — в журнальных репродукциях картин, потом — в альбомах произведений живописи любимых художников: Айвазовского, Саврасова, Федора Васильева, Левитана, Пластова... Их живопись приобщала меня к таинственной красоте природы... Рисование стало моим занятием с раннего детства. В 1970-х годах я увлеченно стал заниматься масляной живописью, изучением творчества великих художников, делал первые попытки копирования Айвазовского, Куинджи, Брюллова... Тяга к творчеству привела меня в мастерскую известного живописца, Заслуженного художника России — Владимира Игнатьевича Табанина. Его уроки упорядочили мои профессиональные знания и — «очень сдвинули» меня в рисунке и живописи. Его творчество, занятия и беседы с ним об искусстве — очень помогли мне в понимании технических основ рисования и живописи.

Постоянное занятие живописью, интерес к искусству (несмотря на то, что моя первая специальность сугубо техническая — специалист по эксплуатации гидроакустических приборов подводных лодок) открыли мне дорогу на факультет теории и истории искусства Института имени И.Е. Репина... И здесь я профессионально осмыслил свои занятия живописью, свое постоянное тяготение к русскому пейзажу, к традициям, заложенным в нем творчеством великих мастеров XIX и XX веков: Айвазовского, Шишкина, Саврасова, Левитана, Куинджи, Пластова... В русской природе я вижу не только красоту ее, но — глубокую связь с прошлым и настоящим России.

Особенно люблю я Русский Север. Люблю его бескрайние леса, состоящие из удивительного переплетения участков хвойных деревьев (лиственницы, сосны, ели, кедр) и лиственных (березы, осины, ольхи, дуба, клена, рябины). Особенно красивы смешанные леса, в которых краски хвои, листьев, ветвей, коры стволов причудливо переплетаются между собой в бесконечном количестве оттенков, тональных переходов, выразительной контрастной игре чистых тонов. Все это великолепие рождает у живописца огромный калейдоскоп идей, но лишь одна из них во время работы с натуры, где-то в глубинах души, превращается в осознанный художественный образ, воплощающийся в красках на холсте.

Осеннее утро
2014 г. Холст, масло. 30x40

Возвращение из похода
2008 г. Холст, масло. 40×50

С особым удовольствием я пишу пейзажи, связанные с водой. Это, наверное, оттого, что почти восемь лет служил я на атомных подводных лодках Северного флота. Есть у меня и пейзаж на эту тему — холодное Баренцево море и всплывающая над водой подводная лодка.

Работая на природе, я часто вспоминаю строки стихов любимых поэтов, созвучных по настроению изображаемому пейзажу. Евгения Баратынского — современника Пушкина, я всегда вспоминаю на суровых берегах Финского залива, Ладоги, особенно любимых им:

Как все вокруг меняет грозно взор!
Пустынный неба свод, угрюмый вид Природы,
О каменистый брег дробящиеся воды —
И дремлющий над ними бор...

Величественна красота Ладожского озера с островами Валаамского архипелага и чудным островом Коневец. На острове Коневец мне довелось побывать с группой художников, участвующих в проекте «По святым местам». В этой поездке я написал много этюдов, которые послужили основой для работы над картинами. Остров Коневец — небольшой по величине (длина — 5,5 км, ширина — 3,5 км) поражает своей природной красотой. На острове находится старинный Коневский монастырь, основанный в XIV веке. На моей картине «Остров Коневец. Коневский скит» (Х., м. 50×80. 2007) изображено место на юго-восточной части острова, где вековая сосна, словно страж, возвышается над соседними деревьями, над куполами храма, над шатром колокольни старинного скита Коневского монастыря. Вдали, окутанный легкой дымкой, виден небольшой островок с названием «Каменный»... Все вокруг погружено в тихий предвечерний июльский покой...

На берегах Ладоги
2015 г. Холст, масло. 50×70

Остров Коневец. Коневский скит
2007 г. Холст, масло. 50×80

Старая часовня
2007 г. Холст, масло. 40x50

Неповторимы впечатления, полученные мною во время путешествия по Карельскому перешейку весной 2008 года. Тогда удалось сделать много этюдов и рисунков, передающих скромную, тихую красоту нашей северной природы, которая для меня по силе воздействия на душу — не имеет себе равных! Особенно хороша там весна... Весна — такое время года, когда природа, пробуждаясь от зимнего сна, начинает звучать не только пением птиц, журчанием ручьев и шелестом ветвей, освободившихся от тяжести мокрого снега, но и музыкой нежных весенних красок, игрой светотени в них и блеском миллионов солнечных бликов на чистой глади рек и озер. А как хороши, словно спрятанные среди берез и осин, старые деревянные часовенки, окруженные ковром полевых цветов! Карельский пейзаж особенно близок мне, и я пишу его с особым удовольствием! Я люблю его бесчисленные озера, реки и речки, его порожистую Вуоксу, суровые берега Финского залива и особенно место, где впадает в него Черная речка.

И конечно, невозможно не писать наши городские парки на Елагином и Каменном островах. А сколько красоты в парках петербургских

пригородов — в Александрии и Английском парке Петергофа, в парках Павловска, Царского Села, Ломоносова, Гатчины... Я постоянно пишу их и не перестаю удивляться их красоте!

Пейзаж — удивительный жанр искусства! Общение с природой облагораживает душу, стимулирует творчество, обостряет чувство гармонии. И, зная, любя нашу северную природу, по-иному — тоньше, острее, начинаешь воспринимать природу средней полосы России — Тверской край, где рождались пейзажи Репина, Степанова, Валентина Серова... И конечно, по контрасту с Севером — видится мне и южный пейзаж — солнечный, праздничный, где так резко и так гармонично в цвете противостоят друг другу — тени и свет, море и горы, небо и земля.

И еще — живя в городе на Неве, невозможно не писать городские пейзажи: любимые уголки на Мойке, на каналах; панорамы мостов над Невой, знакомые дома, улицы. И хочется, чтобы любимое тобой в искусстве — стало любимым для многих. Ведь «задача искусства, — писал поэт Валерий Брюсов, — сохранить для времени уходящее мгновение жизни — воплотить это мгновение, это мимолетное»...

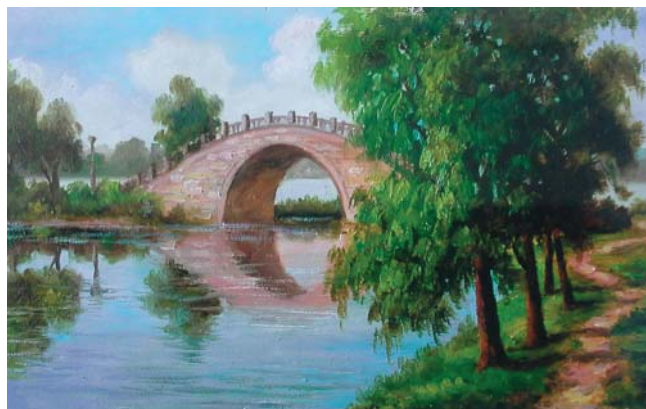
Гатчинский парк. Золотая осень
2008 г. Холст, масло. 30x50

Вечер на Южно-Китайском море
2012 г. Холст, масло. 100×140

Китай. Утро в горах
2014 г. Холст, масло. 80×100

Китай. В окрестностях города Ву-Ши
2012 г. Холст, масло. 50×60. Этуд

Монголия. Закат
2012 г. Холст, масло. 120×160

РЕАЛИЗМ
И ДУХОВНОЕ
ИСКУССТВО

Степаненко Анна,
искусствовед,
член Союза художников России

ИНТЕРЕС К ЭТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ЛИЧНОСТИ (АСПЕКТ ТВОРЧЕСТВА АНАТОЛИЯ ШУМКИНА)

Анатолий Шумкин — выпускник Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, окончивший мастерскую под руководством В. С. Песикова и преподавателей Н. Н. Репина, Н. С. Лысака и Н. Д. Блохина. Еще до обучения в Академии Анатолий начал задумываться о том, какую роль в жизни художника играет реалистическое искусство, которому он решил посвятить свою жизнь и профессию. В процессе обучения под руководством опытных преподавателей, изучая биографии и творчество великих мастеров реалистической живописи, посещая музеи и тщательно исследуя полотна выдающихся художников, он пришел к пониманию значения реализма в современном искусстве, осознал важность преемственности традиций в сохранении реалистической школы.

Художник — это творец, создающий нечто новое, дающий миру произведения, способные изменить других. В искусстве своем он исследует грани человеческого восприятия, сущность добра и зла, людские эмоции, социальные явления. Его деятельность и творческое развитие адресовано

всем. И зритель, погружаясь в созерцание картины, открывает для себя что-то новое. Живопись помогает ему глубже понять устройство мира, увидеть его красоту и гармонию в самых разных аспектах — как в детстве, когда ребенок, исследуя окружающее пространство, видит все в отдельных предметах, но, вырастая, утрачивает эту способность восхищаться частностями. Художник погружается в то, что его волнует, и пишет холст, переживая интересующую его проблему или явление. Живопись, работа над картиной — главный путь его духовного роста. Конечно, для хорошего художника важна техника, ему нужно воссоздать задуманный образ именно так, как он себе его представляет — в деталях, мазках, нужной тональности, игре светотени, в необходимых красках и колорите.

Если человек выбирает путь художника-живописца, то ему необходима грамотность в выбранной профессии: умение рисовать, компоновать, знать законы живописи, анатомии и других дисциплин, помогающих начинающему художнику стать полноценным мастером. В России сохранилась, благодаря богатейшему культурному наследию русских художников, строгая

академическая школа реалистической живописи, известная во всем мире. Художника Анатолия Шумкина в этом виде искусства привлекает, прежде всего, форма, возможность создания определенной среды, воздушной перспективы. Его интересует техника «живого письма», которая делает картину динамичной, экспрессивной. Именно такой подход позволяет не только художнику, но и зрителю стать участником творческого процесса. Ведь информация о внутреннем смысле и содержании картины закладывается, прежде всего, в красочном слое, в технике живописи, в оголенной структуре мазка, который, подобно электроразряду, создает вибрацию, рождая в сознании зрителя ответную эмоцию.

«Главное, — говорит Анатолий, — в своем творчестве оставаться честным». Настоящий художник посредством своего искусства задает вопросы и пытается на них отвечать искренне, от сердца. Иначе все, что он делает, обесценивается и теряет смысл. Ему интересен внутренний мир человека. Поэтому в настоящее время Анатолий работает над серией «Се Человек», посвященной последним дням жизни Христа. Герой рассматривается с человеческой, духовной и философской точек зрения, без религиозного контекста. Для художника Христос является примером высокодуховной личности, а путь его земной жизни — символом и якорем христианства, философии и даже психологии. Личность Христа помогает раскрыть сущность человека

Перед Голгофой
2013 г.
Холст, масло. 66×48

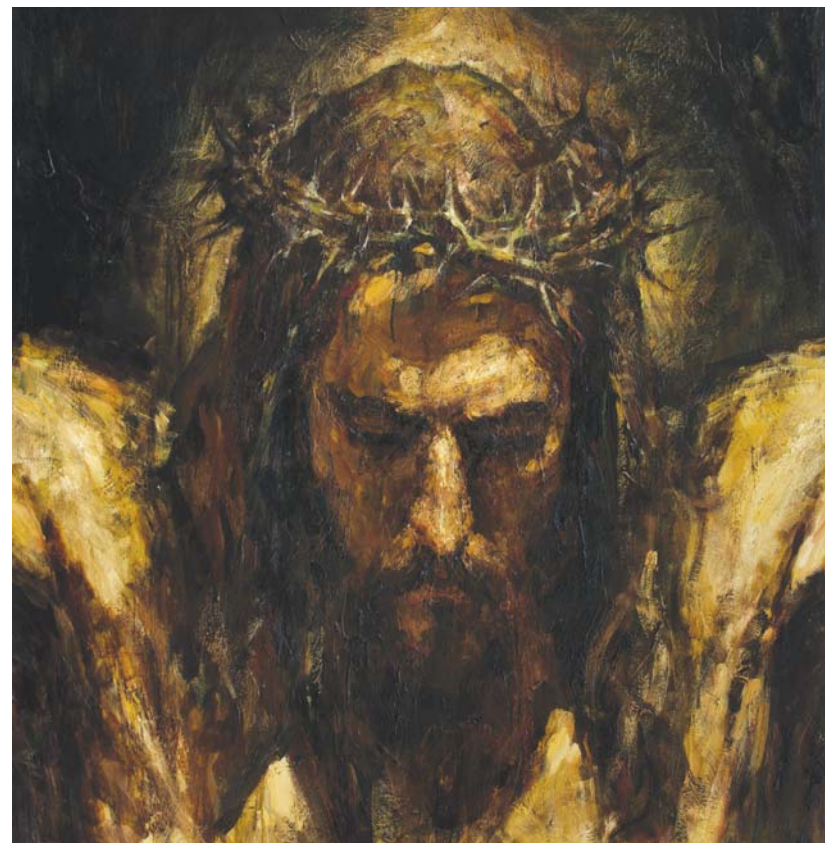

Смирение
2013 г.
Холст, масло. 200x150

и осознать его несовершенство. Личность и путь Христа являются ориентиром для людей, стремящихся очистить свою душу, жить по совести и научиться любить ближнего и окружающий мир. В современном обществе часто происходит подмена понятий: истинное заменяется ложным, духовное — материальным. И в гонке за комфортом, благополучием и властью люди забывают о главном — все это в могилу не унесешь. И после жизненного пути и постоянного выбора между добром и злом — остается душа, о которой человек порой забывает. Наблюдая по живописным полотнам историю, которая изменила мир, зритель осознает выбор Христа, его подвиг и смирение. Он становится сопричастным этому подвигу. Ведь понимание — первый шаг, ведущий к последующим изменениям в сознании, к формированию внутреннего духовного стержня человека. Счастливы

тот художник, который может затронуть своим творчеством зрителя, заставить его задуматься, задержаться перед холстом, проникнуть в образ героя и уйти — уже способным изменить себя и мир к лучшему.

Для Анатолия Шумкина живопись — это средство передачи важной информации, осознания присутствия Бога в каждом человеке. Именно эта идея определила название серии «Се Человек», подразумевая не только то, что люди, подобные Христу, совершают духовный подвиг, но и то, что мы все способны стать светлее и чище. Задача, поставленная художником, требует высокого уровня мастерства и техники. Выбранная им реалистичная манера живописи максимально точно передает концепцию полотен, погружая зрителя в содержание произведения искусства через понимание формы, посредством которой оно выражено.

Распятие
2013 г. Холст, масло. 160x145

Отец
2013 г. Холст, масло. 81×41

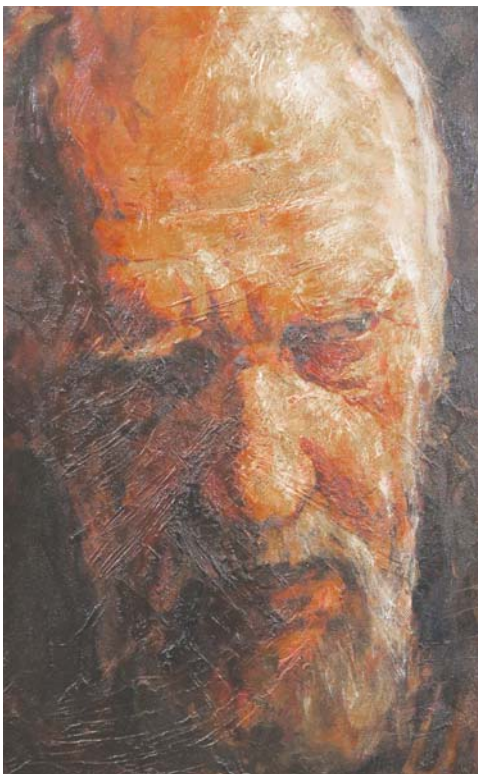
Есть у Анатолия серия портретов, названная им «Старики». Она включает в себя живописные и графические работы, посвященные связи поколений, внутреннему миру и опыту пожилых людей, важности чуткого к ним отношения и внимания. В полотнах его и рисунках — люди, молчаливые свидетели неумолимого времени, погруженные в себя. Каждый портрет — это неповторимый образ прожитой человеческой жизни — со всеми перипетиями в ней добра и зла, света и тьмы.

Старушка
2014 г. Холст, масло. 57×46

Старик
2014 г. Холст, масло. 40×31

Отец
2014 г.
Холст, масло. 91x56

Говоря о своем искусстве, художник вспоминает слова Корнелиу Боба: «Целый оркестр губных гармошек не может выразить „Героической“ симфонии Бетховена. И никакой палитрой, в которой отсутствуют суровые тона, нельзя написать „Страшного суда“». Используя сумрачный колорит, Анатолий достигает нужного эмоционального состояния у зрителя, при котором картины понимаются глубже. Ему нравятся художники-психологи, такие как Рембрандт, Репин, Корнелиу Боба, Гойя,

Николай Ге, Коржев. Их герои ощущаются остро психологически, даже если в картине отсутствуют детали, раскрывающие сюжет. Такая живопись помогает художнику пробудить в зрителе множество ассоциаций, развить воображение и творческое начало. Интерес Анатолия Шумкина к образу Христа, к этическим проблемам человеческой личности делает его реалистическую живопись сопряченной традициям русского духовного искусства.

Автопортрет
2012 г. Холст, масло.
80x63.

Крылов Александр Константинович, художник, руководитель персональной мастерской церковно-исторической живописи Санкт-Петербургского Академического института им. И. Е. Репина, профессор, Заслуженный художник России

Медведев Александр Васильевич, писатель, член Союза писателей, член Союза художников, старший преподаватель Санкт-Петербургского Государственного Университета

ТРАДИЦИИ, СОХРАНЯЮЩИЕ КРАСОТУ

Компиляцию статьи писателя Александра Медведева «Творчество, исследование, опыт», предпосланную книге Заслуженного художника России, ученого, педагога А. К. Крылова «Колористический символизм древнерусской стенописи», используя фрагменты книги, подготовила искусствовед Н. Б. Нешатаева.

Меняются вкусы, взгляды, художественные стили, технические приемы и выразительные средства, но сама природа выразительности остается неизменно загадочной. Неизменно-загадочны, таинственно-прекрасны образы памятников древнерусской живописи, оставленные нам далекими предками. Они, словно бесплотные видения, возникают в сумраке храмов, напоминая о минувшем, канувшем в лету. Они напоминают о тех, кто когда-то, давно-давно, с постом и молитвой, творил эти суровые лики, эти строгие аскетические фигуры...

«Много лет довелось мне быть причастным к изучению и фиксации живописных святяны Древней Руси. Чем больше времени проходит, тем явственнее для меня значение допетровской культуры, отчетливей я вижу в ней источник светлого знания, питающего нас, ее сила не даст оскудеть нашим душам» — так пишет Александр Константинович Крылов — знаток древнерусского искусства, Заслуженный художник России, профессор, возглавляющий основанную им персональную мастерскую церковно-исторической живописи в Санкт-Петербургском академическом институте живописи,

скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Двадцать с лишним лет уже трудами его формируется современная академическая школа церковной живописи. Главная цель ее — «подготовка живописцев, свободно владеющих всеми средствами стенописи и иконописи, сведущих в вопросах богословия и иконографии, ориентирующихся в художественной и архитектурной стилистике различных эпох». И основой обретения храмового живописного мастерства служит методика копирования древней стенописи, впервые в стране разработанная А. К. Крыловым. Вот уже сорок лет с неослабным вниманием изучает и копирует он средневековые фрески Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, Подмоскoвья, Вологды и Ярославля... Копирование и научные исследования древнерусских памятников, проводимые ученым, легли в основу возрождения традиционной академической школы русской церковной живописи, закрытой в 1918 году А. В. Луначарским.

Копирование древнерусских стенописей силами студентов, впервые предложенное М. В. Ломоносовым, в процессе развития отечественного искусства и художественной школы вышло за рамки учебных задач. Хорошо понимавший надежность многовековых связей традиций древнего искусства

с народной жизнью, Ломоносов подчеркивал в своих трудах именно высокий художественный профессионализм, которому следовало учиться у мастеров Древней Руси. «Снять точные копии, чтобы учащиеся живописному искусству, смотря на работы мастеров, к изобретениям привыкли».

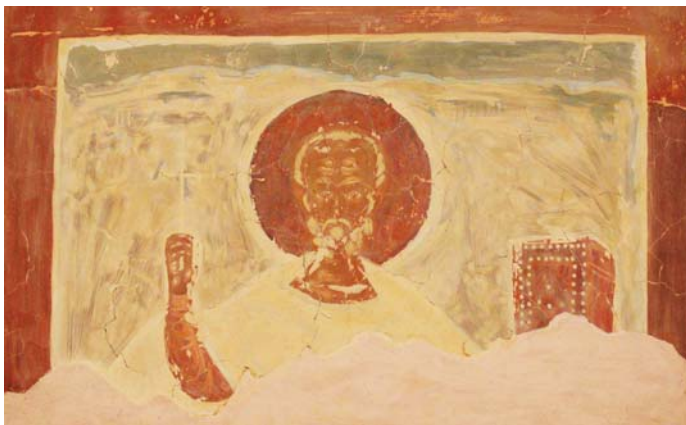
Копирование лежит в основе профессиональной художественной школы, ориентированной на преемственность традиций. Оно обогащает знания, навыки, развивает художественную интуицию. Ему отводилась роль помощника в приобретении молодыми художниками «прекрасных манер» великих мастеров. Метод учебного копирования вошел в академическую систему художественного образования. И студентам в течение всего учебного года предоставлялись особые залы Императорского Эрмитажа. Здесь в свое время работали О. А. Кипренский, С. Ф. Щедрин, К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов, А. А. Иванов и многие другие. Подобная практика в короткие сроки помогла учащимся усвоить многовековой опыт старых мастеров. К. П. Брюллов писал по этому поводу: «Надо было пережевать 400 лет успехов живописи, дабы создать что-нибудь достойное нынешнего требовательного века». Традиция работы академических студентов в залах Эрмитажа сохранена и сегодня. Она служит одним из ориентиров в поисках современной художественной формы.

По уставу Императорской Академии, каждый ее пенсионер, посланный за границу для совершенствования полученных в Петербурге навыков, обязан был исполнить одну или несколько копий с славнейших картин или статуй... Над копиями с ватиканских фресок Рафаэля, украшающими ныне Рафаэлевский зал Академии, работали Ф. А. Бруни, К. П. Брюллов, П. В. Басин, А. Т. Марков. После многолетней работы в Италии А. А. Иванов привез в Россию около трехсот выполненных им копий. Постоянно недовольный результатами своей работы, Иванов копировал произведения старых мастеров разных эпох, напитываясь энергией красоты, постигая тайны. В поисках исторически верных изображений святых Апостолов и Иисуса Христа, изучая все доступные памятники, художник приблизился к таинственной значительности древних иконографических подлинников-первообразов. Проявленное Ивановым стремление к подлинности стало отличительной чертой исторической живописи в произведениях В. М. Васнецова, В. И. Сурикова, В. В. Верещагина, А. П. Рябушкина, Н. К. Рериха и других.

Постижение молодым художником высот искусства через копирование с древнерусских церковных росписей — процесс сложный, где нельзя делать резких скачков и рывков, чтобы не нарушить те тончайшие нити, что соединяют церковное искусство Древней и Новой Руси. Достаточно вспомнить имена А. А. Иванова, М. В. Нестерова, В. М. Васнецова, И. Н. Крамского, являющихся сегодня примером для нас и оставивших глубоко религиозные, вполне духовные произведения живописи.

А. К. Крылов. Копия-фрагмент стенописи 1313 г. с изображением Богородицы и Младенца Иисуса в соборе Рождества Богородицы Снегoгорского монастыря 1989 г. 150x100

А. К. Крылов. Копия фрески «Святитель Николай»
Храм Успения Богородицы в селе Мелотово

Неслучаен большой интерес к древнерусским фрескам и у художников следующего поколения: П. Д. Корина, А. А. Дейнеки, А. Ф. Пахомова, А. А. Пластова, А. Н. Самохвалова. Он во многом определил художественные формы, которые стали основой творчества этих мастеров. Сам факт существования копирования храмовой живописи утверждает особую ценность древних фресок, косвенно защищая их и играя неоценимую роль в воспитании нового поколения художников. Копирование формирует их вкус, приобщает к истории Отечества, пробуждает чувство ответственности перед прошлым и будущим... Студенты Академии успели выполнить до войны 1941–1945 годов ряд бесценных теперь зарисовок и копий с фресок Спаса-Нередицы и церкви Архангела Михаила Сковородского монастыря, уничтоженных фашистами.

С начала 1960-х годов усилиями академика А. А. Мьяникова была возобновлена, прерванная войной и тяжелым послевоенным временем, академическая традиция копирования фресок. Созданная им группа из студентов и преподавателей живописного факультета Академии, единственная в стране, в течение почти четырех десятилетий вела непрерывную работу по копированию древних фресок в Вологде, Звенигороде, Киеве, в Крыму (Херсонес), Можайске, Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, Суздале, Феррапонтове... Специалисты постоянно отмечали высокое качество копий академической группы.

В девяностые годы — в сложнейший период переоценки основополагающих нравственных ценностей, Александр Константинович разработал

поддержанную Д. С. Лихачевым просветительскую программу «Храм». Целью ее была помощь восстанавливающейся Церкви. А после закрытия программы «Храм» по инициативе ученого были организованы ежегодные Макарьевские чтения, посвященные вопросам государственной, церковной и культурной истории России... Практические и исследовательские труды Александра Константиновича в области древнерусской стенописи позволяют современным мастерам монументальной живописи осуществлять росписи стен и иконостасов в возрождаемых и вновь возводимых храмах не только Петербурга, но — Подмосковья, Смоленска и в самых разных городах России и зарубежья.

Знаток древнерусского искусства, художник Александр Константинович в девяностые годы организовал иконостасную мастерскую в Александро-Невской Лавре и тогда же там был написан образ Александра Невского для Свято-Троицкого собора. В начале второго тысячелетия он, вместе с помощниками, восстанавливал утраченные части иконостаса Казанского собора... Многолетний опыт художника-исследователя привел профессора Крылова к убеждению, что «традиция и новаторство в лучших своих проявлениях имеют одну точку схода — образительный и мировоззренческий канон». Личным примером мастер, авторитетный предшественник, вдохновляет последователя, давая ему вместе со знаниями творческий импульс к работе.

«Мои первые впечатления о древнерусском искусстве, — пишет Александр Константинович, — относятся к годам моего детства, где

А. К. Крылов. Копия фрески. «Ангел. Вознесение»
Храм Рождества Богородицы Снетогорского монастыря

соединились Победа 1945-го и торжественная древняя красота, сказочная, желанная. Такой она поныне остается для меня. Рассказы учителя-фронтвика о Звенигороде, Нередице, Волоколамске — стали начальным знанием о предназначении искусства на Русской земле.

Прошли годы, мне выпало счастье десятилетиями работать на храмовых подмостках, копировать и постигать тайны священной стенописи. С 1970-го, от начала лета до снегов, проводил я в храмовой тишине, свидетельствуя необычные черты русских фресок, обретая бесценный опыт познания... В храме была тишина и воля, а вне стен его — старые деревья, душистые травы, река, голоса птиц, — вековая живая Русь. Она была рядом...»

Восприятие истории Родины проявлялось у Александра Константиновича со студенческих лет в ощущении порой незримых связей ее прошлого и настоящего. Тогда же связующим звеном исторического пути России и ее культуры стало для него осмысление Великой Отечественной войны. Сын защитников Ленинграда, дитя Победы, он еще в 1970-х годах работал под руководством профессора А. А. Мьяникова над большим панно «Освобождение Новгорода». И здесь, в пространстве картинной плоскости, он соединил тему исторической легенды, тему святых древнерусского государства с новой историей страны, проявившей мужественный лик русского воина XX века... Здесь — единение образов воинов-освободителей и «гения места» — свято-русских новгородских храмов.

Тема войны и в его картине «Ленинградки. 1941 год». Но здесь художник искал изобразительные возможности для передачи противостояния

мирных жителей блокадного Ленинграда военной мощи нацистской Германии. Неугасимо лампадой светится блокадный фителек, являясь композиционным ключом картины, раскрывая стержень ее построения — движение крестного знамения. Женщины, изображенные здесь, словно осенены крестною силою. Картина была удостоена Премии Ленинского комсомола. Ее одобрили именитые мастера советского искусства: А. А. Мьяников, Б. С. Угаров, Г. М. Коржев, Ю. М. Непринцев... В панно «Освобождение Новгорода» и в картине «Ленинградки. 1941 год» отчетливо прослеживается влияние стилистических особенностей древнерусской живописи.

То, что не передавалось словами — любовь к России, чувство причастности к ее истории, благоговейное отношение к древним святыням — Александр Константинович впитывал, глядя на живописные работы любимого учителя — Бориса Васильевича Котика, художника-фронтвика, автора диорамы «Прорыв блокады Ленинграда», открытой в левом пандусе Ладожского моста через Неву 7 мая 1985 года. Древности Приладожья, курганы, урочища, храмы, написанные учителем, помогли раскрыться и вызреть в душе ученика чувству историзма. А пейзажи Поволжья, Изборска, пригородов Петербурга, которые много лет и по сей день пишет сам А. К. Крылов, оказываются своеобразным плодом зерна, зароненного в юности в его душу... Труд художника, понимающего значение Традиции для жизни искусства и культуры его родины, уподобляется работе копииста, сохраняющего и воспроизводящего Красоту.

• 298 •

А. К. Крылов. Ленинградки. 1941 г.
1977 г. Холст, масло. 168×135

←
А. К. Крылов. Освобождение Новгорода в 1944 году.
Эскиз росписи южной стены верхнего вестибюля
Новгородского художественно-исторического музея
1978 г. Бумага, темпера, отмычка, 160×145

• 299 •

*Старая Ладога. Олегова могила. Март
2013 г. Картон, масло*

*У Кремлевских ворот Можайска
2010 г. Картон, масло*

*Никольская церковь Труурова городица
2013 г. Картон, масло*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Свидетельствами жизни, наполненными «воздухом времени», назвал произведения художника Семена Ароновича Ротницкого поэт-фронтовик Михаил Александрович Дудин. В произведениях этих — жизнь, судьба, мысли и чаяния человека, прошедшего дорогами войны, пережившего тяжелые годы послевоенной разрухи, энтузиазм «великих починов», «великих строек», романтику «освоения целинных земель»... А годы спустя, — хаос «перестройки», ломающей судьбы его поколения!.. Все прошло через жизнь Семена Ротницкого, завершившего «в сорок восьмом послевоенном» прерванное войной художественное образование...

Художник Ротницкий жил нелегкой жизнью своей страны, правдиво и честно писал произведения, «наполненные воздухом времени»; учил молодежь тому, что знал и любил сам: полученное от своих учителей в Российской Alma Mater он передавал ученикам — творческой молодежи нового поколения, утверждая — «без почвы и корней нет большого искусства». Убеденный художник-реалист, считавший натуру основой искусства, он прививал любовь к ней и своим ученикам. В творчестве многих из них, ставших известными художниками, натура преобразилась в поэтические, тонко выдержанные по цвету пейзажи и натюрморты. А в творчестве самого Мастера она воплотилась в любимом им жанре — портретном искусстве. «Я работал над портретами интересных мне людей», — говорил Семен Аронович. Людей — славных своим трудом, общественно-значимых; ведь портрет — это образ времени, память о человеке... Многие, известные стране, замечательные современники Ротницкого ушли из жизни, но мы знаем и помним их по портретам, «наполненным воздухом времени» — портретам ученых, актеров, врачей, учителей, художников, знатных рабочих, тружеников села... «Я написал много портретов людей, прошедших войну», — рассказывал Семен Аронович. — Войне, партизанам Псковщины посвятил я и свое главное произведение — картину «Псковичи»...» Картина эта — «живописный памятник» мужеству и борьбе советских людей

на оккупированной фашистами нашей земле. Это — образ сопротивления врагу, образ Родины. Это — эпический коллективный портрет партизан, обращенный к нам из той далекой предпобедной весны... И, глядя теперь уже на репродукцию этой картины, невольно вспоминаешь монументальные полотна, изображающие «людской поток», — «Крестный ход в Курской губернии» у И. Е. Репина и «Душа народа» («На Руси») у М. В. Нестерова... Их соединяет «большая мысль» в «большом произведении искусства» — традиция эпической «народной картины».

Создав полотно «Псковичи», художник исполнил, как говорил он, свой «солдатский долг» перед погибшими на войне... Для него искусство — всегда «долг». И вспоминаются снова и снова его слова: «Искусство — наисерьезнейшее дело. Это — душа народа. И душу эту художник должен беречь пуще жизни своей, ибо он, художник, — выразитель сокровенных чаяний народных. В этом, я думаю, его великая сила и великая ответственность...» Ответственность — одна из главных черт характера и творчества художника Ротницкого. Она пришла к нему в сорок первом — Ротницкому-разведнику, идущему в тыл врага; она всегда была с ним, когда артиллерист Ротницкий корректировал огонь вражеских батарей... Она осталась с ним и в его творчестве: каждое произведение искусства, созданное им, тщательно продумано, четко выверено по смысловому значению, искусно решено в цвете и композиции. И в этом — его высокий художнический профессионализм, его мастерство живописца. И потому так нетерпим был он ко всякому женоваторству, «самовыражению», элементарной профессиональной безграмотности...

Болезненно переживал художник «перестроечное» отрицание прошлого. «С тем, что было, — мы жили, жили с верой и честно. Поэтому больно сегодня, — писал он в девяносто первом году, — больно слышать глумление и злобование, «критику», исходящую от людей, не нюхавших пороха, ничего не построивших, ничего не создавших...» — слова эти современны и по сей день! «Я хочу, — писал художник в своей книге «Сила

красоты», — чтобы память о нашей тяжелой борьбе с фашизмом, о трудной победе и нелегкой трудовой жизни не ушла от нас...» Она — не ушла! Не ушла, потому что живы еще единомышленники Ротницкого — ветераны войны — художники, знавшие его и его творчество; не ушла — потому что пишут свои картины и показывают зрителю — его ученики, помнящие своего учителя; не ушла — потому что, в противовес так называемому «искусству самовыражения» — существует высокопрофессиональное искусство исконно петербургской школы, сохраняющей классическую основу художественного образования, где живут и поныне традиции русской академической школы.

И традиции эти сохраняют и следуют им — воспитанники современной Академии — академического института имени И. Е. Репина... И примером этого «следования реалистическим традициям русской художественной школы» сегодня — последние интересные выставочные проекты художников-реалистов — объединение живописцев, названное ими «На солнечной стороне», и выставка в Русском музее со знаменательным названием «Верность традиции»... Реализм в творчестве современных художников акцентирует разные стороны художественных традиций. В нашу книгу, посвященную памяти Семена Ароновича Ротницкого, вошли сугубо «ПЛЕНАРНЫЕ ПЕЙЗАЖИ» художника А. В. Ямполя, вошли глубокие портретно-символические произведения художника Анатолия Шумкина, проявляющего особый интерес к этическим проблемам личности. Интересны размышления о традициях в духовном искусстве художника А. К. Крылова и писателя А. Медведева, связанные с возрождением русской православной церкви и ее храмовой живописи — фресковой живописи, несущей нам сквозь века духовную красоту, созданную нашими предками... И красота эта — истоки той великой красоты, которую «исповедует» во все времена большое искусство! Не прямо, но косвенно связано с ней и стремление художника Семена Ароновича Ротницкого, всегда считавшего, что «смысл жизни — созидание и служение красоте». И лишний раз подтверждает это его книга — книга записок художника, названная им «Сила красоты». И красоте этой благоговейно и честно служил художник Ротницкий до последней минуты своей жизни... И разговор о нашей книге, посвященной памяти художника, хочется завершить его словами: «Велика сила искусства. И величие его в силе таланта человека — создателя прекрасного».

06.10.2015

*Нешатаева Н. Б.,
искусствовед, действительный член
Петровской Академии наук и искусств*

*С. А. Ротницкий с правнучицей Машей на персональной выставке
1991 г. Фото*

ОНИ ВЕРНЫ СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

*составитель книги Н. Б. Нешатаева
редактор Н. Б. Нешатаева
корректор Т. А. Румянцева
дизайн и верстка К. С. Миларский*

Формат 280×280 мм
Бумага офсетная. Гарнитурa Ално